

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (29)

журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2016

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 2 (29), 2016
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Ошироев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский
институт гуманитарных исследований»
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© КБИГИ, 2016
Редколлегия журнала
«Вестник КБИГИ» (составитель), 2016

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (29)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2016

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 2 (29), 2016
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR, 2016
Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Фоменко В.А.</i> Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Социальная сущность черкесских соприсяжных братств	13
<i>Алоев Т.Х.</i> Эволюция идентичности абазских обществ междуречья Бзыби и Сочи в 30-е гг. XIX в.	21
<i>Жанситов О.А.</i> Восприятие крепости: фортификационный профиль имперского продвижения в Кабарде	30
<i>Гутова Л.А.</i> Адыгские знахари: лечение детских болезней	36
<i>Кешева З.М.</i> Танцевальная культура народов КБР в середине 80-х – начале 90-х гг. XX века в условиях социокультурной модернизации	44
<i>Сергиенко Л.М.</i> Депортация карачаевцев с территории Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны	54

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Тетуев А.И.</i> Роль образования и культуры в консолидации российского общества	59
<i>Базиева Г.Д.</i> Культурная среда и проблемы персональной идентичности	68

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> О вежливо-скромных словах и выражениях в языке и культуре речи черкесов	77
<i>Сабанчиева Л.Х.</i> Образ матери в современной адыгской женской литературе	84
<i>Хьэвжокъуэ Л.Б.</i> Мыкъуэжь Анатолэ и усыггэм жылагъуэ, политикэ Іуэхухэр кызыршыщыгъэлъэгъуар	88
<i>Хьэгъэжей Л.С.</i> Къыщокъуэ Алим и лъагъуныгъэ лирикэм иІэ щхьэхуэныгъэхэр	95

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мамсиоров Х.Б., Сабанчиев Х.-М.А.</i> Новое издание Книги Памяти	99
<i>Малкандуев Х.Х.</i> Исследования об адыгских сказках	103
Сведения об авторах	107

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Fomenko V.A.</i> Caucasian explorer Panait Georgievich Acritas	7
<i>Bgazhnokov B.H.</i> The social entity of cherkessians oath brotherhoods	13
<i>Aloev T.H.</i> The identity evolution of the abaz societies of interfluve of Bzyb and Sochi in the 30 th years of the XIX th century	21
<i>Zhansitov O.A.</i> The perception of the fortress: the fortification profile of the imperial promotion in Kabarda	30
<i>Gutova L.A.</i> Adyghe healers: the treatment of children's diseases	36
<i>Kesheva Z.M.</i> Dance culture peoples KBR in the mid. 80's – early 90 ^{-ies} . XX century in the social and cultural modernization	44
<i>Sergienko L.M.</i> The deportation of karachais from the territory of the Stavropol Region during the Great Patriotic War	54

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Tetuev A.I.</i> The role of education and culture in the consolidation of russian society	59
<i>Bazieva G.D.</i> Cultural environment and problems of personal identification ...	68

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Bgazhnokov B.H.</i> About words and expressions of politely in speech, language and culture of the circassians	77
<i>Sabanchieva L.H.</i> The image of the mother in the modern women literature of adygea	84
<i>Havzhokova L.B.</i> Reflection of social and political motives in Anatoly Mukozhev's poetry	88
<i>Hagozheeva L.S.</i> About Alim Keshokov's love lyrics	95

REVIEWS

<i>Mamsirov H.B., Sabanchiev X-M.A.</i> A new edition of the Book of Memory	99
<i>Malkanduev H.H.</i> Research on adyghe tales	103
The authors of this issue	109

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

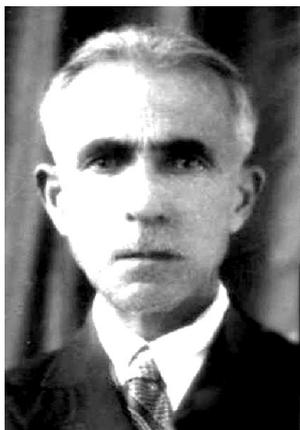
УДК 902/904(479)

В.А. Фоменко

КАВКАЗОВЕД ПАНАИТ ГЕОРГИЕВИЧ АКРИТАС

Статья посвящена биографии советского этнографа и археолога-кавказоведа Панаита Георгиевича Акритаса. До Великой Отечественной войны жизнь П.Г. Акритаса в основном была связана с Закавказьем, Москвой, Киевом, Ленинградом. В 1941 г. Панаит Георгиевич был эвакуирован из Ленинграда в Кисловодск. С 1943 г. до 1953 г. П.Г. Акритас работал в Пятигорском государственном педагогическом институте. В 1953–1961 гг. Панаит Георгиевич заведовал сектором археологии в Кабардинском (позднее Кабардино-Балкарском) НИИ в Нальчике. Исследования и публикации П.Г. Акритаса посвящены в основном историко-археологической и этнографической тематике Закавказья и Северного Кавказа.

Ключевые слова: Закавказье, этнология, Северный Кавказ, Пятигорский педагогический институт, Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, археологические экспедиции, П.Г. Акритас.

В наши дни, к сожалению, имя П.Г. Акритаса знакомо лишь узкому кругу специалистов по археологии и этнологии Кавказа. В 30–60-х гг. XX века Панаит Георгиевич Акритас был хорошо известным этнографом и археологом-кавказоведом.

Краткое жизнеописание П.Г. Акритаса не так давно было опубликовано А.В. Даниловым¹. Оно основано на биографических сведениях, сохранившихся в архиве Пятигорского государственного университета (ранее Пятигорский государственный педагогический институт), где хранится личное дело П.Г. Акритаса².

Панаит Георгиевич Акритас (2.05.1880 – 14.06.1968) родился в Грузии в селении Бешташени³ в крестьянской семье греков-урумов.

Учился в сельской школе и в школе садоводства в Тифлисе. В начале XX в. П.Г. Акритас работал учителем в Закавказье⁴. В 1914 г. завершил обучение в Георгиевском реальном училище. В 1920–1924 гг. П.Г. Акритас продолжил образование в Тбилисском политехническом институте, одновременно работая в школах Грузии.

В 1930-х гг. Панаит Георгиевич работал в Институте Кавказоведения Академии наук СССР и преподавал в Закавказском коммунистическом университете, затем в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе в Тбилиси. С 1938 г. работал научным сотрудником Института этнографии Академии наук СССР⁵. В предвоенные годы преподавал на курсах в Москве, в Днепропетровском и Киевском гос. университетах⁶, работал в Ленинграде.

В 1941 г. П.Г. Акритас был эвакуирован из Ленинграда в Кисловодск. До 1943 г. он работал учителем истории в школах Кисловодска⁷.

В 1943 г. Панаит Георгиевич начал преподавать историю и другие исторические дисциплины в Пятигорском государственном педагогическом и учительском

институте (далее ПГПИ)⁸. В 1945 г. решением ВАК Панаит Георгиевич утвержден в ученном звании доцента⁹. В 1948 г., после защиты диссертации на тему «Пережитки древнейших культов на Кавказе и их связь с вишапами»¹⁰, Совет Института истории материальной культуры АН СССР присуждает П.Г. Акритасу ученую степень кандидата исторических наук¹¹.

Известно также, что П.Г. Акритас увлекался туризмом, был инициатором, организатором и участником похода по кратчайшему маршруту из Северного Кавказа через Рокский перевал в город Гори в 1951 г.¹²

Под руководством Панаита Георгиевича в ПГПИ работал студенческий кружок «Археолог», проводились археологические разведки в районе Кавказских Минеральных Вод¹³. П.Г. Акритас совместно с пятигорским археологом Н.М. Егоровым изучал у Железноводска между горами Бык и Змейка следы средневекового торгового пути из Прикаспийских степей к западно-кавказским горным перевалам и далее к портам Причерноморья¹⁴.

В 1952 г. П.Г. Акритас организовал археологическую экспедицию студентов ПГПИ в долину реки Кяфар близ станицы Сторожевой (современная Карачаево-Черкесия). Этой экспедицией были заново открыты средневековое городище и каменные дольменовидные гробницы, в том числе т.н. «царский мавзолей»¹⁵. Археолог Л.Н. Глушков через несколько лет перевез «мавзолей» в Ставропольский краеведческий музей¹⁶. На стенах этой монументальной «царской» гробницы рельефно изображены сцены с фигурами людей и животных¹⁷. Панаит Георгиевич считал этот памятник адыгским¹⁸.

В экспедиции 1952 г. принял участие студент П.Г. Акритаса, ныне известный археолог-кавказовед, доктор исторических наук Владимир Александрович Кузнецов. Впервые поехав на археологические раскопки из любопытства, В.А. Кузнецов в дальнейшем посвятил полевому изучению памятников Карачаево-Черкесии более 25 лет (1953–1978 гг.)¹⁹.

Вполне возможно, что П.Г. Акритас, стал прообразом ученого-археолога Константина Ивановича – персонажа научно-популярной книги пятигорского писателя А.М. Князева «Встречи с предками»²⁰.

Летом 1953 г. в связи со снижением учебной нагрузки преподавателей ПГПИ и прекращением набора студентов на историческое отделение²¹, П.Г. Акритас был «намечен к увольнению» и, несмотря на преклонный возраст, вынужден был искать себе другую работу.

Еще в 1946 и 1949 гг. Панаит Георгиевич принимал активное участие в масштабных археологических экспедициях (под руководством Е.И. Крупнова и К.Э. Гриневича) на территории Кабардинской АССР²². Потому деятельный и неутомимый П.Г. Акритас после ухода из ПГПИ сосредотачивается на сугубо научной работе²³ в Кабардинском (позднее Кабардино-Балкарском) НИИ в Нальчике²⁴, где он в 1953–1961 гг. был заведующим сектором археологии (рис. 1)²⁵.

В недавно опубликованной книге воспоминаний известный узбекский археолог Э.В. Ртвеладзе так вспоминает о П.Г. Акритасе, участвовавшем в археологической экспедиции КБНИИ 1961 г. в Верхнем Чегеме: «... очень пожилой (ему уже тогда было под восемьдесят) человек, неизменно ходивший в соломенной шляпе и плаще. Он был этнографом и опубликовал ряд работ, некоторые еще до революции. Грек по происхождению, он везде и постоянно искал следы греческого пребывания на Северном Кавказе, в том числе в Балкарии»²⁶.

Некоторые авторы пишут о конъюнктурных высказываниях П.Г. Акритаса. Например: «... печально известный П.Г. Акритас пытался доказать, что «... балкарцы – диверсионная группа крымских татар, заброшенная в XVI веке в тыл кабардинского народа»²⁷. По этому поводу можно сказать, что Панаит Георгиевич был чрезвычайно увлечен историей греков (в т.ч. византийцев) и адыгов. Вместе с тем, после возвращения балкарцев из ссылки, в конце 50-х и начале 60-х гг. он

принял активное участие вместе с другими археологами в изучении памятников горной Балкарии²⁸.

В июле 1961 г. Панаит Георгиевич ушел на пенсию²⁹ по состоянию здоровья. Заведующим сектором археологии КБНИИ был назначен Гавриил Иосифович Ионе³⁰.

О личной жизни П.Г. Акритаса сведений сохранилось мало. По данным П. Папунидиса Панаит Георгиевич был женат на Сариевой Марии Федоровне. Единственная его дочь – Евгения (в замужестве Жмакина)³¹. Умер Панаит Георгиевич в городе Пятигорске 14 июня 1968 г.³²

Рис. 1. В секторе археологии КБНИИ. Ноябрь 1960 года.
Слева направо: О.Л. Опрышко, П.Г. Акритас, Г.И. Ионе

Из автобиографических данных известно, что П.Г. Акритас очень переживал за судьбу цалкинских греков и в молодости участвовал в революционном движении в Грузии и в России. В интернете содержится информация, которая возможно имеет отношение к «революционному прошлому» советского ученого П.Г. Акритаса. Но полной уверенности в том, что речь идет именно об этом человеке, нет. Во первых различается произношение имени: Панайот вместо Панаит, во вторых не называется отчество участника революционных событий. Тем не менее приводим и эту информацию, которая возможно повествует о жизни П.Г. Акритаса.

Как сообщает сайт «Греческий мартиролог» (<http://greek-martirolog.ru>) «В 1920 году Панайот Акритас избирается председателем Народного собрания эллинов-крестьян Восточной Грузии. Перед Собранием стояла нелегкая задача: добиться переселения греков из Цалки в Грецию. Для изучения ситуации Собрание направило в Грецию представительную делегацию во главе с П. Акритасом³³. Полгода цалкинцы провели на земле предков, объехали всю Македонию, практически обо всем договорившись с греческим правительством. После их возвращения в Цалке сформировали межведомственный комитет по переселению. Но в самый разгар его работы на землю Грузии ступила советская власть. Ее решительная поступь заставила замолчать ретивых цалкинцев, а П. Акритаса – уйти в подполье. Новая власть выяснила, что он – не просто один из организаторов «греческого заговора», а еще и член партии эсеров (под ее флагами П. Акритас участвовал в

революционном движении в феврале 1917 года в Нижнем Новгороде, а позднее стал представителем Временного правительства в Пензе). Около года он не объявлялся в Цалке»³⁴. В автобиографии П.Г. Акритас указал, что с ноября 1919 по март 1920 г. жил в Греции (Салоники и Афины) в связи с выселением греков-урумов из Грузии, но с приходом советской власти вернулся обратно³⁵.

Во время т.н. «греческой операции НКВД» (1937–1938 гг.). П.Г. Акритасу также, видимо, приходилось скрываться. «В середине 1937 года, опасаясь ареста на родине, П. Акритас перебирается ... в Москву. Как-то на Серпуховской площади ему показалось, что за ним следят (в толпе мелькнуло лицо знакомого работника грузинского НКВД). Панайот принимает решение покинуть Москву и устраивается проводником в поезде Москва-Владивосток. Он многократно пересекает страну с запада на восток и с востока на запад, нигде не задерживаясь и не выходя в город в конечных пунктах маршрута. Панайот переписывается с семьей, указывая в качестве своего адреса почтовые отделения по маршруту поезда № 1 ... Он сошел с поезда «Россия», когда «греческий поезд» уже ушел»³⁶.

В заключении статьи благодарю Олега Леонидовича Опрышко³⁷, поделившегося своими воспоминаниями о П.Г. Акритасе в период его работы в городе Нальчик и фотографиями из личного архива. Также благодарю заведующую научным архивом КБИГИ А.К. Шапарову, подобравшую биографические документы о сотрудниках сектора археологии нашего института: Г.И. Йоне и П.Г. Акритасе.

Примечания

1. *Данилов А.В.* Акритас Панаит Георгиевич // Археологический журнал. Армавир: Армавирский госпедуниверситет, 2008. Вып. 2. С. 137–140.
2. Отдел хранения документов Пятигорского государственного университета. Личные дела сотрудников ПГПИ, работавших с 1939 по 1959 год. Оп. 2. Д. 219.
3. Там же. Л. 69.
4. Там же. Л. 76 (автобиография П.Г. Акритаса).
5. Там же. Л. 76 об.
6. Там же. Л. 80 об.
7. Там же. Л. 81.
8. Там же. Л. 101.
9. Там же. Л. 90.
10. Полностью работа видимо не публиковалась. Известны статьи на эту тему. Например: Акритас П.Г. Вишапы и их связь с культом живой рыбы, открытым на Кавказе // Сборник научных трудов Пятигорского пединститута. Пятигорск. 1948. Вып. 11. С. 86–100.
11. Отдел хранения документов Пятигорского государственного университета. Личные дела сотрудников ПГПИ, работавших с 1939 по 1959 год. Оп. 2. Д. 219. Л. 89.
12. Там же. Л. 81 об.
13. Там же. Л. 104.
14. *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 32–34.
15. *Фоменко В.А.* О так называемом «царском» мавзолее на реке Кяфар в Верхнем Прикубанье // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2013. Вып. 1 (20). С. 49–57.
16. *Селунская И.* Ставропольский государственный краеведческий музей имени Г.И. Прозрителева и Г.К. Пправе. Роман о музее. Ставрополь, 2005. С. 67–69.
17. *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 44–47, 148. Рис. 71.
18. *Князев А.М.* Встречи с предками. Ставрополь, 1970. С. 63.
19. *Кузнецов В.А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. 6; *Кузнецов В.А.* В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977; *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз

в X–XII вв. Феодалный город Алании. Ставрополь, 1993; Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск, 2008.

20. Князев А.М. Встречи с предками. Ставрополь, 1970.

21. Позже отделение было переведено в Ставрополь.

22. Акритас П.Г. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 году (предварительные итоги) // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1947. Т. XI. С. 301–318; Гриневич К.Э. Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции 1949 года. Нальчик, 1949. Рукопись хранится в архиве Института археологии РАН. Ф. Р-1. Д. 350.

23. Акритас П.Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 году // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1955. Т. X. С. 25–68; Акритас П.Г. Первобытнообщинный строй на территории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 3–18; Акритас П.Г. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1957. Т. XI. С. 407–414.

24. Научный архив КБИГИ. Фонд «Отдел кадров». Д. 1 (личное дело П.Г. Акритаса). 33 л.

25. Кабардино-Балкарскому институту гуманитарных исследований 75 лет. Нальчик, 2001. С. 56.

26. Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Ташкент, 2012. Кн. I; Ртвеладзе Э.В. Верхний Чегем. Археологические экспедиции 1961–1962 гг. // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 86–91.

27. Шабаетов Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 237; Зумакулов Б.М. Из новейшей истории балкарского народа (1944–2003 гг.) // Сайт <http://www.kabardin-balkar.izbirkom.ru>.

28. Акритас П.Г. Выступление // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. С. 276–279; Акритас П.Г., Медведева О.Л., Шаханов Т.Б. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1960. Т. XVII. Серия историческая. С. 67–96; Акритас П.Г. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9. С. 177–192; Акритас П.Г. и др. История Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1967. Т. 1.

29. Научный архив КБИГИ. Фонд «Отдел кадров». Д. 1 (личное дело П.Г. Акритаса). Л. 33.

30. Фоменко В.А. Из истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии: археолог Гавриил Иосифович Ионе // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 22–27.

31. Папунидис П. Акритас Панаит Георгиевич – кандидат исторических наук (1880–1976) // Сайт papounidis.com. 2 ноября 2010 г.

32. Отдел записи актов гражданского состояния управления записи актов гражданского состояния Ставропольского края по городу Пятигорску. Актовая запись о смерти № 426 от 14 июня 1968 года.

33. Энциклопедия советских греков. Сост. Ф. Кессиди. Прогресс-культура. 1994. С. 17–18.

34. Джуха И.Г. Греческая операция: история репрессий против греков в СССР. Алетей. СПб., 2006 (<http://greek-martirolog.ru>).

35. Отдел хранения документов Пятигорского государственного университета. Личные дела сотрудников ПГПИ, работавших с 1939 по 1959 год. Оп. 2. Д. 219. Л. 69.

36. Джуха И.Г. Греческая операция: история репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетей, 2006 (<http://greek-martirolog.ru>).

37. Опрышко Олег Леонидович (род. 1936) – исследователь-архивист, писатель-историк, журналист, специалист по истории Кабардино-Балкарии. Работал главным хранителем Республиканского краеведческого музея, редактором книжного издательства «Эльбрус». Старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Автор ряда книг и научных статей по истории Кабардино-Балкарии. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Опрышко,_Олег_Леонидович&oldid=71398639.

V.A. Fomenko

CAUCASIAN EXPLORER PANAIT GEORGIEVICH ACRITAS

The article is dedicated to the biography of the Soviet ethnography and Caucasian explorer Panait Georgievich Acritas. Before the Great Patriotic war P.G. Acritas's life has been mainly connected with Transcaucasia, Moscow, Kiev, Leningrad. In 1941 Panait Georgievich had been evacuated from Leningrad to Kislovodsk. From 1943 till 1953 P.G. Acritas worked at Pyatigorsk Teachers' Training College. Panait Georgievich was the director of the archeology sector at the Kabardian (later Kabardian-Balkar) research institute in Nalchik. The research works and publications of P.G. Acritas are dedicated mainly to the historical archeological and ethnography topics in Transcaucasia and North Caucasus.

Keywords: Transcaucasia, ethnology, North Caucasus, Pyatigorsk Teachers' Training College, the Kabardian-Balkar research institute, archeological expeditions, P.G. Acritas.

Б.Х. Бгажноков

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕРКЕССКИХ СОПРИСЯЖНЫХ БРАТСТВ

Родовые союзы рассматриваются в статье в тесной связи с социальной историей черкесов в XVII–XIX вв. Они выросли из сложной системы отцовского рода, опираясь на эту систему, оставаясь, тем не менее, формой искусственного политического объединения и родства.

Ключевые слова: родовые союзы, племя, народность, клан, термины родства, Черкесия, присяга.

1. Отцовский род и его структура

Черкесские братства вырастают из общей системы родства адыгов, как форма объединения некоторого множества кланов в союз со своим названием, с единой системой управления. Отцовский род становится своего рода «строительным материалом» такого рода союзов. Поэтому, прежде чем приступить к анализу братских союзов посмотрим, как устроен у черкесов традиционный отцовский род, какие функции он выполняет.

Как известно, основой существования и продолжения родственных связей считается у черкесов кровное родство мужчин. Вследствие этого наиболее точным обозначением рода или клана стал почти повсеместно термин *лакьуэ*, который образован из слов *лы* – «мужчина» и *кьуэ* – «сын». В итоге получаем сложное слово (композит) с говорящим за себя дословным значением – «сыновья мужчин». Судя по исследованиям Дж.Н. Кокова, в настоящее время в России и за рубежом насчитывается в общей сложности около 3 тыс. адыгских родовых групп (кланов) или фамилий¹ при общей численности черкесов (по разным оценкам) около 7–8 млн. человек. Формальный глава каждого рода или клана – самый старший мужчина – *лакьуэ тхьэмадэ, лъэпкъым и нэхьыжь*.

Каждый род или клан имеет свою фамилию *лакьуэцIэ/лъэпкъыцIэ* и насчитывает обычно от нескольких десятков до несколько сотен семей, достигая иногда в общей сложности тысяч, десятков тысяч человек. Многие из них живут отдельными, разобщенными группами на удаленных друг от друга территориях. Поэтому установить кровную связь между всеми носителями подобных фамилий очень трудно, подчас, невозможно. Однако эта связь легко прослеживается в локальных группах, где хорошо сознают и признают общность своего происхождения по отцовской линии, то есть помнят и называют в цепи предков все звенья, которые, постепенно сужаясь, сходятся в имени первопредка – желательно и по возможности в седьмом, еще лучше – в девятом колене. Объединенная на этой почве группа семей образует патронимию – более узкую, чем клан, и вполне реальную форму родства, известную у адыгов, особенно у восточных, под названием *зэунэкьуэцI* – «потомки сыновей одного дома».

Таким образом, большие кланы состоят обычно из некоторого множества патронимий. В каждый из таких патронимий, как сказано, все знают и обязаны знать свою родословную до седьмого колена – *лэтэхьэгьуибл/лэтэхьэгьуибгьу* букв. «семь (девять) сменяющих друг друга мужчин (предков)».

Человек, иначе говоря, должен назвать имена семи (девяти) своих предков по мужской (отцовской) линии снизу вверх – *адэцИибл/адэцИибгъу* или сверху вниз, со стороны потомков – *лЭужьибл/лЭужьибгъу*. Если счет начинается с имени отца, затем деда и т.д., то именно в этом случае родословную называют – *адэцИибл/адэцИибгъу* букв. «имена семи (девяти) отцов (предков)». Если же счет ведется, начиная с самого дальнего предка (отца) – в седьмом или девятом колене, вплоть до родного отца, родословная приобретает иную форму – *лЭужьибл/лЭужьибгъу*, что почти буквально означает «семь (девять) потомков по мужской линии».

Возникая первоначально в результате сегментации одной семьи, патронимия постепенно разрастается, почкуется. В результате образуется круг наиболее близких и дальних унакошей. Для их обозначения существуют и активно используются соответствующие синтагмы родства – *унэкъуэц благъэ*, *унэкъуэц жыжьэ*². При этом к ближайшему кругу патронимии относят членов сравнительно небольшого числа семей, восходящих к деду или прадеду. Для обозначения родственных групп этого типа используют часто классификационные термины *лЫбын* – «рожденные от (одного) мужчины», *зэшбын* – «рожденные от братьев». Это своего рода малые патронимии, в названии которых также и довольно отчетливо отображен приоритет отцовства и отцовского рода.

Хозяйственно-экономические отношения и коммуникативные связи между членами малых патронимий более интенсивные и тесные, чем отношения с членами больших патронимий, с «дальними унакошами». В прошлом это была фактически одна большая семья, в которой вместе с родителями в большой многодворной усадьбе жили семьи их женатых сыновей с детьми. Сами за себя говорят различные названия таких объединений: «большая, вместе живущая семья» – *унагъуэихуэ зэхэс*, «братская семья» – *унэзэи зэхэс*³, *унагъо лужьу* – «густая семья», *зы лэгъупым лусыгъэхэр* – «сидевшие у одной надочажной цепи», *зы лэгъупым кыкИыгъэхэр* – букв. «из одного котла вышедшие»⁴.

В основном именно такими – большими семьями жили адыги во всех областях Черкесии. Неоднократно отмечалось в данной связи, что в одном черкесском дворе располагается от 10 до 20 и более домов, в которых проживает несколько десятков ближайших родственников.

2. Родовые союзы или братства как институты народного правления

Приоритет отцовства и отцовского рода отображен и в термине, который использовался для обозначения черкесских братств. Это слово *лЭужь* – букв. «потомство по мужской линии». Видимо, братство рассматривалось изначально как союз кланов, имеющих общие корни по отцовской линии. В дневнике пребывания в Черкесии в 1837–1839 гг. Дж. Белл постоянно рассказывает об адыгских братствах, называя их «тлеушами» и считая одной из самых примечательных особенностей социальной организации черкесского общества. Так, в записи от 15 декабря 1837 г. читаем:

«Черкесским термином, обозначающим общество или братство, является «тлеуш», что также означает поколение, род, происхождение.

По традиции члены каждого тлеуша имеют общую для всех родословную; так что их можно считать членами одних и тех же родов, или кланов; с учетом этой принадлежности к одному и тому же роду все считаются равными. Эти члены одного и того же братства, будучи вроде двоюродных родственников, не только не могут жениться друг на друге, но даже их крепостные должны заключать браки с крепостными другого братства»⁵.

Объединяя в своем составе десятки кланов, в XVII–XIX вв. родовые союзы получили широкое распространение в области Абаза на юго-западе Черкесии, то есть в Шапсуге, Натухае и Абазехии, включая, частично, Убыхию и Джигетию. По

достоверным данным Дж. Белла, Л.Я. Люлье, Т. Лапинского и некоторых других авторов в первой половине XIX в. все находящиеся в составе Шапсугии (включая формально отделившийся от нее Натухай) и Абазехии родовые группы свободных крестьян-тфокотлей были объединены в 16 родовых союзов или братств. Из них 8 находилось в Шапсуге и Натухае и 8 (то есть столько же) – в Абазехии. Известны названия этих братств, которые давались обычно по имени одного из самых многочисленных и могущественных родов, состоящих в каждом братстве.

Шапсугско-натухайские братства и кланы. Шапсуги и натухайцы, известные под общим названием «агучипс», были объединены в восемь братств под следующими именами: 1) Кобле (*Кублэ*), 2) Шоотох (*ШауэтГэху*), 3) Гуаго (*Гъуагъуэ*), 4) Шхепит (*Щхъэпыт*), 5) Емиш (*Емыщ*), 6) Натхо (*Натхъуэ*), 7) Натахо (*Натлахъуэ*), 8) Гуае (*Гъуаийе*)⁶. Такой же список, но в другом порядке, приводит в своей статье об адыгских братствах Э.Л. Коджесау, ср.: Кобле, Схепит, Надхо, Натахо, Гуаго, Соотох, Гуаийе, Емц⁷.

По данным Хан-Гирея общее число родовых групп или фамилий, входивших в состав шапсугских и натухайских братств, равнялось 130 вместе с дворянскими фамилиями, которых у шапсугов было 5, а у натухайцев 10. В списке Л.Я. Люлье число крестьянских родовых групп или кланов в Шапсуге и Натухае достигало 131, без учета дворянских родовых групп и фамилий⁸.

Из пяти дворянских кланов Шапсуга (Аббате, Ввххо, Ххоркозе, Шеретлоко, Немере) три первых рода были объединены в дворянское соприязыжное братство Аббате, а два последних в соприязыжное братство Шеретлоко. Из десяти натухайских дворянских кланов (Ввпако, Ддхгер, Зжьэ, Кази, Тайхо, Меко, Ккерзде, Дрфе, Ккуйшикко, Деде) первые шесть входили в состав дворянского соприязыжного братства Шупако (Ввпако), а четыре последующих в дворянское братство Керзек (Ккерзде)⁹.

Абазехские братства. Имена восьми абазехских братств мы находим только у Л.Я. Люлье: Цей, Куб, Дзид, Хаток, Свюзе, Глишь, Кут, Кетаур и Бирица¹⁰. О восьми абазехских братствах или «племенах», не называя их имен, пишет также Т. Лапинский. По его свидетельству они находились в родстве с восемью шапсугскими (шапсугско-натухайскими) братствами и пишет в данной связи: «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен ... Из этих восьми племен каждые два родственны между собою и образуют, собственно, одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абадзехов»¹¹.

По данным Л.Я. Люлье, общее число родовых групп (кланов), охваченных восемью братствами или «отраслями» абазехского народа, достигает, по его словам, 80¹². В списке Хан-Гирея 69 абазехских родовых групп, включая 8 дворянских фамилий: Анфекко, Дянчате, Бешикко, Едде, Инемкко, Даурс, Ххуштекко, Недькко¹³. Из его слов следует, что из этих восьми дворянских фамилий первые три были объединены в соприязыжное братство Кушмез, а пять других – в братство Оздемир.

Таким образом, в Шапсуге, Натухае и Абазехии в 1830–1850-х гг. XIX в. было изначально 16 братств, объединявших в своем составе 200–211 родовых групп, в среднем по 12–13 родов в каждом братстве. При этом общая численность шапсугов, натухайцев и абазехов достигала по подсчетам Т. Лапинского (самым скромным, по его словам) 814 300 душ. Из них в Шапсуге и Натухае 469 200 душ, в Абазехии – 345 100 душ¹⁴. Следовательно, в середине XIX в. в каждом из 16 братств Шапсуга, Натухая и Абазехии насчитывалось, если опираться на данные Т. Лапинского, в среднем 51 000 человек при средней численности каждого рода 4 200 человек¹⁵.

В основе своей это были союзы свободных крестьян тфокотлей, которые ограничив власть князей и дворян в названных областях, установили власть народа и

создали своего рода республику – Братскую республику Абаза. Собственно, для этого и создавались адыгские братства. *Своей задачей они ставили консолидацию крестьянских масс и получение возможности управлять обществом, считая это необходимым и полезным для всей страны.* Избранные от каждого братства старшины (по два от каждого братства) определяли весь ход общественных дел в названных провинциях: вопросы войны и мира, судопроизводство, взаимодействие с другими адыгскими народами, с народами и государствами за пределами Черкесии. В соответствии с «кодексом братства», каждый член такого объединения мог рассчитывать на помощь во всех его делах (уплата калыма, цены за кровь и т.д.). В то же время он обязан был оказывать такую же помощь другим членам братства. Коллективная взаимопомощь и порука, безоговорочная защита интересов каждого своего члена была и постоянно оставалась краеугольным камнем адыгских братств.

Создание братств или союза родов скрепляли клятвой-присягой. Отсюда еще одно название адыгских братств – *тхьэрыгуэгъу* букв. «соприсяжники», «соприсяжное братство». Кстати, Дж. Белл постоянно использует этот термин (в виде «тарко») как синоним слова «тлеуш». Таким образом, реально в основе черкесских братств лежит все же фиктивное родство, основанное на общественном договоре или присяге. При этом соприсяжников не связывали такие особенно важные для соседской общины условия, как общность занимаемой территории и совместное ведение хозяйства. По существу адыгские братства надстраивались над соседской общиной, подчиняли ее своему влиянию.

Идеологию родовых союзов определяли крестьянские массы, вольные земледельцы. Объединившись в братство, они умело пользовались многократным численным превосходством над дворянами, о котором наглядно свидетельствуют списки родовых групп и фамилий в Абазехии, Шапсуге и Натухае, составленные в 30-х гг. XIX в. Л.Я. Люлье и Хан-Гиреем¹⁶. В то же время дворяне, следуя примеру крестьян, создавали свои собственные родовые союзы. И, что особенно важно подчеркнуть, им в этих условиях оставалось только примкнуть к одному из могущественных крестьянских братств. Например, у шапсугов дворянское братство Абата, состоящее всего из трех малочисленных родов или фамилий, объединилось с братством Кобле, состоящим из 37 крестьянских родов. У натухайцев дворянское братство Шупако (из пяти-шести родовых групп) объединилось с тфокотльским братством Натхо из 28 родовых групп. С крестьянским братством Гуае в том же Натухае состояло дворянское соприсяжное братство Керзек из шести фамилий.

Что же касается крепостных крестьян или рабов, то они автоматически (без присяги, не имея права и возможности возразить) включались в состав братства своих господ и вместе с ними соблюдали установленные внутри такой общности правила, в том числе и брачные запреты. Этим положение рабов несколько не облегчалось, напротив – только ухудшалось, еще больше привязывая их к своим господам. И это, надо заметить, вполне отвечало интересам тфокотлей, которые также имели рабов, число которых, у некоторых крестьянских старшин превышало число рабов, принадлежащих дворянам.

В отличие от этого, крепостные, отпущенные на волю (азаты) вступали в братство как его полноправные члены, «давая клятву придерживаться его предписаний и платить свою долю его штрафов»¹⁷. Таким образом, принцип, согласно которому членом братства может быть лишь «свободнорожденный мужчина» или вольноотпущенник, получивший статус свободного человека, соблюдался последовательно и строго.

Как правило, свое название братство получало по имени самого могущественного рода, входившего в это братство. К примеру, в натухайском крестьянском братстве Натхо состояло 32 рода, включая род Натхо. Натухайское дворянское братство Керзек получило свое название по имени одного из шести дворянских

фамилий, входящих в данное братство. Для членов рода Натхо и Керзек это было, конечно, весьма почетно, но не давало особых преимуществ или привилегий по отношению к другим членам братства. Родовые группы, входящие в одно братство, считались юридически и во всех других отношениях равными. При этом внутри братства члены одного рода называли членов другого «братского» рода *лакьуэгудэ* – букв. «пристегнутый, примкнувший, присоединенный род» или *лакьуэгудэ* – «пришитый род»¹⁸. Обращалось тем самым внимание на способ образования братских союзов, на искусственный, договорной характер связей, установившихся между членами различных родовых групп и фамилий.

Для управления обществом и поддержания порядка на подконтрольной территории каждое братство выбирало из своего состава двух старейшин для включения их в высшее собрание страны. Об этом пишет Дж. Белл, по словам которого по состоянию на февраль 1839 года в высшем собрании Шапсуга и Натухая состояло шестнадцать человек, по два представителя от каждого из восьми братств¹⁹. Абсолютное большинство в этом собрании или совете составляли крестьяне. Дж. Белл пишет в этой связи, что влиятельному дворянскому братству Шупако приходилось довольствоваться в нем одним единственным представителем – Кехри-Ку Шамузом²⁰. Под контролем высшего совета в каждом родовом союзе из числа авторитетных, «самых неподкупных и самых умных членов братств» избирался верховный суд «Тарко-Хас» (*тхьэрыуэ хасэ*)²¹.

Аналогичным образом было устроено демократическое правление в Абазехии, где, как сказано выше, было изначально восемь родовых союзов. Число представителей этих союзов, входящих в народное собрание составляло и здесь 16.

Таким образом, демократическое правление в Братской республике Абаза осуществлялось 32 старшинами.

По словам Дж. Белла «Тарко-Хас» следует рассматривать «в качестве палаты представителей, наделенных постоянным, а не временным членством и высшей властью во всем обществе»²². По свидетельствам Дж. Белла и Дж. Лонгворта, во время их пребывания в Черкесии в Натухае в братстве Натхо одним из членов (видимо самых главных) суда был дворянин и священнослужитель из братства Шупако – Мехмет Хаджи Али из Бахчеджика. Общее же число совета судей достигало иногда нескольких десятков. В натухайско-убыхском обществе Ардуача (Адлер) во главе с влиятельным дворянином Али-Би Куат, Дж. Белл застал сорок «только что избранных судей»²³.

Судьи занимались всеми текущими вопросами на всей подконтрольной им территории. В то же время для решения общенациональных вопросов созывались съезды – *зэлуцлэ*, *зэхуэс*. Обычно в таких случаях решались вопросы войны и мира, установления связей с другими государствами, наказание за измену, порядок уплаты и размер налогов и штрафов и т.д. На таких собраниях присутствовали обычно десятки, сотни делегатов от каждого братства, от каждого округа, от каждой народности. Известные старшие свободно высказывали свое мнение по каждому вопросу. Но большое, подчас решающее значение имели и в этом случае мнения и оценки судей – экспертов в области традиционного и мусульманского права.

3. Происхождение и социальная сущность черкесских братств

По словам Хан-Гирея трудно сказать, когда «сей обычный устав собратства образовался и кто были его основателями»²⁴. В то же время он (как и все, кто, так или иначе был знаком с этим институтом) связывал его происхождение с антифеодалной борьбой «вольных земледельцев» или тфокотлей. Создание родовых союзов отражало масштабные процессы и результаты социальных преобразований в Шапсугии, Натухае и Абазехии, резкое увеличение численности и консолидацию

крестьянства, усиление их позиций в сравнении с позициями князей и дворян. По мнению В.К. Гарданова, предпринявшему одно из первых развернутых исследований адыгских братств, начало этим преобразованиям положили крестьянские восстания первой половины XVII в. Согласно сведениям, на которые опирается В.К. Гарданов, тогда была истреблена значительная часть «крупной и мелкой» черкесской знати²⁵.

Сюда можно добавить и одну из записей в дневнике Дж. Белла, где он пишет, что натухаец по имени Сюбеш, рассказывал ему о том, что два века назад (то есть в 30-х годах XVII в.) между свободными крестьянами и дворянами Черкесии началась ожесточенная борьба, закончившаяся тем, что власть последних «была серьезно ослаблена», а численность уменьшена²⁶.

Кажется, обо всем этом свидетельствует отсутствие князей и сравнительно малое количество дворян у народностей, практиковавших объединение в родовые союзы. (Если не считать хегакских и чепсинских князей на территории Натухая, которые прямого отношения к шапсугско-натухайским и абазехским народностям не имели). Сохранилась в то же время память о том, что князья у этих народностей (во всяком случае, у племен, вошедших в состав натухайцев), все же были. Л.Я. Люлье называет даже их имена. По его словам, у племени Гуаие главные дворянские фамилии Керзек и Куйцук, в то время как княжеская фамилия Шесхако «пресеклась». У племени Цухюх, на берегу Черного моря, неподалеку от Сочи, сохранялся дворянский род Цюх. А княжеский род Арин этого племени пресекся, также как и княжеский род Шесхако²⁷.

Определенные промежуточные итоги длительной борьбы крестьянства за свои права подвела Бзинокская битва 1796 г., после которой в Шапсугии, Натухае и Абазехии братствам крестьянских родов стала принадлежать почти вся полнота власти, а власть феодалов была сведена до некоторого минимума, позволявшего им оставаться привилегированным сословием, но с сильно ограниченными правами. По уставу крестьянских родовых союзов малочисленные дворянские (а у натухайцев и княжеские) объединения присоединялись к ним фактически на тех же правах, какими обладали другие члены этих союзов.

В качестве исходной и базовой единицы общества рассматривался при этом тфокотль (*лъхукъуэл*) – «свободный человек», букв. «законно или свободно рожденный муж». Как видим, идея свободы была заключена в самом названии крестьянского сословия. С ней соединилась постепенно идея необходимого равенства всех свободных (свободнорожденных) жителей страны, идея справедливого общества и «счастья наибольшего числа людей».

Смысл такой социальной доктрины или позиции хорошо раскрывается в следующих высказываниях Т. Лапинского:

«Каждый адыг является тфокотлем (свободным, принадлежащим племени). Пши и уорки (князья и дворяне – *Б.Б.*), когда их принимают в племя (в братство – *Б.Б.*), также становятся тфокотлями и вступают в права и под защиту племени (братства – *Б.Б.*). Между тфокотлями нет различия сословий; они живут в полном равенстве между собой. Старшие из среды народа, судьи, вожди и советчики их называют тамадами. Эта должность не выборная и не наследственная. Большое состояние и многочисленная семья, блестящие подвиги против врага, острый ум, красноречие, в последнее время – знание Корана, но прежде всего – преклонный и богатый опытом возраст дают право иметь место и голос в совете старшин»²⁸.

Для В.К. Гарданова и других исследователей социальной истории Черкесии эти факты послужили основанием для выделения шапсугов, натухайцев и абазехов как племен или народностей с демократическим правлением. Подчеркивалось тем самым их отличие от племен с аристократическим правлением, с юридически установленным господством князей и дворян. В то же время, об этом писал еще в 1857 г. Л.Я. Люлье. Сообщая о том, что в ходе длительного противостояния в

Шапсугии, Натухае и Абазехии произошла перемена образа правления, дворяне лишились прежних прав и преимуществ, Л.Я. Люлье пишет, что в конечном итоге «аристократия должна была уступить демократии»²⁹.

Хорошо показан процесс совершавшегося социального выравнивания на примере изменений цены крови, *льыуасэ* за князя, дворянина и крестьянина. По свидетельству Л.Я. Люлье в прежние времена (по-видимому, до Бзюкской битвы), плата за кровь пши (князя) равнялась 100 сха, за убийство вуорка (дворянина) – 43 сха, за убийство тфокотля (простолюдина) – 20 сха. «Впоследствии, – пишет Л.Я. Люлье, – цена крови дворянина была назначена в 30 сха, а еще позднее цена крови простолюдина возвышена сперва в 28 сха, а потом до 30»³⁰. (В данном случае сха, букв. «голова», – это единица измерения цены крови, эквивалентом которой было определенное число оружия, скота и рабов, которое к тому же традиционно было выше у князей и дворян, и гораздо ниже у крестьян).

Следует однако отметить, что, несмотря на общий процесс демократических преобразований, дискриминация в отношении различного рода выплат со стороны дворян и крестьян сохранялась и поддерживалась по традиции во всем. Даже размер калыма, по свидетельству Д.Г. Анучина, был равен у демократических народностей 30 дворянским головам или башам у князей и дворян и 17–18 крестьянских башей у простонародья³¹. Дворяне стремились противодействовать нарушению этих традиций. Дж. Белл пишет, например, о требовании натухайско-убыхских дворян во главе с Али-беом Куат из Адлера вернуться «к древнему черкесскому обычаю», согласно которому цена 30 крепостных равнялась бы цене крови одного дворянина, а 11 крепостных стоимости крови одного тфокотля (крестьянина)³².

В целом, говорить об адыгских братствах, как об инструментах демократических преобразований, можно только условно, в смысле ограничения полновластного господства князей и дворян, при сохранении, тем не менее, основ феодального строя. Поэтому нужно признать, что черкесские братства – это, прежде всего, политические союзы, закреплявшие исторически сложившуюся свободу и власть, взаимозависимость и близость крестьянских родов.

Примечания

1. *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983; *Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж.* Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993.
2. См.: *Меретуков М.А.* Система родства и свойства у адыгов // Уч. записки Адыгейского научно-исследовательского института. Том XI. Майкоп, 1970. С. 304.
3. *Студенецкая Е.Н.* О большой семье у кабардинцев в XIX веке // СЭ. 1950. № 2. С. 176.
4. *Меретуков М.А.* Указ. соч. С. 20.
5. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 330.
6. Дзетель Гиса Ибрагимович. 1905 г.р., Псейтук, Адыгея; Схалыхо Хаджемин Якубович, 1900 г.р., Хаштук, Адыгея.
7. *Коджесау Э.Л.* Патронимия у адыгов // Советская этнография, 1962. № 2.
8. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик. 1978. С. 204–209; *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. Краснодар, 1927. С. 20.
9. *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 203–208.
10. *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 20.
11. *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 77.
12. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. С. 20.
13. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 201–202.
14. *Латинский Т.* Указ. соч. С. 79–80.

15. Дж. Белл приводит более скромные цифры, явно не отражающие реальную среднюю численность соприязжных братств : «от пятнадцати-двадцати до двух-трех тысяч». – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. С. 213.
16. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 20; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 199–209.
17. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 1. С. 212.
18. *Коджесау Э.Л.* Патронимия у адыгов. С. 115; *Она же:* Некоторые пережитки родового быта у адыгейцев в XIX в. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.: Наука. 1964. С. 3 (отдельный оттиск).
19. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. С. 195.
20. Указ соч. С. 196.
21. Там же. С. 183, 258.
22. Там же. С. 258.
23. *Белл Дж.* Т. 2. С. 253.
24. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 211.
25. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1966. С. 247.
26. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. С. 163.
27. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 12.
28. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. С. 102–103.
29. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 21.
30. *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 43.
31. *Анучин Д.Г.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 269–270.
32. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. С. 270–271.

В.Н. Vgzhnikov

THE SOCIAL ENTITY OF CHERKESSIANS OATH BROTHERHOODS

The clans' unions have been considered in the article in the close connection with the history of in the XVII–XIX centuries. These relations grew out of the complicated paternal clans system, based on that system and nevertheless still remaining the form of the artificial political grouping and of the relations.

Keywords: the clans, unions, tribe, nation, clan, terms of relations, Cherkessia, the oath.

Т.Х. Алов

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ АБАЗСКИХ ОБЩЕСТВ МЕЖДУРЕЧЬЯ БЗЫБИ И СОЧИ В 30-Е ГГ. XIX В.

В работе предпринимается попытка исследования особенностей динамики идентичности у абазского населения юго-западного сектора Черкесии в 1830-е гг. Ввиду того обстоятельства, что в данный период отмечается качественный сдвиг в сфере самосознания у жителей рассматриваемого региона, в ходе исследования ведется поиск предпосылок этого феномена как в диахронном плане, так и в контексте непосредственного влияния событий Кавказской войны.

Ключевые слова: Адыге, абазы, черкесы, идентичность, Сочи, Гагра.

Настоящий текст был представлен для доклада на научной конференции в Сухуме в сентябре 2013 г. Вопросы затронутые в нем характеризуются определенной актуальностью и в настоящий момент. В этой связи мы посчитали возможным его публикацию в несколько дополненном виде.

26 июня 1838 г. находясь в Хизе, что в устье р. Шахе, внимательно наблюдавший за политической жизнью в Черкесии Джеймс Белл зафиксировал в своем дневнике весьма впечатлившее его явление. Ввиду высокой информативности сообщения позволим себе привести следующую пространную выдержку из его наблюдения.

«Русские, несомненно, могут похвастаться некоторым «реальным» успехом в завоевании этого побережья, в том смысле, что они захватили столько земли, сколько могут контролировать пушки их фортов; но, что касается успехов их морального завоевания, они, бесспорно, прямо противоположны, так как никогда в человеческой памяти, ни даже в преданиях, относящихся к ней, не было такого единения, какое сегодня существует на всем пространстве этих северо-западных провинций, все еще сохраняющих свободное между собой сообщение. Я хочу резюмировать здесь доказательства этого единения, так как этот факт имеет огромную важность... Вдоль побережья жители говорят на трех различных языках: «адыге», который распространен до маленькой речки Бу, являющейся южной границей Нотухача; «абаза», между Бу и Хамишем (о том, какой язык в данном случае подразумевается под этим названием можно судить по следующим наблюдениям Белла. Он писал: «Язык азраев заметно отличается от языка адыгов или черкесов... Существует третий язык, на котором говорят на территории от Вардана до Хамиша и даже далее»¹).

Л.Я. Люлье не оставляет сомнений относительно принадлежности данного языка. Он отмечает:

«Между землями, населенными с одной стороны Натухажцами, а с другой, Джигетами, находится отдельное племя Убыхи. Из них – прибрежных Черкесы называют Абазде; живущих же на верховьях рек к хребту – Убыхами². – Т.А.); и «азра», от Хамиша и далее на юг, до границы с Мингрелией. Различие этих трех местных наречий таково, что местные жители, говорящие на одном из них, не в состоянии понимать два других. Некогда жители обоих берегов Хамиша в результате древних распрей относились друг к другу холодно и со взаимной неприязнью, и между ними существовали ограниченные сношения и малая общность чувств. Однако, по мере усиления внешнего притеснения, опасность такого состояния дел стала более очевидной, и два вождя – Джерико-Оку Ислам, южный вождь, и Хаджи Дачим-Оку, вождь на этом побережье края, – договорились положить этому конец. Этим двум вождям удалось установить столь полное согласие между двумя племенами,

что во время двух высадок противника в Ардухаче и в Саше они объединились и душой и телом в своих общих усилиях по их отражению, и можно сказать, что отныне образуют одно сообщество, простирающееся от Гагры до Тоапсе. Территорию от Тоапсе до Пшата можно считать краем второй общности, где главным образом предпринимаются меры достижения согласия с живущими в непосредственной близости абазаками; остальная часть Нотухача, вместе с Шапсуком, образует третью общность, которая во многом самая могущественная из трех и, будучи таковой, оказывает огромное моральное влияние на другие сообщества. Я не раз имел возможность заметить, с каким старанием эти последние пытаются не обидеть первую. Прежние разграничительные линии между Бу и Хамишем полностью стерты, так как вплоть до Гагры все жители приняли имя «адыге» и объединяются отныне под этим большим национальным именем³.

Принимая во внимание мотивы пребывания Дж. Белла в стране адыгов и в целом антироссийскую направленность его деятельности вполне правомерен скепсис в отношении возможности столь впечатляющего уровня консолидационных процессов у населения, вовлеченного в открытую вооруженную борьбу против главной соперницы Великобритании на евразийском геополитическом пространстве. Совершенно очевидно, что, для того чтобы столь тесное объединение разноязычного населения юго-западного сектора Черкесии «образовавшее одно сообщество» имело место, одного «внешнего притеснения» было недостаточно. И в этом случае со всей определенностью следует говорить о более глубоких предпосылках обусловивших складывание подобной этнополитической конфигурации.

Обращение к источникам позволяет вполне зримо представить тенденции определявшие контуры ключевой рамки этнополитического взаимодействия в указанном субрегионе. Подписание Адрианопольского трактата в 1829 г. закономерно стимулировало поиски оптимальной стратегии эффективного имперского утверждения в закубанской части Черкесии. В русле подобных изысканий находится и записка двух офицеров Кавказского корпуса – генерал-майора Бековича-Черкасского и полковника Гасфорта, датированная сентябрем 1830 г. Эти авторы, признавая «разделение народа Адиге на разные» составляющие считали, что его «первое главное племя [есть] Абадзе»⁴. В их рапорте констатировалось, что «сюда принадлежат колена», «собственно называемые Абадзе живущие по Черному морю». Показательно, что только после «колена Абадзе» в документе перечисляются (в порядке последовательности) натухайцы, шапсуги, абадзехи и убыхи. Авторы, не игнорируя различия между этими коленами, все же утверждали, что «они входят в общее военно-политическое соображение». Соответственно и предложенное ими будущее административное деление «новоприобретенного» края отражало подобное видение. В «рапорте» предлагалось учреждение «1-го округа» «который мог-бы заключать в себе береговое пространство Черного моря, от устья Кубани до высокога горнаго отрога, близ Гагры, отделяющаго сию полосу земли от Абхазии»⁵.

Подобное предложение, несомненно, проистекало из уже сложившихся представлений о характере территориальной дифференциации этнополитических формирований в регионе. Об этом можно судить по сведениям И. Бларамберга о границах между Абхазией и Черкесией, относящимся к первой половине 30-х гг. XIX в. Он писал: «Абазги (абазины), или абхазы, живут в краях, границами которых являются: на юге – река Ингури, отделяющая Абхазию от Мингрелии; на севере и северо-западе – река Гагрипша, отделяющая абхазов от черкесов»⁶. «Черное море омывает западную границу Черкесии от устья Кубани до реки [Г]агрипши»⁷. «Гагры, или Гагра, – разрушенный монастырь близ устья реки Гагрипши, являющейся северной границей Абхазии»⁸. Весьма скрупулезное изучение различных аспектов жизни населения региона позволило автору в другом месте выпукло обозначить связь между предложенной им пространственной маркировкой и идентичностью. «Абхазия... называемая местными жителями Абснэ, на юге

отделена от Мингрелии рекой Ингури... на севере и северо-западе река Гагрипша отделяет ее от садзов и других черкесских племен...»⁹. В более детальном изложении данное мнение выглядит следующим образом. «Все это пространство (между Мингрелией и крепостью Анапа. – Т.А.) заселено различными народностями, которые по их происхождению и языку могут быть сгруппированы в две основные группы народов: 1) абазы, или абхазы и 2) черкесы, или адыге.

У первых существует пять республик в южной части той территории, о которой мы говорили, эта ее часть называется Абхазия. Считается, что эти республики находятся под властью одного правящего князя Абхазии, который признает главенство России.

Черкесские племена занимают побережье к северо-западу от Абхазии до крепости Анапа, а также левобережье Кубани. У них существуют независимые друг от друга небольшие княжества. Основные племена адыгов расселены вдоль побережья в направлении от северных границ Абхазии до Анапы. Это – садзы, джигеты, пшавы, ясхипши, убыхи и гуайи»¹⁰. Очевидно, что в суждениях И. Бларамберга присутствует немало откровенных заблуждений вносящих путаницу в этнополитическую мозаику описанного им региона. К примеру, можно обратить внимание на чрезмерность упоминания в одном ряду садзов и джигетов, являющихся разными названиями одного и того же этнического формирования. Разумеется, и упоминание пшавов в указанной последовательности должно быть воспринято критически. Здесь, конечно же, речь не могла идти о жителях одного из высокогорных районов на востоке Грузии. Скорее всего, в тексте имеет место грубое искажение наименования «псху». «Ясхипши» также является искаженной формой названия «Эсхорипш», которое выступало в качестве второго наименования садзского общества «Арткуадж». Небезупречно упоминание в этом ряду и убыхов с натухайским подразделением «гуайе». Но как ни странно, Бларамберг, путаясь в деталях, вполне адекватен в осмыслении реалий более масштабного порядка.

Это подтверждается, в частности, и в работах Ф.Ф. Торнау, который лично исследовал интересующую нас часть Западного Кавказа. Тем показательнее его суждения относительно населения рассматриваемого здесь района, что он, в отличие от предыдущих авторов последовательно опирался на лингвистический принцип определения этнической принадлежности. В этом плане совершенно логично, что Торнау никоим образом не игнорировал имевшейся языковой близости между населением различных ареалов, как он обозначал, «абазинского племени» как черноморского побережья, так и северного склона главного хребта. Между тем данное обстоятельство не препятствовало пониманию им и других, не менее важных аспектов этнополитических реалий в данном субрегионе Кавказа. Поэтому, для него было совершенно очевидно, что «проехать за Гагры» с юго-востока на северо-запад означало попасть «к неприязненным черкесам»¹¹ ввиду того, что, как неоднократно им указывалось «Абхазия... занимала морской берег от Ингура до Бзыба»¹². Соответственно и абхазы, по нему, занимали именно этот участок черноморского побережья¹³. Далее, он отмечал: «От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины... Называют они себя сами абадзою, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям своим...»¹⁴. И хотя здесь указывалось на распространенность в данном субрегионе абхазского языка «без всякого приметного изменения» ситуация с идиомом садзов-джигетов была не столь однозначной. Во-первых, нельзя игнорировать компетентных оценок, согласно которым речь идет лишь об «отдаленном наречии» абхазского языка¹⁵. Во-вторых, имеются сведения о еще более радикальном расхождении идиомов к северо-западу и юго-востоку от долины р. Бзыбь. Так, в источнике отмечается, что асадзкуа имело «еще особенное наречие – *асадзипсуа*, не похожее ни на абхазский, ни на убыхский язык»¹⁶. И в этом плане не столь важна даже степень взаимопонимаемости между представителями апсуа и асадзкуа сколь однозначное указание на наличие

у последних отдельного эндолингвонима, т.е. названия языка самими носителями соответствующего идиома. Это обстоятельство в свою очередь позволяет согласно двухфакторной этнолингвистической классификации (эндоэтноним + язык) рассматривать садзов если не в качестве этнической единицы основного уровня, в силу наличия у них единого с северокавказскими абазинами эндоэтнонима то, по меньшей мере, определенно дивергентным по отношению к абхазам этническим формированием. В этой связи закономерно, что абхазы называли своих соседей джигетов асадзкуа, «сохраняя им их название», т.е. отличая от себя¹⁷.

Следует отметить, что данное представление было чрезвычайно устойчивым. В этом плане любопытны воспоминания Л.И. Лаврова о сведениях, полученных им в ходе посещения Абхазии в 1948 г. Они заключались, в частности, в том, что «р. Бзыбь старики абхазцы считают исторической границей Абхазии, а жившие за Бзыбью племена асадзуа не признаются ими абхазами»¹⁸. Те, со своей стороны также пользовались в отношении апсуа и населенной им страны, четко маркирующей их терминологией. О том, что в отношении населения проживавшего к юго-востоку от гагринского хребта жители более северных районов использовали наименование «псиде» писал еще Дж. Белл. Но он ошибочно полагал, что данный термин был инновацией в этнонимической номенклатуре региона вызванной вышеизложенными им этнополитическими процессами¹⁹. На самом деле использование этого термина имело весьма давние традиции. Еще Клапрот, в начале XIX в. писал, что «бсуббех, абассинское племя, живущее... на возвышенностях начинающихся у снежных гор и постепенно опускающихся к Черному морю. Они занимают территорию до Сохум-Кала»²⁰. Он также отмечал: «Согум-Кала, обычно обозначаемая при написании как Сохум-Кала, является главной крепостью турок на побережье Черного моря... недалеко, среди гор, находятся жилища бсуббехов»²¹.

Весьма определенно о ситуации писал и Ф.Ф. Торнау. Говоря о том, что Абхазия с севера ограничена рекой Бзыбь он указывал на то, что она «населена народом, называемым черкесами бзыбь от реки этого имени, как и называют себя сами, принимая также название абсуа. Под словом «бзыбь», – продолжал он, – понимается обыкновенно вся Абхазия или весь абхазский народ; абсуа – более частно и служит ответом абхаза при вопросе ему, какого он происхождения»²². Укорененность подобного представления подтверждается и тем фактом, что вплоть до наших дней потомки депортированного населения из гагро-хостинского междуречья, проживающих в Аджарии мухаджиров из собственно Абхазии называют «бзыпаа», т.е. бзыбь²³. Возможно такая ситуация сложилась не в последнюю очередь по той причине, что «личным владением аh`а была Бзыбская Абхазия»²⁴.

В условиях, когда на уровне языка и самосознания со стороны населения рассматриваемого субрегиона наблюдалось ясное осознание своей инаковости по отношению к южным соседям, дополнительным (и в данном контексте, во многом решающим) фактором определения ключевого вектора этноконсолидационной динамики становится политическая ориентация. В этом плане показательно свидетельство Ад. Берже. Он справедливо относил население проживавшее между рр. Хоста и Бзыбь к большой лингвистической группе «Азегга». Однако это обстоятельство не мешало ему утверждать следующее.

«В настоящее время под общим наименованием Черкес разумеют все горские племена, живущие на северном скате Кавказского хребта и на равнинах Кубанских, начиная от Кубани до крепости Анапы и оттуда по южному скату хребта... Сюда входит, считая и землю Убыхов, вся Малая Кабарда, большая половина Кабардинской плоскости... подгорное пространство между Тебердою, Кубанью, Лабою, Белою, левый берег Нижней Кубани и наконец восточный берег Черного моря от устьев Кубани до р. Бзыби»²⁵.

Ранее подобный взгляд обнаружил и К.Ф. Сталь. Он писал о том, что «восточный берег Черного моря, от впадения Кубани в Черное море до р. Бзыба, занят черкесским народом»²⁶. Свое мнение автор обосновывал тем обстоятельством,

что «абадзехи, Большой Шапсуг, Натхо-Куадж, Малый Шапсуг, убыхи, вордан-цахе, агзах, ахучипсу, псху» учредили союз «между собою и в 1841 году подписали памятный у черкес дефтер»²⁷. Более артикулировано тезис Сталя выглядит следующим образом: «Общества абадзехския, шапсуги, убыхи, вердан, чаче (Саша. – Т.А.), ахучипси и адзах (асацкуа. – Т.А.) положили составить союз, чтобы положить основание всему относящемуся к их религиозным и мирским делам; они связались между собою присягою и на народном собрании на Пшехе в 1841 году издали дефтер»²⁸. По сути это было институциональным оформлением консолидационного процесса у большей части населения Западного Кавказа. О том, что подобный итог стал результатом сознательного политического творчества жителей региона свидетельствует и Ад. Берже. Он писал: «Закубанские черкесы еще с 1837 года начали заключать между собою союзы, как лучшее средство успешных против нас действий, а в 1841 году имели народное собрание на Ишехе (Пшехе. – Т.А.)»²⁹.

Обращает на себя внимание то, что означенное время начала (транспарентного для российской стороны) выстраивания институционально закрепленной политической конфигурации регионального масштаба вполне конгруирует с устоявшимися уже к середине 30-х гг. XIX в. «идентичностными» реалиями в юго-западном секторе Черкесии. Так, в отношении командующего Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена военному министру А.И. Чернышеву от 16 июля 1835 г. по поводу нападения «черкес на Гагры» «Джигетцы и другие прибрежные горские племена, обитающие по ту сторону Гагр» устойчиво отождествляются с черкесами³⁰. В связи с этим можно было бы предположить, что подобная характеристика явилась результатом недостаточной компетентности в вопросах этнополитической маркировки населения данного субрегиона со стороны находившегося за сотни километров от него российского командующего. Однако сложно допустить незнание этих реалий князьями бзыбской Абхазии. В этом плане показательно, что спустя полгода после указанных событий, в феврале 1836 г. небезызвестный князь Ростом Инал-Ипа прочно идентифицировал в качестве черкесов «партию» в 500 человек «под предводительством тавада Хиппат-Иппа Соломона», с которой он вступил в перестрелку на речке Жеудзеха³¹.

Для подлинного понимания внутренних императивов, обуславливавших устойчивость подобной ситуации, существенное значение имеет выявление модуса вовлечения абазского населения рассматриваемого субрегиона в черкесский этнополитический континуум. В этой связи представляется целесообразным выяснение характера взаимодействия садзов и медовеевцев со своими северными соседями. Интересные характеристики в этом плане оставил Ад. Берже. Им констатировалось, что «Ахчипсоу... отличаются духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с Убыхами», а «Айбуга... Это – небольшое разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии (можно полагать, что во многих случаях совместно с теми же убыхами. – Т.А.)»³². Далее автор отмечал, что «часть Цандрипша и небольшое общество Хышха (в верховьях Хашупсе)... покорилась в 1840 году... но покорность эта ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей – Убыхов»³³. Здесь же указывалось, что такие общества как «Кечьба» и «Аредба» также «удерживались» в орбите «Убыхов и Ахчипсоу». Об обществах «Цвиджа» и «Бага» автор был того мнения, что они «находятся под сильным влиянием Убыхов, а в особенности князей Берзеков»³⁴.

По данному вопросу высказывался и Е.П. Ковалевский. Характеризуя специфику этнических процессов в данном районе он отмечал, что «Джигеты в некоторых местах совершенно перемешаны с убыхами, что представляет как бы переход одного народа к другому...»³⁵. Им также подчеркивалось, что «на разделенные общества джигетов имели всегда сильное влияние убыхи, которые направляли их по своему произволу...»³⁶. Примечательно в связи с этим описание одного эпизода Кавказской войны на черноморском побережье. Так, российский военный,

очевидец коллизии вспоминал как «Убыхи, может быть и с частью джигетов, открыли первоначально перестрелку с абхазцами, которые шли впереди батальона...»³⁷. В этом плане представляется красноречивым ответ убыхских «старшин» на предложение командования о покорности российскому императору. В нем они подчеркивали, что русские войска «должны оставить эти места и Гагры и перейти за реку Чорчу-Абазасу (очевидно Жеуадже/Жуаквара. – Т.А.) – и, далее, извещали, – тогда мы будем жить с вами и абхазцами в мире...»³⁸.

Сведения других источников вполне согласуются с подобной картиной. Так, Ф.Ф. Торнау полагал, что «Садзы числом хотя и не слабее убых... но совершенно находятся под [их] влиянием...»³⁹. Г.И. Филипсон также отмечал, что «Джигеты были под сильным влиянием Убыхов...»⁴⁰. Их взаимодействие было настолько тесным, что К.Ф. Сталь счел возможным говорить об общей «стране убыхов и джигетов» в рамках субрегиона⁴¹. Неслучайно поэтому российские наблюдатели отмечали, что «граница джигетов и убыхов, как вообще не определена и неизвестна самим жителям»⁴². Поэтому вполне обоснованно, Сталь указывал на то, что «Убыхи... разделяются на общества: 1) Убых, 2) Вардане, 3) Сочи, 4) Адзах (асацкуа. – Т.А.) и 5) Ахучипси»⁴³. С таким представлением согласуется и мнение другого автора, гласящее о том, что «долины на побережье Черного моря до речки Гагрипши населяют племена убыхов и саше, которых называют также джигеты... ясхипсы (эсхорипш. – Т.А.), иналкупы (псху. – Т.А.)...»⁴⁴. Взгляд на подобную прочную политическую вовлеченность садзов и медовеевцев в Убыхию сквозь демографический, социально-классовый и этнолингвистический аспекты позволяет выявить параметры, определившие плодотворность опыта инкорпорации абазских обществ уже в общечеркесский контекст.

Заметной особенностью демографической ситуации в Убыхии рассматриваемого периода являлось широкое расселение здесь адыгов. Еще Хан-Гирей отмечал значительное присутствие на убыхском побережье – в устьях рек «шапсхгцев» и «натхоккоадцев»⁴⁵. Торнау писал, что «до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени, известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют»⁴⁶. Также им отмечалось, что в Саше проживало «жителей до 10 000, в том числе... черкесы и убыхи»⁴⁷. Последние, согласно сведениям данного автора, «составляли перемешавшись с сапсугами, несколько отдельных обществ...»⁴⁸.

Не вдаваясь в выяснение всех аспектов устоявшегося адыго-убыхского *modus vivendi* обратим внимание на одну из существенных предпосылок, наблюдавшихся мощных консолидационных процессов. Так, требует серьезного внимания сведение о том, что убыхская «чернь» была «отчасти черкесами»⁴⁹. Автор другого труда, хотя и сообщает, что убыхов, садзов и медовеевцев черкесы называют «кушха-зиб абазы», что означает «загорные абазы» посчитал нужным уточнить, что «однако на самом деле они адыгейского происхождения»⁵⁰. Примечательно, что материалы черкесского фольклора подтверждают подобный взгляд⁵¹. На этом фоне определенное звучание приобретает наблюдение Торнау, согласно которому «подобное слияние племен заметно и в Бзыбском округе, особенно, между абхазцами, над самую рекою Бзыбом живущими, которых оклад лица... ближе подходит к черкесскому»⁵².

Значимым, возможно определяющим фактором в направлении и динамике этноконсолидационных процессов, приближавшихся к уровню полноценного синтеза, выступало то обстоятельство, что убыхское «дворянство [было] черкесского происхождения»⁵³. Существование дворянского рода Берзек у абадзехов и убыхов, игравшего у последних несравненно более значимую роль нежели у их северных соседей весьма определенно указывает на обоснованность такого взгляда. В случае с владельцем общества Саша князем Али-Ахмет Облагу он находит дополнительное подтверждение. Как сообщает Ф.Ф. Торнау этот владелец

«происхождение которого... от племени адыга» был «из всех князей и владельцев от р. Шахе до р. Бзыба сильнейший» и «самый значительный», а расположенное «по обеим сторонам р. Сочи» его крупное село носило второе название Облагукуадж⁵⁴.

В подобном контексте естественным выглядит положение, когда в Саше, т.е. Облагукуадже «в употреблении [было] три языка: черкесский, абазинский и убыхский»⁵⁵. На основе одной статичной констатации довольно сложно составить четкое представление о специфике и динамике языковой ситуации в этом районе. Однако источники позволяют безошибочно отследить доминировавшую в этнолингвистических процессах тенденцию. Весьма примечательны в этом плане наблюдения все того же Ф.Ф. Торнау. После поездки на убыхское побережье он писал, что «не успел познакомиться с их народным языком, потому что убыхи, с которыми... встречался, всегда говорили по-черкесски»⁵⁶. Объяснял же он подобное положение тем, что убыхи «слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному»⁵⁷. Обозначившийся тренд был очевиден и для других наблюдателей. «Убыхи говорят особым языком, – сообщал Л.Я. Люлье и добавлял, – со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского»⁵⁸. К.Ф. Сталь не оставил без внимания данное обстоятельство. Он писал: «У убыхов в простонародьи есть еще свой язык, но он день ото дня исчезает. Абазинцы и ногайцы закубанские, кроме своего языка, говорят все черкесским языком»⁵⁹.

В этих условиях представляется, что свидетельство Дж. Белла о том, что жители черноморского побережья «вплоть до Гагры» на юге приняли имя «адыге» следует воспринимать не просто как решительный шаг с их стороны в направлении определенных политических предпочтений, но и как проявление качественного сдвига этнокультурного характера. Он же был возможен лишь вследствие длительных по времени и интенсивных по характеру протекания процессов культурной синергии у населения данного субрегиона. Говоря словами Ш.Д. Инал-Ипа, речь шла о сложении «некоей этно-лингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц»⁶⁰. И именно на этой прочной платформе сформировалась ситуация, которую Т.А. Ачугба охарактеризовал следующим образом: «Садзен не входил в состав Абхазского княжества и его жители находились в тесном экономическом и особенно военно-политическом союзе с убыхами и черкесами (адыгами)»⁶¹.

Примечания

1. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2007. Т. II. С. 255.
2. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. С. 11.
3. Белл Дж. Указ. соч. С. 43.
4. Акты, собранные кавказской археографической комиссией (Далее – АКАК). Т. VII. Тифлис, 1878. С. 904.
5. Там же. С. 906.
6. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 22.
7. Там же.
8. Там же. С. 68.
9. Там же. С. 86.
10. Там же. С. 74–75.
11. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керевов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. С. 65.
12. Там же. С. 66, 171.
13. Там же. С. 483.

14. Там же. С. 456.
 15. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба Полковник Карльгоф // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008. С. 277.
 16. Зураб Вианорович Анчабадзе. Избранные труды в двух томах. Сухум, 2010. Т. I. С. 444.
 17. Люлье Л.Я. Указ. соч. С. 10.
 18. Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1974 гг.) Ленинград, 1982. С. 86.
 19. Белл Дж. Указ. соч. С. 43.
 20. Кларот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. С. 124.
 21. Там же. С. 136.
 22. Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 465.
 23. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. С. 58.
 24. Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. (С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). Сухум, 1934. С. 104.
 25. Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 18.
 26. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 64.
 27. Там же. С. 154.
 28. Там же. С. 166.
 29. Берже Ад. Указ. соч. С. 19.
 30. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Сухум, 2011. Т. II. С. 161.
 31. Там же. С. 184.
 32. Берже Ад. Указ. соч. С. 11.
 33. Там же.
 34. Там же. С. 12.
 35. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Кавказ: Черкесия. Нальчик. 2014. Вып. 17. С. 121.
 36. Там же.
 37. Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 77.
 38. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XX века. СПб., 2000. С. 179.
 39. Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 458.
 40. [Филлипсон Г.И.] Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М., 1885. С. 192.
 41. Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 96.
 42. Федоров М.Ф. Указ. соч. С. 77.
 43. Там же.
 44. Бларамберг И. Указ. соч. С. 126.
 45. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Сост. Губжоков М.Н. Майкоп, 2009. С. 73.
 46. Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 102.
 47. Там же. С. 172.
 48. Там же. С. 174.
 49. Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 96.
 50. Бларамберг И. Указ. соч. С. 126.
 51. В одном из преданий «Кабардинского фольклора» опубликованного в 1936 г. отмечается, что «до переселения Кабарды из Басхага люди, жившие в сторону Инжига, назывались черкесами. Еще до того всех называли адыге. Давно это было, что жители теперешней Кабарды, Мудава, Басхага – все назывались общим именем адыге.
- В далекие нартские времена всех нас называли адыге» – Дасус // Кабардинский фольклор. Переиздание классического труда, вышедшего в 1836 г. в издательстве «Academia». Нальчик, 2000. С. 168; В другом тексте указывается: « Мудавей кьикІри кьэкІуаш... Фэри дэри дызыльэпкқш, дэри дыадыгэщ. Нобэ абыкІэ дыщхьэдэха щхьэкІэ дызщ» («Приехали

из Мудаея... Вы и мы один народ, мы тоже адыги. Хотя на сегодня мы перевалившие туда [за хребет] мы едины») – Борэжьрэ ХьэТохьушокьуэ Гуащэхужьэрэ // Адыгэ хьыбархэр. Зэхэзыльхьар, пэублэ тхыгьэр, комментарийхэр зытхар Мыжей Михаилш. Черкесск, 1986. Н. 64.

52. *Торнау Ф.Ф.* Указ. соч. С. 465.

53. *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 96.

54. *Торнау Ф.Ф.* Указ. соч. С. 460, 233.

55. Там же. С. 460.

56. Там же. С. 174.

57. Там же. С. 491.

58. *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 18.

59. *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 114.

60. *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 2011. Т. III. С. 58–59.

61. *Ачугба Т.А.* Указ. соч. С. 58–59.

Т.Н. Алов

**THE IDENTITY EVOLUTION OF THE ABAZ SOCIETIES
OF INTERFLUVE OF BZYB AND SOCHI IN THE 30th YEARS
OF THE XIXth CENTURY**

In work is made an attempt of research of features of dynamics of identity at the abaz population of south-west sector of Circassia in the 1830th years. In view of the fact that in this period is noted quality shift in the sphere of inhabitants consciousness of the considered region, during of the research is conducted the search of prerequisites of this phenomenon both in the diakhrony plan and in the context of direct influence of events of the Caucasian War.

Keywords: adyghe, abaza, circassians, identity, Sochi, Gagra.

О.А. Жанситов

ВОСПРИЯТИЕ КРЕПОСТИ: ФОРТИФИКАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ ИМПЕРСКОГО ПРОДВИЖЕНИЯ В КАБАРДЕ*

В статье рассматривается крепость как инструмент российской колонизации неурбанизированного пространства Кабарды, а также восприятие данного объекта фортификации местным черкесским социумом.

Ключевые слова: крепость, неурбанизированное пространство, техника осады, Кабарда, колонизация.

Особенности социальной организации, хозяйственного уклада, военно-поселенческой культуры кабардинцев предопределили отсутствие у них центров, вокруг которых была бы сосредоточена политическая и хозяйственная жизнь народа, и которые выступали бы важными пунктами в системе обороны страны. В то же время это давало определенные преимущества в деле сохранения независимости перед завоевателем, видевшем в занятии таких центров залог удачного и скорейшего завершения военной кампании. *«Одной из главных причин плохих успехов русских войск в войне с горцами, – писал П. Короленко, – можно считать, что черкесская страна не имела у себя ни города, куда бы можно было направить победоносные русские войска, ни главного правителя, от которого можно бы было требовать условий покорности горских народов России»*¹.

Неурбанизированное пространство Кабарды, к тому же, поставило российскую власть перед необходимостью создавать с нуля всю колонизаторскую инфраструктуру. Осваивая, к примеру, Закавказье, Россия могла опираться на уже имеющиеся здесь города и различного рода военные укрепления. Это было удобно в плане размещения администрации и гарнизонов, позволяло использовать преимущества крепости/города в управлении и контроле над приобретенными владениями.

Таким образом, ключевое место в стратегии российского завоевания и последующего освоения Кабарды и, в целом, Черкесии, занимало строительство крепостей, многие из которых, впоследствии, переросли в города. Можно сказать, что город для кабардинцев начался с русской крепости.

О крепости, как о единственно возможном способе российской колонизации Черкесии, говорил Т. Лапинский: *«Страны, где каждый житель вооружен, где местность как будто создана для сопротивления, где мало больших городов, а в иных частях страны совсем нет даже поселений, которые могли бы служить неприятелю пунктом опоры, не могут быть завоеваны несколькими выигранными сражениями. Следовательно, необходимо было создать пункты опоры, благодаря которым племена могли бы постепенно принуждаться к повиновению. Эта система была проведена русскими в большом масштабе. Во всей стране разбросана целая сеть бесчисленных маленьких и военных укреплений. Чем дальше входил в страны, в которых живут независимые народы или только номинально признающие царя, тем чаще и крепче крепости»*².

Начало российской экспансии в Кабарду было связано с основанием в 1763 г. крепости Моздок. Как выразился по этому поводу один из командующих на Кавказской линии И. Дебу, *«кабардинцы почувствовали великое угнетение от*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-41-93525.

построения на их земле крепости...»³. В 1777–1778 гг. были заложены Александровская, Екатериноградская, Павловская, Георгиевская крепости, в 1780 г. – Константиногорское (ныне г. Пятигорск) и в 1803 г. Кисловодское укрепления. Продолжая оттеснять кабардинцев, русские войска под командованием П. Ермолова в 1818–1822 гг. возводят крепости в центре Большой Кабарды. К этому времени фактически завершается покорение ее центральной части. *«Новая Кабардинская линия, – писал В. Потто, – проходила по подошвам так называемых Черных гор, от Владикавказа до верховий Кубани, состоя из пяти главных укреплений, расположенных при выходах из горных ущелий рек: Баксана, Чегема, Нальчика, Череха и Уруха, и из многочисленных промежуточных постов. Кабардинцы, конечно, не остались равнодушными к мере, навсегда подчинявшей их русской власти и русскому оружию, и домогались всеми силами остановить постройку крепостей. Ермолов ответил на эти домогательства с внушительным лаконизмом: «о крепостях просьбы бесполезны, я сказал, что они будут, и они строятся». К осени они были настолько готовы, что могли служить прочным оплотом против кабардинцев. Воинственная роль Кабарды окончилась навсегда»⁴.*

К началу второй четверти XIX в. кабардинцы уже не представляли серьезной угрозы русскому присутствию в Центральном Предкавказье, поскольку были численно истощены полувековой неравной борьбой, венцом которой явились нападения на русские укрепления в 1825–1828 гг. Эти события, по словам В. Потто *«...были последними вспышками затихавшего брожения, переходными явлениями к эпохе мирной жизни; перед Кабардой лежал путь гражданского порядка, которого впоследствии не могло поколебать даже вторжение могущественного Шамиля»⁵.* Однако и после покорения Кабарды, как писал В. Кудашев *«...те основы политики по отношению к кабардинцам, начало которым положил А.П. Ермолов, продолжали существовать. В виде обеспечения спокойствия кабардинцев и для предупреждения нападения их на линию, у них, как и раньше, русское правительство брало аманатов; строились крепости; под постройку их отбиралась земля у кабардинцев, а они сами принуждены переселяться, или их насильно переселяли на новые места»⁶.*

Нелояльность покоренного населения препятствовала эффективному администрированию в колониальном пространстве, что, соответственно, не снижало актуальности насыщавших его крепостей. Последние, реализовав свои возможности в ходе активной фазы военных действий, в «мирных» условиях стали использоваться как «оазисы» безопасности для русских военных и гражданских чинов во враждебной среде и как пункты контроля и надзора за ее обитателями, то есть черкесами. Все их перемещения внутри Кабарды и за ее пределы были возможны только «через крепость», где выдавались (или не выдавались) соответствующие разрешения – «билеты».

До начала российской агрессии в Черкесии не испытывали устойчивого предубеждения против российских военных укреплений в стране. Политическая элита допускала их появление здесь, но только тогда, когда это соответствовало ее интересам. Так, после очередного похода крымского хана в Кабарду группа кабардинских князей в декабре 1720 г. обратилась к Петру I с просьбой *«... дабы его царское величество повелел для защищения их от нападения ханского построить город неподалеку от Терека деревянной или земляной, где они нашли к тому и удобное место. Оную б крепость повелел его царское величество удовольствовать пушками, амунициею и содержать ее своим российским гарнизоном»⁷.*

Однако, когда Россия приступила к покорению Кабарды, окружив ее цепью укреплений, изолировавших от внешнего мира, крепость, возведенная против воли черкесов и, собственно, против них стала восприниматься как угроза. *«В степях Кабарды росли русские крепости, – писал Н. Изгоев, – и жерла орудий направлялись на кабардинцев»⁸.*

Потрясение, вызванное потерей политического суверенитета, охватившее, прежде всего, аристократические круги, усиливалось упадническими настроениями всего общества, хозяйство которого, к тому же, было разрушено военными действиями и отторжением под крепости и казачьи станицы пашенных и пастбищных угодий.

В глазах народа, небольшие селения которого были гармонично вписаны в природный ландшафт, русская крепость с ее рвом, бастионами и пушками представляла эстетически непривычным сооружением, воспринимавшимся как чужеродный объект в привычной пространственной среде.

Для западных черкесов, населявших лесистую местность, строительство крепостей оборачивалось помимо прочего разрушением этой среды, на что обратил внимание Н.И. Воронов: *«Разбросанность горного населения хранит всю прелесть здешней роскошной девственной природы. Напротив, наши поселения за Кубанью неизбежно несут с собой опустошение и обезображивание природы. Леса расчищаются для заложения укрепленного места; это укрепленное место, в свою очередь, нуждается в очистке своих окрестностей для беспрепятственных наблюдений и обороны: таким образом, прежний вид здешней природы с появлением на ней нашего укрепления сильно обезображивается. Когда появился отряд наш на Адагуме, окрестности его глядели всей роскошью девственной растительности; не раз мне приходилось слышать от очевидцев ее, что эта местность – райский уголок. Но само собою, разумеется, вследствие военных соображений она оголилась, на ней возникло укрепление, вокруг него образовался на значительное расстояние пустырь: прежний райский уголок принял слишком земной, пошленький вид»*⁹.

Помимо эстетического дискомфорта крепость несла с собой и угрозу: жизни, свободе, устоявшемуся порядку, хозяйственному благополучию. В отчете российской Коллегии иностранных дел (1778 г.) отмечалось, что с постройкой крепостей черкесы Кабарды *«лишились всего хозяйственного изобилия и богатства, и все прежние места их отошли под слободы и селения россиян»*¹⁰. Так, Кисловодская крепость, по словам Г. Прозрителева, была заложена русскими, *«несмотря на все старания и домогательства кабардинцев уничтожить это укрепление»*, которое *«стесняло их в хозяйственном отношении»* и лишало *«свободного пользования крайне необходимыми для них пастбищами»*¹¹.

В крепостях принудительно содержались аманаты (заложники) – ближайшие родственники «незамиранных» влиятельных князей и дворян, что должно было гарантировать их лояльность российским властям. В одной из «кавказских» поэм М.Ю. Лермонтова в основе сюжета лежит неудачная попытка черкесского князя освободить своего брата, заточенного в русской крепости:

*«Восстал вдруг князь и говорит:
Черкесы мой народ военный...
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокий,
Его спасу, или мне не жить»*¹².

Как место средоточия военных сил противника (в Баксанском и Черекском укреплениях, к примеру, находилось «по батальону пехоты с соответственным числом орудий и по двести пятьдесят человек казаков»)¹³, крепость создавала в окрестных аулах ощущение незащищенности и опасения карательных рейдов, чреватых уничтожением имущества, пленом и гибелью.

Контрастируя по своим размерам и боевому оснащению с черкесским жилищем, крепость оказывала психологическое давление на обитателей последнего. *«Совсем другое дело, – писал Т. Лапинский, – иметь определенное количество*

солдат в безопасной, хорошо защищенной крепости, каждое мгновение готовых к походу, чем в глиняной сакле вечно ожидать нападения врага»¹⁴. Эти тревожные ожидания, провоцировавшие коллективные фобии, заполнили повседневность социума, что отразилось, в частности, на фольклорных сюжетах: «Царь настроил станиц-укреплений, – повествует черкесская песня времен покорения Кабарды, – из-за них у нас, что ни день, то тревога»¹⁵.

Конечно, в среде кабардинского воинства, крепость вызывала «тревогу» не за свою жизнь, а скорее как инструмент завоевания страны. К тому же ее появление явилось своеобразным вызовом его профессиональным качествам и готовности реализовать свое предназначение как защитника народа. С момента появления на территории Кабарды крепости стали объектом нападений черкесов, совершенствовавших искусство осады и штурма укрепленных пунктов. Н. Грабовский в своем сочинении приводит описание осадных позиций кабардинцев под Марьинским укреплением (1778 г.): «... кабардинцы намерены были вести правильную осаду крепости, и особенно замечательным было то, что ими работа траншей производилась лишь кинжалами, да небольшими деревянными лопатками. Этими нехитрыми инструментами неприятель успел довольно искусно совершить, менее чем за сутки, половину траншейных работ. В то же время кабардинцы занимались изготовлением из деревянных брусьев щитов, вероятно для наступления на крепость и прикрытия осадных работ. Один из таких щитов (мантелет) уже был готов и поставлен довольно умело на шесть колес»¹⁶.

Перманентный негатив, исходящий крепостью, периодически усугублялся связанными с ней резонансными происшествиями, одно из которых имело место в ноябре 1825 г. в Нальчикском укреплении. При попытке ареста, инициированного генералом Вельяминовым, здесь был убит знаменитый кабардинский наездник Джамбулат Кучуков. Писатель А. Грибоедов, явившийся свидетелем этой расправы, позднее в письме к своему другу В. Кюхельбекеру сообщил об увиденном. «Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец. Сын его, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его ... Джамбот. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишит оружием человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник. Вдруг раздался выстрел. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью»¹⁷.

Как заметил другой писатель В. Войнович «люди так устроены, что иногда смерть одного человека потрясает их больше, чем гибель сотен на поле боя»¹⁸. Безусловно, даже на фоне многочисленных, связанных с Кавказской войной бедствий, черкесов потрясла насильственная, но в то же время эффектная и достойная в их представлениях смерть молодого князя. «Трагедия, разыгравшаяся в Нальчике, – писал В. Потто, – произвела на Кабарду глубокое впечатление»¹⁹. Нальчикская же крепость как место расправы над «народным любимцем», стала вызывать еще большую неприязнь у черкесов, которым, по словам В. Потто, «хотелось разорить, уничтожить все, что в ней находилось и жило, сравнять ее с землей и самое место это посыпать солью»²⁰.

Следует оговориться, что среди кабардинской аристократии и простонародья находились те, кто в ходе российской экспансии не ассоциировал крепость с угрозой, а, напротив, находил под ее стенами защиту. В 1762 г. джиластанеевский князь Кургоко Канчокин, уже не игравший сколько-нибудь заметной роли в политической

жизни Кабарды, не желая подпасть под власть других черкесских князей, и таким образом оказаться на вторых или даже третьих ролях среди равных себе по происхождению, попросился в российское подданство. Крестившись, он с многочисленной свитой поселился в урочище Моздок, где для его защиты от нападок более могущественных кабардинских владельцев российской стороной, имевшей в этом деле свои интересы, была построена одноименная крепость. Моздок и другие русские укрепления стали притягивать представителей наиболее закрепощенных слоев населения Кабарды. Сбежав от своего владельца, крестьянин принимал крещение, получал помощь и некоторые льготы в организации хозяйства. Россия стимулировала бегство подвластного населения в свои крепости, используя его как инструмент экономического давления на враждебных ей князей и дворян.

Однако случаи спасения за крепостными стенами выступают частными по отношению к общей тенденции неприятия народом возведенных против него военных объектов. «Настоящая» Кабарда оставалась вне крепостных стен, соответственно, те из черкесов, кто оказывался внутри, воспринимались как маргиналы. Выражаясь современным языком, Кургоко Канчокин был не в тренде на фоне выступившей против российской экспансии аристократии Кабарды. То же самое можно сказать и о сбежавших от своих владельцев «холопах», чьи действия расходились с позицией основной части крестьянства, своего рода среднего класса кабардинского социума, которая несмотря на различного рода претензии к феодалам не стремилась воспользоваться русской «протекцией». Вспомнить хотя бы десятилетиями длившееся крестьянское восстание 1767 г., когда восставшие, не соблазнившись предложением русских властей перейти под их защиту, миром уладили противоречия с князьями и дворянами.

Таким образом, «крепостная» экспансия, для черкесов, была новой формой внешней агрессии. Если в прежние времена эта агрессия, допустим, в лице Крымского ханства, являлась возможной угрозой издали, а в случае ее свершения, временным явлением, доставлявшим, соответственно, временные неудобства в виде погромов, увода пленных и т.д., то отныне, уже в лице Российской империи, она стала растянувшимся во времени, постоянно ощущаемым и переживаемым событием. Воплощением и визуальным выражением этой агрессии выступала крепость.

Трагический опыт взаимодействия с крепостью отложился как болезненный опыт в исторической памяти черкесов Кабарды, что и зафиксировал в середине 80-х гг. XIX в. Н. Грабовский: *«постройка крепостей вызвала целый ряд мятежей и восстаний, продолжавшихся в течение нескольких лет и положивших основание непримиримой и отчаянной ненависти кабардинцев к нам, русским, ненависти, следы которой не изгладились вполне еще и до настоящего времени»*²¹.

Примечания

1. *Короленко П.П.* Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 354.
2. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 45, 46.
3. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию и о соседственных горских народах // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 60.
4. *Потто В.* Кавказская война. Ермоловское время. М., 2007. Т. 2. С. 323.
5. Там же. С. 417.
6. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 91.
7. КРО. М., 1957. Т. II. С. 29.

8. Изгоев Н. Рассказ о Кабарде. М., 1936. С. 8.
9. Воронов Н.И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001, Т. 2. С. 305.
10. Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 226.
11. Прозрителев Г.Н. В горах и ущельях близ Кисловодска // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3. С. 587.
12. Лермонтов М.Ю. Черкесы. Собрание сочинений в четырех томах. М.–Л., 1959. Т. 2. С. 9.
13. Дельпоццо И.Д. Записки о Большой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 31.
14. Лапинский Т. Там же. С. 195.
15. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2014. С. 154.
16. Грабовский Н.Ф. Там же. С. 157.
17. Грибоедов А.С. Сочинения. М., 1971. С. 254–255.
18. Авторский блог В. Войновича.
19. Потто. Там же. С. 417.
20. Потто. Там же. С. 422.
21. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1887. Вып. IX. С. 152.

O.A. Zhansitov

**THE PERCEPTION OF THE FORTRESS:
THE FORTIFICATION PROFILE
OF THE IMPERIAL PROMOTION IN KABARDA**

The article deals with the fortress as a tool of Russian colonization of the non-urban space in Kabarda, as well as the perception of the fortification object by local Circassian society.

Keywords: fortress, non-urban space, siege art, Kabarda, colonization.

Л.А. Гутова

АДЫГСКИЕ ЗНАХАРИ: ЛЕЧЕНИЕ ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

В статье рассматриваются методы лечения детских болезней, применяемых в народной медицине адыгов в традиционном адыгском обществе. Зачастую лечение проводится в сочетании вербальной магии с моторными действиями магического характера. Так сплетение фольклорных текстов (заклинания, очистительные песни) с ритуальными действиями ведет к исцелению от болезни.

Ключевые слова: народная медицина, обереги, заклинания, магия, врачевание, оспопрививание.

В эпоху становления традиционного общества адыги, как и все другие народы, верили в магию, во влияние нечистой силы на жизнь и судьбу человека. В их представлениях положительный опыт органически сочетался с мистикой. Существовало множество способов борьбы со всякого рода негативом и болезнями, это обереги, заклинания, песни с магической функцией, призванные оградить человека от всяческой нечисти и болезней. Наименее защищенными от воздействия темных сил считались дети, так как согласно верованиям, злому духу проще было повлиять и навредить на еще неокрепший организм. Видимо, этим обусловлена популярность устойчивой формулы-благопожелания «Псэ быдэ Аллыхьым ищ!» – *Пусть Аллах сделает его дух крепким*. Ею поздравляют старших в семье с рождением ребенка.

В перечне средств, используемых для защиты детей от злых сил не последнее место занимала вербальная магия. Так, как только бабка-повитуха перерезала пуповину новорожденному, она тут же мазала ему губы и щеки кровью, сопровождая это действие формулой пожелания счастья и здоровой жизни:

Ышупэ плыжьэу,
Ынэгущэхэ шэплэу Тхьа еш¹ –
Губы красными,
Щеки розовыми пусть Бог сделает!

Такая формула сопровождалась действием. Повитуха купала младенца в холодной воде с золой. По всей видимости, в холодной воде купали мальчиков – для закаливания и развития выносливого сильного духа. Зола же здесь имеет явно выраженную магическую функцию. Также ребенка купали в той воде, где предварительно омыли железные предметы, а девочек купали в воде, где были украшения из золота и серебра. Все это было призвано обеспечить новорожденному долгую и счастливую жизнь².

После купания ребенка заворачивали в мягкие пеленки, приготовленные из материала, бывшего в употреблении, и укрывали подушкой. Это простое действие имело несколько функций. Прежде всего, укутывали, чтобы малыш не простудился. Тот факт, что на простыни, в которые оборачивали дитя, использовались ношенные вещи, также имел сугубо практическое назначение: они были мягкие, что предохраняло нежное детское тельце от пролежней. Используемый для этого материал был обычно из вещей матери, и это уже имело сакральное значение – тем самым подтверждалась непрерывность жизни, ее продолжение и приумножение.

По истечении трех дней от роду, кабардинцы надевали на малыша рубашу, опять же сшитую из бывшего в употреблении материала, ее называли «мышинная рубаша» – «дзыгъуэ джанэ». Таким образом, не называя новорожденного по имени, пытались ввести в заблуждение злых духов, которые могли охотиться за беззащитным созданием. Кроме того, согласно многократно отмеченным представлениям, кабардинцы верили, что в первые три дня жизни человек наделялся счастьем (судьбой, долей), а если не будет рубахи с подолом, то счастье некуда будет положить. Когда впервые надевали на новорожденного рубашку, адыгейцы приговаривали:

Мы шэжыр зэрэдахэу, зэрэпсоу ыгъэшIагъэм фэдшэ ерэгъаш мыр джанэ зыфтIиырэм³ – *Пусть тот, для кого мы шьем эту рубашку, проживет в сто раз больше, чем прожила эта ткань, сохраняя красоту и прочность.* Чтобы отпугнуть дурной глаз зачастую к рубахе пришивали красную материю (в знатных семьях вырезали из красной материи родовые знаки, тамги, и нашивали на одежду малыша) или прикалывали булавку с изнаночной стороны одежды иглой вниз.

В течение сорока дней со дня рождения ребенка молодая мать старалась не выходить из своей комнаты (так как считалась нечистой) и по возможности не выносила никуда малыша. Естественно, в первые дни жизни младенца более внимательно оберегали, так как считали, что в этот период злые духи особенно настойчиво охотились за ним. В связи с этим, в каждой семье, где есть новорожденный, двор и помещение окуривали серой.

Широко известно культовое отношение адыгов к железу и другим металлам⁴. По сведениям информанта⁵, под порог комнаты, где находилась **новоиспеченная мать**, изнутри клали железный предмет (либо топор, либо подкову), чтобы ей и ребенку не мог навредить **злоносный** посетитель, а точнее человек с недобрый глазом (угъурсыз – *злоносный человек*, лъэужьей – *букв. человек, оставляющий недобрый след*).

Также в комнате, где содержался новорожденный, сжигали немного серы: клали раскаленные угли так, чтобы разгорелось пламя, а поверх них сыпали серу⁶. Все эти действия производились именно для того, чтобы оградить мать и ребенка от влияния нечистой силы и сглаза. Помимо распространенной у разных народов веры в магические свойства серы, здесь налицо не менее популярный культ огня. Верили, что огонь обладает сверхъестественной очистительной силой и может изгнать злые силы. По этой причине каждый день одежду малыша вытряхивали над огнем, тем самым оберегая ребенка от возможного проявления нечисти.

Как мы отмечали, контакты с внешним миром были сведены к минимальным. Но тот, кто все-таки навещался в комнату матери и ребенка, должен был посыпать порог дома золой. Согласно исследованиям, проведенным М.А. Джандар, золу активно использовали в качестве магического средства против детских заболеваний и сглаза⁷. По всей видимости, это тоже имеет отношение к культу огня.

Также на пороге дома разувались, оставляли обувь снаружи и втыкали рядом два гвоздя. Верили, что после этих действий сопровождающая посетителя нечистая сила (если таковая была) не могла навредить малышу. Адыги, стараясь всячески уберечь малыша от сглаза и всякого иного негативного влияния, ставили около колыбели чашу с освященной молитвами водой, туда же клали яйцо. Верили, что при приближении к колыбели человека с дурным глазом яйцо должно было треснуть. Во избежание воздействия дурного глаза, каждый, кто приходил взглянуть на младенца, должен был намочить руку водой и окропить лобик ребенку. Относительно этого действия у адыгейцев записана песня:

ЗынатIэ кIэнкIэпс
Зынэмысыгъэ кIалэм
ИгъашIэ кIэко дэд,
ЗынатIэ амытхьакIыгъэ кIалэм

ИгъашІэ мэкІэ дэд⁸ –
Мальчика, которому не окропили лоб
Водой, где держали яйцо,
Жизнь недолговечна.
У мальчика, которому не мыли лоб,
Жизнь коротка.

Если было подозрение, что ребенка все-таки сглазили, его опрыскивали водой через семь сит. Это делалось так: набирали в рот воду и через сито прыскали ее на лицо и на голову малыша, сменяя одно сито на другое⁹. Во избежание дурного глаза на лбу ребенка углем ставили отметину, а к волосикам в области темени головы прикрепляли прополис. Во-первых, считалось, что это спасало дитя от сглаза, а во-вторых – это было предупреждением для взрослых, что с теменем младенца следует быть осторожным (так как эта часть головы самая уязвимая у малыша). Помимо этого, прополис с медицинской точки зрения оказывал благотворное влияние на заращение родничка, снижал артериальное давление и снимал головные боли, а также способствовал общему здоровому самочувствию новорожденного.

Немаловажное значение для здоровья малыша имела колыбель, в которой спал младенец. Изготавливалась она исключительно из пород дерева, считавшихся благородными. Так, дуб предназначался для общего здоровья и хорошего состояния ребенка, орешник – для спокойного сна, боярышник – чтобы сердце было здоровым, береза – для предохранения заболеваний почек.

Как уже говорилось, железо носило функции мощного оберега, поэтому под матрас люльки клали железные предметы: мальчикам – кинжал или уздечку, девочкам – ножницы, наперстки, иголки с ниткой или булавки. Гораздо позже, с полным утверждением ислама, в качестве оберега в изголовье стали класть Коран или книжечки с подобранными к различным жизненным ситуациям фрагментами из Корана. Еще одно интересное обстоятельство это то, что под матрас клали запутанные разноцветные нити: считалось, что нечистая сила, подойдя к колыбели, запутается в них и не сможет нанести вреда ребенку¹⁰.

Вообще младенца старались не оставлять в комнате одного, а если такое случилось, то около колыбели ставили веник, который, согласно верованиям, должен был принять на себя воздействие негативной силы. Также верили, что злой дух боится песен с красивой мелодией, но грозным содержанием, поэтому как можно чаще старались напевать около колыбели:

Уа-оу, сыонэсмэ убыбын,
Уа-оу, сыкыуапшэмэ улуихын,
Хым уехь, машІом уехь,
УенэцІынэу зы симы¹¹ –
Уа-оу, если я тебя достану, отлетишь,
Уа-оу, если я на тебя дуну, тебя унесет,
Пусть тебя море унесет, пусть тебя огонь уничтожит,
Такого, чему можно бы позавидовать, у меня нет!

Как можно понять из содержания песни, здесь равным образом используются и угроза («если я тебя достану...»), «если я на тебя дуну...»), и заклинание («пусть тебя море унесет, пусть тебя огонь уничтожит»), и попытка отвести внимание злой силы, а вернее – обмануть ее («Чему можно бы позавидовать, у меня нет»).

Несмотря на то, что иноземные путешественники, в разное время посещавшие Кавказ, не отмечали в среде адыгов высокого уровня детской смертности, по всей видимости, такая большая разновидность оберегов существовала именно по этой причине, что они были актуальны за отсутствием профессиональной медицины. Адыги верили, что злой дух настолько влияет на новорожденного, что может способствовать появлению смертельной болезни. Так, если в семье часто

умирали дети, то новорожденного называли Увыжыкъуэ / Уцужыкъу – *Остановивший, Восставший, Восстановивший мальчик*. Популярно было также давать новорожденному такое имя, которое было призвано утратить злую силу: Зырамыку – *Тот, на кого не смеют посягнуть*, Ельыхъу – *Ищущий (т.е. охотящийся) зло и т.п.* С культом волка связана традиция давать имена, в основу которых входит корень хьэ- *волк*, что также имеет магические истоки. По той же причине младенца относили в кузницу, где кузнец окатывал его водой, в которой до этого закаливал железные изделия и нарекал малыша именем, связанным с кузнечным ремеслом: Гъукыпс / Гъущыпсэ – *Железная душа*, Къыщыкъу / Къыщыкъуэ – *Сын кузницы*. Если же это была девочка то называли Къыщхъан – *Госпожа кузницы*. Отсюда следует вывод, что верили в то, что и имя человека оказывает магическое воздействие на жизнь человека и может обладать свойствами оберега. Если же ребенок часто болел, то с появлением каждой болезни ему давалось новое имя, впоследствии сохранялось то, при котором он выздоравливал.

Важно отметить, что в случае появления той или иной болезни ее название табуировалось, а называли ее иносказательно, часто с оттенком величания. Этим старались отвести внимание сил зла, заставив их поверить в то, что тут они ни при чем. Если ребенок заболел корью, вместо фэгъазэ – *корь* говорили цэимыгуэ – *не подлежащий оглашению* (букв.: *называнию*) или дахэжь – *красавец*; вместо фэрэкI – *оспа* говорили Зиусхъэн – *Господин*, или тхъэрыкъуэ – *голубь*. Вместо слова накIэгуу (букв.: *накIэ – веко, гуу – нарыв*) – *гнойное воспаление края века или нарыв, ячмень* говорили къуажэгуу – *сельский бугай*. Верили, что если сказать накIэгуу – то ячмень обойдет весь глаз, а если сказать къуажэгуу – то болезнь не сможет обойти все село и его действие иссякнет¹². В современном обществе те методы лечения болезней, которые использовали адыгские знахари, могут показаться нерациональными и странными, но, тем не менее, эти методы лечения нередко оказывали психологически позитивное воздействие и способствовали выздоровлению.

Вот, например, как лечили боли в животе у младенца: после того как отсыхала пуповина, бабушка малыша брала отпавший кусочек пуповины и мазала его о правый косяк двери. Если у малыша болел животик, то этот кусочек пуповины соскабливали с косяка, добавляли в воду и ею поили заболевшего. Считалось, что после этого болезнь непременно должна отступить. Где здесь рациональное, а где мистика и суеверие разобрать непросто. Но если описываемая процедура практиковалась настолько долго и широко, что вошла в традицию, значит, хотя бы иногда, она приводила к положительному исходу.

Еще один способ лечения боли живота представлен в рукописном архиве КБИГИ. Если у малыша заболел живот, то срывали траву, которая росла с колючками (название ее установить не удалось). Такая трава росла в три стебля: один из них обязательно должен был быть «мужским», другой «женским» (тот стебель, в котором был проросток – мужской, в котором не было – женский). Корни этих стеблей высушивали, измельчали, смешивали с медом и давали больному по одной чайной ложке натошак¹³. Во избежание кишечных болезней детей поили кислым молоком или поили чесночным соком¹⁴. Также детей, страдающих расстройством желудка, малокровием или рахитом в раннем возрасте вскармливали кефиром¹⁵. Все перечисленные здесь народные способы могут иметь вполне выраженную рациональную основу, и в связи с этим есть основание признавать, что во многих случаях магия, суеверия и рациональный компонент применяются в комплексе.

В случае болезни ребенка, которому не было еще и сорока дней от роду, высушивали новорожденного мышонка, измельчали его и подсыпали в молоко матери, процеживали и давали пить заболевшему младенцу по одной чайной ложке. Малыша, который пил такое средство, с предосторожностями накрывали раскаленным чугуном тазом – ребенок находилась там столько времени, сколько

занимает прочтение Суры Искренность – Къулхуолэ (это около одной минуты)¹⁶. По сведениям того же информанта, если заболел ребенок, которому уже исполнилось сорок дней, старший ребенок в семье, набрав в рот воды, через сито прыскал на младенца¹⁷.

В случае заболевания младенца ангиной брали ракушку, которая висела на ручке люльки у изголовья (морская ракушка также служила одновременно и оберегом и предохраняла от некоторых болезней), наливали в нее воду (по всей видимости, заговоренную) и поили ею малыша. При заболевании свинкой ракушку просто вешали на шею больного, и он был призван выполнять функцию магического амулета. Еще один способ лечения ангины был таков: первенец в семье цеплялся своим подбородком за подбородок больного ребенка и старался приподнять его три раза. Верили, что первенцы обладали силой исцеления и могли также снять сглаз, трижды подув на больного¹⁸. Весьма неординарный метод лечения ангины заключался в следующем: снимали дверь с петель и трижды поплевывали на основание двери, а затем ставили ее на место (модель двери, о которой упоминает информант, была только в древнем адыгском доме, сейчас такие двери с основаниями в употреблении не встречаются). После этого больной должен был непременно выздороветь¹⁹. От ангины и простуды также лечили и вполне практическим способом – цельным молоком с добавлением топленого масла: молоко кипятили и давали выпить больному²⁰. Кстати топленое масло применялось и для лечения уха, для этого масло растапливали, чуть-чуть остужали, затем в теплом виде капали в ушко ребенку²¹.

При недержании мочи детям на ужин давали вареные желудки голубей и их бульон. Помимо этого брали очищенное горячее яйцо, зарывали в ржаную или ячменную муку на сутки и на протяжении нескольких дней давали есть ребенку по одному яйцу в день. По всей видимости, благодаря ржаной или ячменной муке, яйцо приобретало какие-то полезные свойства, однако научными изысканиями никто этого не устанавливал²².

От ячменя на веке использовали также высушенную желчь барана или форели: своеобразный экстракт разводили в теплой воде и наносили такую мазь на больное место. Ячмень лечили и следующим образом: к больному месту прикладывали горячий чурек или мамалыгу, затем выбрасывали ее на съедение собаке, как бы имитируя передачу болезни ей²³. Как в ряде других случаев, здесь налицо сочетание двух форм лечения: горячая масса может действительно иметь следствием положительный эффект, это сочетается с магическим действием – переводом болезни на другого.

Если ребенок страдал эпилептическими припадками, проделывали следующее. Вырезали камыш длиной в рост малыша. Завернув его в ситцевую ткань, несли к мулле. На камыше и на ткани мулла писал суры из Корана и возвращал сверток. Затем в том месте, где упал ребенок, выкапывали небольшую яму длиной с тот камыш, причем верхушка камыша должна была располагаться с той стороны, где была голова малыша, а конец должен был быть расположен там, где лежали ноги; камыш, обернутый ситцем, закапывали в яму. Поверх ситца разбивали три яйца, непременно снесенные во вторник: одно разбивали и клали сверху, другое посередине, третье снизу. После этого, сыпали жменю проса и жменю свежей теплой золы. Все это посыпали окалиной раскаленного железа, поверх клали кусок чугуна и яму зарывали. Верили, что после этого ребенок излечится²⁴.

Несмотря на все обереги и разные методы лечения ребенок мог оказаться слишком уж болезненным. В таком случае адыгские знахарки предпринимали следующее: в лесу вырывали с корнем траву, которая имела семь-восемь стеблей (в источнике название травы не указано). На том же месте, где с корнем вырывали траву, ножиком выкапывали небольшую ямку и клали в нее кусочек соли и верхушки сорванной травы. Корешки хорошо промывали и оставляли сушиться в тени. К этому корню не подпускали кошек (их притягивал исходящий от корешков запах

мертвечины). После того как корень просохнет, его нарежали на мелкие кусочки, помещали в стакан и заливали теплой водой, туда же добавляли истолченный чеснок. Такая смесь должна была настаиваться пять дней, а в течение следующих трех дней ребенок должен был выпить ее по чайной ложке с определенными временными интервалами. Помимо этого, брали миску, не предназначенную для еды, наливали в нее воды и понемногу добавляли в нее тот же настой. Миску ставили в таз, а в саму миску ставили малыша, купали его и прыскали этой водой. После купания, не высушив и не вытирая ребенка, укладывали его в люльку и давали ему хорошо пропотеть. На третий день стирали рубашку водой, в которой купали дитя, вытряхивали ее <рубашку> в сторону Киблы и, не выжимая, надевали на малыша. Рубаха обязательно должна была быть мокрой, чтобы высохнуть на ребенке. Затем вновь дитя укладывали в колыбель и хорошо укутывали²⁵. Считалось, что после этого ребенок должен был выздороветь. По всей вероятности, трава, используемая при лечении, обладала целебным свойством, поэтому не высушенная мокрая одежда способствовала своего рода катализатором, способствующим впитыванию полезных микроэлементов в организм через кожу. Здесь мы снова видим сочетание магии и рационального пользования.

Одним из признанных достоинств адыгских знахарок было умение профилактической прививкой предотвращать заболевание оспой²⁶. В первую очередь малышу давали слабительное в виде отвара из сухих листьев воловьего языка с кореньями и медом. Здорового ребенка несли к больному, у которого уже начинали гноиться оспинки и прыщи. Производилась своеобразная операция: знахарка брала три связанные вместе иголки, которыми делала укол под ложечку здоровому ребенку, в левую грудь против сердца, в пупок, в правую ладонь, в лодыжку левой ноги, пока не пойдет кровь, с которой смешивала гной, извлеченный из оспинок больного. Затем она прикладывала к уколотым и кровоточащим местам сухие листья коровника, привязав сверху две кожи новорожденных ягнят. Здорового ребенка необходимо было держать в тепле, посадить на диету, в рацион которой входила только каша из тминной муки с двумя третями воды и одной третью овечьего молока. Если соблюдались все рекомендации знахарки, то ребенок излечивался в течение нескольких дней. Прыщики гноились и высыхали. Необходимо учесть еще одну важную деталь при оспопрививании и лечении, что на ребенка надевали длинную рубаху с длинными рукавами, так, чтобы он не мог расчесать гнойнички. Такая рубаха шилась специально для больного и называлась рубахой Созареша. Как уже говорилось, адыги не называли саму болезнь, а говорили о ней иносказательно. Созареш – языческое божество, по верованиям древних адыгов был покровителем оспы, а саму болезнь называли Зиусхьэн – Господин. Общеизвестно, что адыги, как и другие народы, верили в силу слова, в его магическое и сверхъестественное влияние. Поэтому помимо действий, которые производила знахарка, пытались проводить болезнь при помощи песни в честь покровителя оспы Созареша, как бы желая задобрить его. Она записана в разных местностях и многих вариантах. Вот один из них:

Зымэфаклоу къэсыгъэ, уо я уо райда,
КъыкIэсыгъэр шыгъицэ, уо я уо райда,
Щыгъэфищэр зэрызы, уо я уо райда,
Зэрызыхэу мэтIыгъо, уо я уо райда,
ИтIыгъуакIэр гухэхъо, уо я уо райда,
Гуи хэзгъахьорэр зиуза, уо я уо райда,
Зиузыгъом фэпсыкIэ, уо я уо райда,
ПсынкIэрэ щIэхэу текIыжа, уо я уо райда²⁷
За день езды прибывает он, уо я уо райда,
А прибыл он ради трех бусин, уо я уо райда,
Три бусины разрозненные, уо я уо райда,
Порознь они созревают, уо я уо райда,

Радостно их созреванье, уо я уо райда,
Их болезнь радует сердце, уо я уорайда,
Болезнь да будет легкой, уо я уо райда,
Да будет легкой и проходит быстро, уо я уо райда.
Песня заканчивается заклинанием:
Да встанет, исцелившись, мой милый,
А того, кому он не мил, да унесет река,
Да утонет и тот, кто пойдет его спасать!

Стоит отметить, что в данном варианте песни также не называется сама болезнь, вместо этого упоминаются «три бусины».

В комнате, где лежал больной не разводили огня и не закрывали двери на засов. Каждый вечер в доме готовили хатламу – вареный чурек и раздавали детям в округе. Когда гнойнички высыхали, к вареной лепешке прибавляли другую и метили ее большим, указательным и средним пальцами. Эти отметины с тремя пальцами называли *пальцами Созареиша*, таким образом извещая всех в округе, что их ребенок выздоровел и родители других детей могут не бояться за своих чад. Адыги знали, что оспа – это заразное заболевание и изолировали больного²⁸.

Подводя итог нашим наблюдениям, мы можем отметить, что в традиционной народной медицине адыгов сочетаются практически приемы врачевания детей с использованием иррациональных методов. При этом налицо различные виды магии – вербальная и невербальная. Примечательно, что в «чистом» виде рациональные и иррациональные приемы встречаются довольно редко, чаще всего они образуют комплекс. Рассмотренный материал позволяет полагать, что в народной медицине адыгского традиционного общества приоритет все же оставался за иррациональными методами, что обусловлено глубоко укоренившимися суевериями, что не препятствовало накоплению положительного опыта борьбы с многими заболеваниями. Об этом красноречиво свидетельствует опыт оспопрививания, сообщенный французским путешественником Абри де ля Мотре в начале XVIII в.

Примечания

1. *Джандар М.А.* Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп, 1991. С. 70.
2. Там же. С. 67.
3. Там же. С. 69.
4. *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992; *Думэн Хь.М.* Этнографие терминхэм я псалъальгэ кӀэщӀ. Налшык: Эль-Фа, 2006. Н. 43–44.
5. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 57.
6. Там же.
7. *Джандар М.А.* Указ. соч. С. 68.
8. *Джандар М.А.* Указ. соч. С. 80.
9. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 58.
10. Личный архив Табишева М.А. Папка 5. Фольклор адыгов Узун-Яйлы.
11. *Джандар М.А.* Указ. соч. С. 81.
12. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 130–131.
13. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 57.
14. Материалы из сети интернет: adygi.ru.php.
15. Там же.
16. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 57.
17. Там же.
18. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 58.
19. Там же.
20. Материалы из интернета. Указ. ссылка.
21. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 57.
22. Материалы из интернета. Указ. ссылка.
23. Там же.

24. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 57.
25. Архив КБИГИ. Папка 10, паспорт № 58.
26. *Абри де ла Мотре*. Путешествие г. А. де ла Мотре в Европу, Азию, Африку. Адыги, былкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 142–143.
27. *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Эльбрус, 1978. С. 13.
28. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай и традиции. Изд-во: Эль-Фа, 2001. С. 141–142.

L.A. Gutova

ADYGHE HEALERS: THE TREATMENT OF CHILDREN'S DISEASES

The article considers the methods of treatment of childhood diseases used in traditional medicine of Circassians in traditional Adyghe society.

The treatment is often done in conjunction to verbal magic with motor action magic of nature. So the interweaving of folklore texts (spells, cleansing songs) with the ritual action in the complex leads to healing from illness.

Keywords: traditional medicine, charms, spells, magic, healing art, pox-vaccination.

З.М. Кешева

**ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КБР
В СЕРЕДИНЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА
В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы трансформации танцевальной культуры народов КБР в период середины 80-х – начала 90-х гг. XX века. Основное внимание автор акцентирует на внешних и внутренних факторах, повлиявших на изменения, произошедшие в этой области культуры. Автор аргументирует положение о том, что этническое своеобразие, присущее танцевальной культуре народов КБР в значительной мере было утрачено.

Ключевые слова: трансформация, танцевальная культура, народы КБР, духовная культура, советское общество, социокультурная панорама, национальные творческие кадры.

Одной из главных тенденций современности и общероссийского, и общемирового масштабов является четкое и ясное осознание роли и значения сферы культуры как доминантной константы развития и политического, и экономического, и социального развития общества. Элементарно, что такие злободневные проблемы, как коррупция, алкоголизм, наркомания, экстремизм и терроризм, которые до сих пор рассматриваются в основном как проблемы экономические и политико-нормативные, на самом деле являются своего рода зеркальным отражением имеющихся проблем культурного содержания. Учитывая это, обращение к эмпирическому опыту системной трансформации в культурной сфере поможет раздвинуть и углубить границы наших представлений в ходе разработки и реализации различных культурных программ, ориентированных на перспективу.

Государство и общество определяют стратегию культурной политики в стране, исходя из потенциала своего культурного наследия, а также задач его сохранения и развития, необходимости давать адекватные ответы на вызовы нового века. Ресурсы культуры – это наиболее деятельная часть культурного и природного наследия, которую составляют достижения материальной и духовной (нематериальной) культуры, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки. И в новых исторических условиях речь идет о поиске оптимальных условий и эффективных механизмов взаимодействия экономики, политики и культуры, от которых зависит не только целостность социального организма, но и его способность к выживанию в новых условиях. Центральной проблемой становится выбор приоритетов и определение стратегии культурной политики, способной сохранить специфику отечественной культуры и продуктивно использовать ее огромные ресурсы для поддержки тенденции совершенствования демократических институтов, расширение возможностей гражданского общества.

Насаждение невежества, безнравственности, получившее в коммерческой культуре полный простор, не просто противоречит духовным идеалам и истинной самобытности культуры. Они искажают общественное сознание, разрушают духовность человеческой личности, снижают ее созидательную и творческую роль в обществе, размывают накопленный веками ресурсный потенциал многонациональной культуры народов Российской Федерации. Это не только противоречит ценности традиционной духовности российской цивилизации, но и неминуемо

приведет к деструктивным последствиям для нашей страны, ставит под вопрос возможность ее продуктивного развития в XXI-ом веке.

Споры об исторических судьбах и альтернативах развития российской культуры приобретают острый общественно-политический характер, становятся предметом дискуссии между различными политическими группами и в широких кругах общественности. Но, несмотря на различие оценок, общее мнение сходится в одном: необходима новая государственная политика в сфере культуры. Но для ее формирования следует учесть предыдущий опыт и извлечь из него определенные уроки.

Период реформ, начавшийся в СССР в середине 1980-х годов, в той или иной степени затронул все сферы жизни советского общества. В средствах массовой информации стало возможным обсуждение различных проблем, накопившихся в стране. 1985–1991 годы стали для СССР поистине революционными. Главе страны М.С. Горбачеву удалось разрушить образ воинственной державы, готовой ради распространения идей социализма на любые действия. С 1987 года началась «перестройка», реформа политической системы, затем последовали отмена 6-ой статьи Конституции, формирование многопартийной системы, были избраны Президенты СССР и России. Граждане стали свидетелями и участниками «парада суверенитетов», процесс завершился распадом огромной державы¹.

Одним из коренных и наиболее болезненных являлся национальный вопрос. Партикуляризм национальных республик привел к распаду СССР. Внутри самой Российской Федерации также сильно было стремление наций к изменению в своей политической и культурной жизни, привлечению центра к решению давно назревших проблем. Появилось множество общественных организаций, которые на первых порах не затрагивали этнополитические проблемы, ограничивая сферу деятельности вопросами сохранения родных языков и культурным возрождением наций, к которым раньше применялся эгалитарный подход. В Кабардино-Балкарии подобную работу стали проводить общественные объединения кабардинского народа «Ашэмэз» и балкарского «Ныгъыш».

Благодаря осторожной, взвешенной политике властных структур КБР и конформистски настроенной части общества республика смогла уйти от конфронтации и, преодолев политический и национальный кризис, продолжила уже в 1993 году регенеративное движение к демократизации общества.

Бурные процессы, происходившие в политической, экономической, социальной жизни республики не могли не сказаться на развитии культуры народов КБР, в частности, хореографической, развивавшейся в 3-х сферах: профессиональной, самодеятельной и народной.

В сфере профессионального искусства в первую очередь следует упомянуть балет. В указанный период репертуар балетной труппы Музыкального театра был разнообразен, но с конца 1980-х годов на сцене театра не появилось ни одной постановки на национальные темы. Для осуществления новой постановки нужны были значительные денежные средства: на декорации, на костюмы и т.д.

Спектакли стали плохо посещаться. Если в 1970–1980-е годы Музыкальный театр выручали курортники, то с начала 1990-х годов люди опасались ехать на Северный Кавказ, находящийся в состоянии перманентной «войны». Близость Чечни явилась деструктивным фактором. Но наличие большого количества отдыхающих не могло решить проблему посещаемости балетных спектаклей. В Кабардино-Балкарии в середине 1980-х – начале 1990-х годов было много известных артистов балета: Р. Хакулова, Х. Амшокова, Р. Молова, С. Захохова, Л. Гукетлова, сестры Г. и Т. Пазовы, Б. Карданов, Х. Архестов, М. Хамурзов и др. Однако многие из них ушли на пенсию, а кадры для национального балета, способные ставить и исполнять сложные масштабные балетные спектакли, отсутствовали.

Специалисты, которых готовило Кабардино-Балкарское культурно-просветительное училище, в основной своей массе предпочитали устраиваться на работу

в коллективы национального танца, где существовала перспектива зарубежных поездок. К тому же большое значение имел опыт, который нарабатывался годами. Следует отметить, что, предъявляя высокие требования певцу или танцору, нельзя забывать, что их зарплата была ниже уровня прожиточного минимума, а жилищные условия требовали значительного улучшения. Артисты балета и танцовщики профессиональных хореографических коллективов, уходя на пенсию в возрасте 38–39 лет, зачастую с травмами, не имели иной специальности, кроме танцевальной, и не могли найти другую работу. Все вышеуказанные вопросы имеют общегосударственный масштаб и до сих пор ждут своего решения.

Проблему развития балета в республике могли решить постановки национальных балетов, но развитие балетного искусства республики пошло по другому пути, зритель не стал ходить в театр. Если в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Кабардино-Балкарии были заложены основы искусства классического танца, созданы и поставлены первые балетные постановки на национальные темы – «Лялюца», «Даханаго», «Аминат», то к середине 1980-х гг. развитие национального балетного искусства республики пошло на спад. Кабардинские и балкарские композиторы не писали балеты, т.к. не были уверены в том, что они будут поставлены, и они получают гонорар.

Один из первых солистов балета КБР Мухамед Дашуев отмечает: «Не могу сказать, когда это произошло, но тихо, незаметно балет умер. Да, формально он жил, но это было уже не то. Мы замахнулись на классику, а сделать это на должном уровне не смогли. Стало приходиться мало людей. По своему желанию приходили единицы. Мы это чувствовали. Они могли смеяться в зале, бывало, их выводили. Мы потеряли своего зрителя. Оглядываясь назад, понимаю, что национальные балеты – это был единственно правильный путь развития местного балета. Но мы сошли с этого пути»².

Государственный ансамбль танца «Кабардинка» в середине 1980-х годов работал достаточно активно, часто гастролировал. Летом 1983-го года «Кабардинка» с триумфом выступала в Бразилии. В ноябре 1985 года «Кабардинка» посетила Иорданию, где проводилась неделя дружбы Иордании и Советского Союза под патронажем короля Хусейна. Следует отметить, что в 1980-е годы стали довольно часто проходить зарубежные гастроли различных танцевальных коллективов Кабардино-Балкарии. Это объясняется ростом интереса зарубежного зрителя к кавказскому национальному колориту, который демонстрировали коллективы нашей республики.

К концу 1980-х «Кабардинка» была популярным ансамблем с большими творческими возможностями. Но программа не совершенствовалась, практически мало чем отличаясь от программ множества художественных коллективов Северного Кавказа. Это касалось и музыки, и рисунков, характера и подбора исполняемых танцев. «Кабардинка» была оторвана от народной самобытной адыгской культуры. На творчестве «Кабардинки» стояла печать советской культуры, «национальной по форме, социалистической по содержанию»³. Взаимодействие внешних и внутренних факторов логически подводило к тому, что для преодоления творческого кризиса в ансамбле требовалось провести кардинальные перемены.

На фоне роста национального самосознания и стремления наций к возрождению своей самобытности, в кризисный период, в 1991 году, главным балетмейстером «Кабардинки» был назначен Ауладин Думанишев, который проработал в ансамбле танцором 20 лет. В первую очередь Думанишеву пришлось заняться кадровыми вопросами, искать и привлекать молодых исполнителей, танцоров, артистов балета, грамотных музыкантов для оркестровой группы ансамбля, обновлять фольклорный материал, вернуть «Кабардинке» самобытность, ее подлинно адыгское «лицо»⁴.

При Думанишеве ансамбль стал использовать в своем репертуаре древние старинные танцы, музыку и инструменты. В поисках этнографического материала

балетмейстер побывал в кабардинских селах Кабардино-Балкарии, в Моздоке, в Адыгее, в Шапсугии, в Карачаево-Черкесии. Эмпирическим путем Думанишевым был записан большой музыкально-хореографический материал. Значительную помощь оказали балетмейстеру труды адыгских ученых С. Мафедзева, З. Налоева, Б. Бгажнокова, посвященные старинным адыгским обрядам, игрищам, танцам.

Долгое время основные функции сопровождения танцев выполняли традиционные для аккомпанирования гармоника, доул, зурна или кларнет. Играли в унисон, т.е. мелодии звучали однообразно, в один голос. С приходом Думанишева в «Кабардинке» появилась инструментальная группа. В нее входили аккордеон, национальная гармоника, кларнет, гобой, шикапшина, апапшина, пшинакаб, ударные – доул, трещотка и т.д. Известный художник Р. Цримов создал эскизы костюмов для новой программы. Был поднят обширный исторический материал, костюмы воссоздавались по крупицам, ни одна деталь не была упущена из внимания, т.к. малейшее отклонение могло нарушить целостную полифоническую картину восприятия танца, изменить его конкретно-исторический контекст. Костюм, являясь ценным этнографическим источником, должен был соответствовать эпохе и характеру танца. По традиции, благодаря содействию Ю. Темирканова, костюмы шились в Мариинском театре Санкт-Петербурга.

Результатом кропотливой творческой работы и многочасовых репетиций была создана новая, во многом революционная программа, премьера которой состоялась 14 августа 1993 года. Название ансамбля – Государственный ансамбль адыгского танца – полностью соответствовало духу представленного действия, режиссеры которого Р. Фиров и М. Кубатиев вместе с коллективом под руководством А. Думанишева представили на суд зрителя захватывающий зрелищный спектакль.

Вопреки общепринятой традиции программа началась не с «Массового исламья», а с культового адыгского танца «Кафа», ставшего впоследствии визитной карточкой коллектива. Все лучшие качества, присущие адыгскому народу были воплощены в этом танце, состоявшем из двух частей: Классической кафы и Дворянской кафы (солисты Ф. Кудаева и А. Битоков).

В 1992 году ансамбль «Кабардинка» по приглашению «Адыгэ хасэ» побывал с гастролями в Турции. В поездке был рожден замысел постановки Убыхского танца («Убых лъапэршэ»), элементы которого были сохранены представителями черкесской (адыгской) диаспоры Турции. На премьерном показе программы летом 1993 года «Убыхский танец» пользовался наибольшим успехом. Удачно был применен тембр подстукивающих в зеркальном пунктирном ритме деревянных брусочков.

Интересны замысел и постановка танцев «Гуашэ Иэсэ» («Прием молодых дворянок у княгини») и «Гуашэ гъасэ» («Обучение молодых девушек шитью и этикету») в исполнении женской группы ансамбля. Присутствовал в новой программе и компонент классического балета. Выпукло и образно были сыграны характеры в миниатюре «Адиюх» по мотивам известной народной песни (балетмейстер-постановщик Р. Пачев, солисты: Ф. Кудаева и Т. Шабатуков). До Думанишева в программах национальных хореографических коллективов подобные постановки не осуществлялись.

«Танец моздокских кабардинцев» отличался динамизмом и красочностью, «Удж-хэш» – слаженностью движений и колоритным мужским кварто-квинтовым ежью. Бжедугский исламей – отточенностью пластики солистов М. Ягановой и Р. Ашинова. Кабардинский исламей и Гиляхстанский пляс – технической сложностью исполнения.

Самым впечатляющим и образным танцем, венчавшим программу, был «Созереш» – композиция по мотивам фольклора адыгов. Начавшись с языческого ритуала поклонения богу солнца Созерешу, танец вылился в большой общеадыгский джэгу, где был представлен каждый адыгский субэтнос. Присутствие в танце

жреца, распорядителя игр, распорядителя танцев со всеми подобающими традиционными атрибутами создавало ощущение реальности происходившего действия.

Новая программа «Кабардинки», по мнению многих специалистов, вобрала в себя дух адыгского народа, своеобразный музыкально-поэтический, хореографический мир. Признанием заслуг коллектива явилось присвоение ему звания «академический» в 1994 году. «Кабардинка» первой среди северокавказских коллективов была удостоена почетной награды.

Перед коллективом стояли большие творческие задачи. Планировалось создание сценических образов черкесских мамлюков, героев нартского эпоса и воплощение на сцене хореографическими средствами образов трех выдающихся черкешенок: Шарлотты – Элизабет Аиссе (классика французской литературы XVII века), Ирины Хагундовой (командора Почетного Легиона Франции) и Людмилы Чериной (прима-балерины Гранд-опера в Париже). В перспективе А. Думанишев планировал создание Театра адыгского танца.

Следует отметить, что новую программу «Кабардинки» приняли не все зрители и специалисты. Многим она показалась скучной, танцы чрезмерно затянутыми и чинными, лишены привычной зрителю живости. Предъявлялись претензии к костюмам и танцевальной атрибутике. Например, появление в Классической кафе и Дворянской кафе танцоров с саблями, кинжалами и пистолетами считали недопустимыми, хотя представители дворянской знати не могли появиться на людях, если отсутствовал хоть какой-либо из традиционных военных атрибутов. Некоторая часть зрителей, привыкшая к более свободным, быстрым танцам, с непременными выкриками танцующих и головокружительными кульбитами, не поняла и не приняла новую концепцию подхода к народной хореографии. Но нельзя отрицать того факта, что программа «Кабардинки» начала 1990-х годов была революционной и, перефразируя известное определение, – национальной и по форме и по содержанию.

Стремление наций к самоопределению и возрождению национальной культуры привело к возникновению новых коллективов. В 1988 году в Кабардино-Балкарии при Государственной филармонии появился новый профессиональный танцевальный коллектив «Балкария», основная цель которого состояла в воссоздании в танце истории балкарского народа, его обычаев и традиций. В январе 1990 года было принято постановление Совета министров КБАССР «О преобразовании Кабардино-Балкарского фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария». В частности, в нем было отмечено: «Принять предложение Министерства культуры КБАССР о преобразовании фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария» при Государственной филармонии в Кабардино-Балкарский Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» с выделением на самостоятельный баланс, правами юридического лица, открытием расчетного счета в учреждениях Госбанка за счет лимитов предельных ассигнований, имеющихся у существующего ансамбля, размеров оборотных средств»⁵.

В 1990 году ансамбль был удостоен высшей награды «Золотой шлем» на фестивале горских народов Кавказа «Нартаа» в Абхазии. Немалая заслуга в успешной творческой деятельности самобытного коллектива принадлежит талантливому балетмейстеру М.И. Ульбашеву. Старинные народные балкарские танцы «Элия», «Хардар», «Чоппа» в исполнении «Балкарии» – это ритуальное действие, несшее элементы языческой культуры, сопровождавшееся сохранившимися мелодиями, песнями, использованием обрядовых предметов. Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» принял участие в работе международных фольклорных фестивалей во Франции, Италии, Голландии, демонстрируя профессиональный уровень исполнения и бережное отношение к народной танцевальной культуре.

После апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, контроль партии и государства за процессами, происходящими в культуре в середине 80-х – начале 90-х гг.

XX века был несколько ослаблен, но инерционные движения все еще сохранялись. Одним из способов контроля за самодеятельностью были регулярно проводимые художественные самодеятельности – городские, республиканские, всероссийские, всесоюзные. Они мобилизовывали творческие силы коллективов, заставляя их постоянно находиться в хорошей форме.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС в период с октября 1983 года по май 1985 года в Кабардино-Балкарской АССР проходил смотр самодеятельного художественного творчества, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вот как были отражены результаты смотра в приказе министра культуры Кабардино-Балкарской АССР К.К. Эфендиева от 6 декабря 1985 г.: «Решение о проведении Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества было воспринято трудящимися и участниками художественной самодеятельности республики, как одно из ярких проявлений внимания и заботы Коммунистической партии и советского правительства о духовном росте и развитии художественной культуры советского народа. В ходе проведения Всесоюзного смотра в учреждениях культуры республики создано более 50-ти новых кружков с общим числом участников 1800 человек»⁶. Из содержания приказа мы можем сделать вывод о том, какое значение придавало руководство страны и Коммунистическая партия Советского Союза развитию самодеятельной культуры, являвшейся рычагом воздействия на население.

В целом было отмечено, что в Зольском районе число участников художественной самодеятельности увеличилось с 2673 до 2842 человек, в Терском районе с 3456 до 3800 человек, в Чегемском районе с 2640 до 3000 человек, в Майском районе с 1486 до 1600 человек, в Прохладненском районе с 5464 до 5780 человек, создано 150 клубов и объединений по интересам военно-патриотического направления⁷.

Политизированность смотров художественной самодеятельности, контроль со стороны партийного руководства красноречиво отображается в следующем отрывке документа: «Всесоюзный смотр обогатил арсенал форм участия художественной самодеятельности в общественно-политической и культурной жизни. Самодеятельные коллективы принимали активное участие в проведении массовых театрализованных представлений, в вахтах памяти, в фестивалях и конкурсах героико-патриотической и политической песни, тематических выставках. Повсеместно проходили концерты, посвященные победителям социалистического соревнования, производственным достижениям трудовых коллективов. Художественная самодеятельность Кабардино-Балкарской АССР активно включилась во всенародное движение борьбы за мир, организуя тематические праздники, театрализованные митинги, концерты с перечислением собранных средств в советский фонд мира и в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве»⁸. Таким образом, во главе угла стояла идеологическая составляющая подобных мероприятий, а качество исполнения, самобытность и сохранение подлинно национальной художественной культуры не имели решающего значения.

В преддверии предстоящего съезда руководящая партия предлагала провести в январе-феврале 1986 г. смотр политической песни «Молодежь в борьбе за мир и социальный прогресс» и исполнителей народной песни, музыки и хореографии, посвященный XXVII съезду КПСС, обеспечить активное участие коллективов художественной самодеятельности в подготовке к XXVII съезду партии, повсеместно организовывать их творческие отчеты.

Достаточно информативен следующий отрывок из Постановления Бюро Обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о мерах по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 апреля 1986 года «О мерах по дальнейшему улучшению концертной деятельности в стране и укреплению материально-технической базы концертных организаций»: «Критика, средства массовой информации не проявляют должной активности в

пропаганде достижений музыкальной культуры, формировании художественных потребностей советских людей. Принижена ответственность первичных партийных организаций художественных советов за формирование концертных программ, репертуара творческих коллективов, солистов. Медленно решаются вопросы укрепления материально-технической базы концертных организаций, подготовки творческих кадров для профессионального искусства»⁹.

В средствах массовой информации также подробно освещались мероприятия художественной самодеятельности республики. В статье, опубликованной в Кабардино-Балкарской правде 25 марта 1986 года отмечалось: «В комплексе разносторонних мер по совершенствованию социально-культурной сферы Коммунистическая партия придает особое значение развитию самодеятельного народного творчества, – сказала перед началом фестивального концерта в Нальчике председатель оргкомитета, заместитель Председателя Совета Министров КБАССР Е.М. Кимова – Фестиваль начинается в трудовых коллективах предприятий, учреждений, хозяйствах, школах. Он будет продолжаться до ноябрьских юбилейных дней 1987 года. Самые талантливые коллективы и исполнители затем примут участие во Всероссийском и Всесоюзном концертах в Москве. На всех этапах – от клубных кружков до концерта победителей в Москве – самодеятельные артисты должны проявить талант, увлеченность, культуру, вкус. Это будет определяющим в оценке их мастерства. Эпиграфом фестиваля стали слова «Пусть над нашей солнечной республикой звучат, не смолкая, величественные песни, прославляющие любимую Родину – Советский Союз, родную Коммунистическую партию, которая уверенно ведет нас к коммунизму»¹⁰.

Как уже было указано выше, обращалось внимание в основном на идеологическую, политическую составляющую, а не на сохранение национальной культуры. Хотя на смотрах художественной самодеятельности отчетливо проявлялись недостатки и пробелы в исполнении, особенно это касалось танцевальной культуры. Но все же руководители некоторых хореографических коллективов критически анализировали творчество своих коллег. Например, О. Жерештиев – руководитель народного ансамбля «Исламей» Зольского РДК в статье «За самобытность танцев», посвященной итогам телефестиваля самодеятельного искусства, высказал ряд критических замечаний. Он отметил, что бросалось в глаза однообразие в исполнении некоторых танцев, прослеживались тенденции к их искажению. «Не все бережно относятся к характеру исполнения «Кафы»: множество неточностей допустил ансамбль Чегемского РДК. Пример исполнения «Кафы» – 72-х летний З. Даов из Сармаково Зольского района. Ряд коллективов в танцах «Удж-пух» и «Удж-хэш» использовал движения «Лезгинки». «Акушинский» искажен до неузнаваемости, вплоть до костюмов. В итоге автор приходит к логичному выводу: если хочешь иметь в репертуаре танец другого народа, нужно досконально изучить первоисточник. Тем более это касается своих, исконно народных, традиционных танцев»¹¹.

Одним из путей решения указанных выше проблем являлась бы организация регулярных семинаров по повышению квалификации руководителей самодеятельных танцевальных коллективов, подобных тому, что организовал Межсоюзный Дом самодеятельного творчества в августе 1984 года. Занятия проводили ведущие балетмейстеры республики: заслуженный артист РСФСР, руководитель народного ансамбля танца «Нальчанка» республиканского Управления профтехобразования Х. Дашуев, лауреат всесоюзных и всероссийских смотров-конкурсов Б. Губжоков, приглашенный из Осетии хореограф К. Цоболов. На занятиях были разучены кабардинские, балкарские, осетинские, грузинские и другие танцы народов Кавказа.

Подобные семинары проводили и методисты Республиканского научно-методического центра народного творчества, но они также не были достаточно

регулярными и не охватывали всех руководителей национальных танцевальных коллективов. Народная память хранила множество хороводов-уджей, других традиционных танцев и приемов, не использовавшихся балетмейстерами-хореографами. Фундаментальное изучение фольклора требовало полевых экспедиций, что было сопряжено со многими финансовыми, организационными, административными вопросами. Следует учесть и тот факт, что в рассматриваемый период в единственном учебном заведении республики, в котором готовили руководителей хореографов, – культпросветучилище, в учебную программу не было включено изучение фольклорного танца кабардинцев и балкарцев.

В 1980 году в системе Министерства культуры функционировало 1173 кружка художественной самодеятельности (21 973 участника); 1985 год – 1243 кружка (24 263 участника); 1988 год – 1852 кружка (38 721 участник). Таким образом, к концу 1980-х интерес к участию в художественной самодеятельности был стабильно высоким, это можно связать с тем, что и положение в стране в 1980-е годы было достаточно стабильным, влияние коммунистической партии не подвергалось сомнению. В связи с тем, что партия контролировала положение дел в культуре, был и ряд положительных аспектов. Нет сомнения в том, что без достаточной материальной базы не могло бы существовать ни одно учреждение культуры. И хотя к культуре применялся остаточный принцип финансирования, обеспечение коллективов было недостаточным, но регулярным. По инициативе компартии, в стране проводились ежегодные рейды по проверке готовности сельских учреждений культуры к зиме. В начале 1990-х годов, после развала Советского Союза и утраты компартией руководящей роли, многие учреждения культуры пришли в упадок. Резко снизилось количество самодеятельных коллективов. Те, что выжили, не могли обеспечить себя костюмами, инструментами и т.п. Лишь к середине 1990-х наступил период относительной стабилизации.

Народная (традиционная) хореография претерпела в рассматриваемый период значительные изменения. Если молодые люди в 1950–1970-е годы шли на торжество без приглашения, за стол не садились, в основном танцевали и пели, то с конца 1970-х годов молодежь также стала садиться за столы. Вел застолье, как правило, тхэмадэ – старший из мужчин. Он решал, когда гостям следует подниматься и идти танцевать. Распорядителя танцев уже с 1950-х годов практически уже не было. Роль распорядителя, как правило, выполнял друг жениха, следивший за порядком среди молодежи. Распорядителем мог являться и щхьэгъэрыт – назначаемый главой семьи человек, следящий за порядком застолья. По традиции мужчины и женщины должны сидеть за разными столами.

Тот факт, что молодежь стала садиться за стол наравне со старшими можно считать негативным явлением. Это обстоятельство практически стало подразумевать и официальное разрешение для принятия горячительных напитков молодыми людьми. Интерес к танцам стал снижаться. Многие молодые люди предпочитали оставаться за столом, нежели выходить на танцевальный круг. Да и те, что танцевали, зачастую это делали неумело. Исключение составляли участники профессиональных и самодеятельных коллективов, которые, оказавшись на торжестве, старались соблюдать каноны танцевального этикета.

Молодежь в середине 1980-х – начале 1990-х годов не умела нормально танцевать на джэгу и не соблюдала танцевальный этикет. Причиной подобного явления могло быть то, что ее этому не учили. Более того, на торжественных мероприятиях в ВУЗах, техникумах, училищах и школах не было принято, а кое-где и запрещалось танцевать национальные танцы. Даже в сельских районах с преобладанием кабардинского и балкарского населения молодежь плясала под советские и эстрадные мелодии и эти же движения переносила на традиционный танцевальный круг. Отсюда появлялись и комичные, не свойственные национальным танцам движения. Если в 1950–1960-е годы предпочтением пользовались медленные

танцы (къафэ кЫхь), то с 1970-х годов стали преобладать быстрые танцы, типа исламея. Даже традиционно медленные кафы стали исполняться в чрезмерно быстром темпе, появился специальный термин – «джэгу къафэ» (игрищная кафа), которая должна была исполняться в ускоренном темпе.

Еще одной причиной того, что молодежь неумело вела себя на танцевальном круге было то, что люди старшего поколения мало обращали внимание на поведение молодых людей, редко делали замечания по поводу неэтичного поведения в танцевальном круге, воспринимая их как невинную шалость.

Пренебрежение молодежью танцевального этикета стало особенно заметно в 1980-е годы. В танце, предусматривающем соблюдение определенного расстояния между танцующими, партнер мог приблизиться к партнерше на довольно близкое расстояние, и даже слегка толкнуть ее. В прежние времена этот проступок рассматривался бы как оскорбление, и человек, допустивший его, мог поплатиться жизнью. Стал нередким явлением и нетактичный способ «приглашения» девушки на танец. Если она отказывалась танцевать по каким-либо причинам, молодой человек мог вытащить ее в танцевальный круг насильно.

Таким образом, период середины 1980-х – начала 1990-х годов в сфере профессиональной хореографии являлся в целом плодотворным, но наблюдались и недостатки. В начале 1980-х годов в развитии балета республики наметился спад: отсутствие оригинальных постановок, в том числе и национальных, скудное финансирование. В прославленном коллективе «Кабардинка», творческий подъем которого пришелся на 1950–1970-е годы, к концу 1980-х годов стал ощущаться кризис. Для его преодоления требовалось провести кардинальные преобразования, которые были осуществлены в рамках социокультурной модернизации в начале 1990-х годов. Под руководством талантливого балетмейстера А. Думанишева «Кабардинка» стала использовать в своем репертуаре старинные танцы, музыку, инструменты, ансамблю было присвоено высокое звание «академического». На волне стремления наций к сохранению этнической культуры, в республике в конце 1980-х годов появился новый хореографический коллектив – фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария».

В 50–80-х годах XX века в республике функционировало значительное количество самодеятельных коллективов национального танца, но в начале 1990-х годов их количество стало уменьшаться из-за недостатка финансирования. Следует отметить, что танцы, исполнявшиеся большинством коллективов, были однотипными, у руководителей – балетмейстеров и постановщиков танцев не хватало научных знаний о традиционной культуре народа. С одной стороны, влияние партийного руководства на репертуарную политику к концу 1980-х годов стало ослабевать, с другой – из-за ломки государственного и партийного устройства страны нарушилась система финансирования культуры.

Народная (традиционная) хореография претерпела значительные изменения в середине 80-х – начале 90-х годов XX века. В танцах не стало распорядителя, не соблюдался танцевальный этикет и нормы поведения, принятые в танцевальном круге. Постепенно разрушалась эмоциональная связь поколений.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. URL: http://singularity.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/EPOCHS/gorbachev.html
2. *Мякинина А.* Национальные балеты – это был единственно правильный путь // Газета Юга. 2011. 24 марта.
3. *Печонов В.* Кабардинка – наша гордость и краса // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 12 июня.
4. Там же.

5. Духовная культура народов КБР в конце XX – начале XXI века. Сборник документов / Составитель З.М. Кешева. Нальчик, 2013. С. 32.
6. Там же. С. 21.
7. Там же. С. 22.
8. Там же. С. 23.
9. Там же. С. 24–25.
10. Материалы по духовной культуре народов КБР в конце XX – начале XXI века / Составитель З.М. Кешева. Нальчик, 2013. С. 26.
11. *Жерекутиев О.* За самобытность танцев // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 3 марта.

Z.M. Kesheva

**DANCE CULTURE PEOPLES KBR
IN THE MID. 80^{'S} – EARLY 90^{-IES}. XX CENTURY
IN THE SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION**

This article discusses the transformation of the dance culture of the KBR during the mid-80s – early 90s. XX century. Emphasis author focuses on the internal and external factors affecting the changes in the field of culture. The author explains the position that ethnic identity inherent in the dance culture of the peoples of the KBR was largely lost.

Keywords: transformation, dance culture, the peoples of the CBD, spiritual culture, Soviet society, socio-cultural panorama, national creative staff.

Л.М. Сергиенко

ДЕПОРТАЦИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ С ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные направления государственной национальной политики, осуществленной на территории Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны. Автором освещаются и анализируются в историческом контексте причины и последствия проведения депортационных мер в отношении представителей карачаевского народа, проживавших на территории края в рассматриваемый период. Особое внимание уделяется сопоставлению и исследованию архивных документов, отображающих исследуемую проблему.

Ключевые слова: Ставропольский край, Великая Отечественная война, Карачаевская АО, тоталитарный режим, депортация, коллаборационизм, перепись населения, геноцид, спецпереселенцы, «наказанный народ».

Вопросы государственной национальной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны, депортации северокавказских народов, их причины и последствия, безусловно, являются актуальными и требуют скрупулезного и тщательного исследования. В значительной степени, проведению таких исследований способствует фактор доступности в настоящее время для историков целого ряда рассекреченных архивных материалов, которые позволяют проследить сам порядок проведения депортаций, выяснить общее количество выселенных граждан.

Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции, как «произвол сталинского тоталитарного режима»¹. В то же время причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Основным поводом для них послужили необоснованные обвинения в предательстве отдельных народов, оказавших якобы массовую поддержку гитлеровцам в период немецко-фашистской оккупации региона. Однако, значительная часть исследователей отвергает данные обвинения и объясняет депортации тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии за счет исконных земель северокавказских народов; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе².

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии, из исследователей первым высказал Х.-М. Ибрагимбейли³. В качестве одного из аргументов он привел почвенную карту Северного Кавказа, изданную в 1942 г. Академией наук СССР, где административный центр Карачая город Микоян-Шахар (ныне – Карачаевск) уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг.

Возражая ему, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. В частности, К.-М.И. Алиев указывал на то, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями. Вопрос об изменении административных

границ решался уже после депортации народов и Грузии была передана небольшая часть территории Карачая. Между тем, считает он: «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть»⁴.

Анализ опубликованной литературы по этой теме показывает, что ее основные аспекты остаются открытыми и что возможности изучения этой проблемы далеко еще не исчерпаны.

Накануне Великой Отечественной войны Карачаевская автономная область входила в состав Ставропольского края и была многонациональной по своему составу. На ее территории проживали карачаевцы, греки, ногайцы, русские, абазинцы, черкесы. Согласно переписи населения 1939 года общая численность населения в области составляла 75736 человек⁵.

Обстановка в области, как и на территории всего Северного Кавказа с началом Великой Отечественной войны, была очень сложной. Из области, по опубликованным сведениям И.М. Каракетовой, отправились на фронт 15 600 представителей народов, населявших ее, 3 000 человек находились в трудовой армии⁶. Многие представители карачаевского народа самоотверженно работали на фабриках и заводах, в совхозах и колхозах, рыли окопы и боевые укрепления. Малокарачаевский район собрал миллионы рублей на строительство двух эскадрилий боевых самолетов «Колхозник Карачая» и «Красный Карачай», за что получил благодарственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего⁷.

В целом, от Карачаевской и Черкесской областей поступления в Фонд обороны СССР составили с 1941 по 1943 годы более 52 миллиардов рублей⁸.

В начале августа 1942 г. Карачаевская автономная область, как и весь Ставропольский край, была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Население Карачаевской автономной области практически сразу начало создавать очаги сопротивления фашистским захватчикам, формировало партизанские и подпольные организации. Значительная часть карачаевского народа активно воевала против фашистов в составе партизанских отрядов на оккупированной территории области, показывая образцы героизма (З. Эркенова, И. Акбаев, Я. Чомаев и др.), о чем говорилось в воззвании Ставропольского крайкома ВКП(б)⁹.

В то же время, гитлеровские оккупационные власти преследовали цель расширить и укрепить свое влияние на Северном Кавказе, прибегая при этом к использованию таких приемов как заигрывание с мусульманским духовенством, авторитетными среди населения людьми, с целью вовлечения их в борьбу против советской власти и факты коллаборационизма имели место. Так, очень активно сотрудничал с оккупантами, так называемый Карачаевский национальный комитет. Уже после ухода немцев, в январе-феврале 1943 г. этот комитет организовал восстание против советской власти в Учкуланском районе.

Освобождение Северного Кавказа в начале 1943 г. поставило задачу расследования злодеяний оккупантов, а также выявления коллаборационистов. Одним из шагов в этом направлении стало создание в январе 1943 г. управления внутренних войск НКВД СССР Северо-Кавказского округа во главе с генерал-майором Головкин¹⁰. В задачи управления входили борьба с бандитизмом и проведение так называемых спецопераций по выселению.

15 апреля 1943 г. НКВД и Прокуратура СССР издали совместную директиву, на основании которой 9 августа 1943 г. за пределы области было выслано 110 семей (472 человека) карачаевских бандглаварей и активных бандитов вместе с семьями. По-видимому, тогда же, в августе, вопрос о тотальной депортации карачаевцев был уже в принципе решен. Самое позднее к сентябрю был готов план их переселения в Джамбульскую и Южно-Казахстанскую области Казахстана и во Фрунзенскую область Киргизии¹¹. С чем была связана полтора или двухмесячная отсрочка начала депортации не известно.

В вышеупомянутой директиве карачаевцам в вину было поставлено то, что в период немецко-фашистской оккупации они «вели себя предательски, вступали

в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь»¹².

Соответствующий указ Президиума Верховного Совета и постановление Совета народных комиссаров № 1118–342 сс о поголовном выселении карачаевцев, ликвидации Карачаевской автономной области и об административном переустройстве ее территории вышли только 12 и 14 октября 1943 г. Вся территория области (9 тыс. кв. км.) была поделена между Ставропольским краем (районы Зеленчукский, части Микояновского и Преградненского, Усть-Джегутинский и Малокарачаевский, позднее переименованный в Кисловодский), Грузией (Учкуланский и часть Микояновского районов) и Краснодарским краем (часть Преградненского района). 6 ноября 1944 г. было принято постановление СНК о порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области. Указ Президиум Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года и Постановление СНК от 14 октября 1943 года о выселении карачаевцев из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую ССР вобрали все те положения, на основе которых проводилась эта акция. В юридических актах давалось и объяснение причин выселения, как виделись они в Москве, а именно: «... в связи с тем, что в период оккупации многие карачаевцы вели себя предательски»¹³.

Для силового обеспечения депортации карачаевцев были задействованы войсковые соединения общей численностью 53 327 человек. На каждого взрослого безоружного карачаевца, не исключая женщин, приходилось по два вооруженных чекиста¹⁴.

Сама же депортация состоялась 2 ноября 1943 г. В докладной записке заместителя начальника управления НКВД Ставропольского края Ивлева заместителю народного комиссара НКВД СССР Круглову сообщалось, что план был даже перевыполнен: всего было выселено 69 267 человек, из них 68 938 человек первыми эшелонами и еще 329 человек после дополнительного выявления¹⁵.

Выявлялись и карачаевцы, проживавшие в соседних автономных республиках, областях и краях. Около 90 человек этой категории отправлялись как спецпереселенцы на восток. Из всех депортированных карачаевцев в системе Народного комиссариата земледелия СССР были заняты 24 569 человек, в системе других наркоматов – 16 133¹⁶.

Вслед за переселением основной части карачаевцев на восток последовали военнотружущие карачаевской национальности из рядов Красной армии. По Ставропольскому краю «выявлено карачаевцев, уклонившихся от выселения, освобождаемых из мест заключения, репатриированных и демобилизованных из рядов Красной Армии в 1944 – 43 человека; в 1945 – 276 человек. Все они были направлены в места поселений без привлечения к уголовной ответственности»¹⁷.

С выдворением с обжитых мест целых народов рушился вековой уклад их общественной и хозяйственной жизни. Можно себе представить, каково было карачаевцам Ставрополя или другим кавказским этносам в непривычных климатических и бесчеловечных бытовых условиях вписываться в новую для себя экономическую реальность жизни на чужбине.

Проведенные депортационные меры по отношению к карачаевскому народу, а также предъявленные обвинения в предательстве, были не просто не справедливыми, а не соответствующими действительности. Дела многих карачаевцев, воевавших на фронтах ВОВ и представленных к наградам, прошли штабы полков, дивизий и армий, однако были задержаны в канцеляриях фронтов по причине принадлежности бойцов к репрессированному народу, хотя при этом назывались

другие, надуманные, причины. Только на территории Белоруссии действовало десять партизанских отрядов, созданных и возглавлявшихся командирами-карачаевцами: А. Бархозовым, Ю. Хаиркизовым, А. Узденовым, Ю. Каракотовым, О. Касаевым и другими¹⁸.

Официальные документы советских и партийных органов Ставропольского края, архивные материалы военного периода свидетельствуют о том, что население Карачаевской автономной области внесло достойную лепту в мобилизацию людских ресурсов, сил и средств на фронт, как и все советские люди, героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты борьбы населения Карачая с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории края. Карачаевский народ внес большой вклад в достижение победы над германским фашизмом¹⁹.

Этнические депортации и обвинения целых народов в «предательстве» в годы Великой Отечественной войны были не только несправедливы, но и лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60–65 млн. человек²⁰. Но несправедливость заключается еще и в самом прецеденте «наказания народа», подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников. Целый ряд исследователей (М. Асланбек, А. Авторханов, М. Бала) оценивали акт депортации народов Северного Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан как акт народоубийства, квалифицирующийся как геноцид соответствующей конвенцией, принятой Организацией Объединенных Наций²¹.

Примечания

1. Бугай Н.Ф. Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 36.

2. Койчугев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны: автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Карачаевск, 2000. С. 449–453; Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 58.

3. Ибрагимбейли Х.-М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

4. Бугай Н.Ф. Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 36.

5. Там же. С. 92.

6. Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 49.

7. Бугай Н.Ф. Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 9.

8. Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 50.

9. Карачаевцы: выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 9.

10. Полян П.М. Не по своей воле. М., 2001. С. 134.

11. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 88–89.

12. Бугай Н.М., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 121.

13. Сталинские депортации 1928–1953 // Сборник документов; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 314.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Белозеров В.С. Указ. соч. С. 89.

18. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1972. Т. 2. С. 267.

19. Койчугев А.Д. Указ. соч. С. 15.

20. Полян П.М. Указ. соч. С. 19.

21. Сабанчиев Х.-М.А. Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 166.

L.M. Sergienko

**THE DEPORTATION OF KARACHAIS FROM THE TERRITORY
OF THE STAVROPOL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article considers the main directions of state policy, implemented on the territory of the Stavropol region during the great Patriotic war. The author describes and analyzes the historical context of the causes and consequences of deportation measures against the representatives of the karachay people who lived in the region during the period. Special attention is paid to the mapping and study of archival documents showing the studied problem.

Keywords: Stavropol territory, the Great Patriotic war, Karachai AO, totalitarian regime, deportation, collaboration, census of population, genocide, special immigrants, «punished people».

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 39+316/324

А.И. Тетуев

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуется опыт работы учреждений образования региона в формировании установок толерантного сознания. Показаны потенциальные возможности системы образования и культуры в консолидации многонационального российского общества.

Ключевые слова: национальная политика, этнические общности, консолидация, образование, история, культура, воспитание, взаимопонимание.

В условиях модернизации российского общества проблемы развития этнических общностей и их консолидации в рамках единого государства являются крайне актуальными и имеют не только научное, но и научно-практическое значение. В решении этих задач особая роль отводится системе образования, где формируются такие мировоззренческие позиции, как национальная и общероссийская самоидентификация, отношение к другим народам и культурам, родным и «чужим» традициям. Большое значение для гармонизации межнациональных отношений, упрочения чувства гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России имеют сохранение и развитие русского, всех языков народов нашей страны. Русский язык, по сути, вместе с культурой сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивал связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур. В этой связи В.В. Путин отметил, что «Основой государственной языковой политики, по моему мнению, является двуединство ее целей и задач. С одной стороны, безусловное и равное уважение ко всем народам России, их языкам, диалектам, традициям, ко всему так называемому нематериальному наследию любой, пусть самой малочисленной народности. С другой стороны, признание русского языка главным фактором единства Российской Федерации, обязательность владения русским языком всеми гражданами России вне зависимости национальности, места рождения и проживания»¹. В Российской Федерации, по данным переписи населения 2010 г., из общей численности населения страны 142,9 млн. человек владеют русским языком 138 млн. человек (96,5%)². Совершенно очевидно, что владение русским языком, государственным языком Российской Федерации является важным фактором, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей, взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации. Знание русского языка естественным образом объединяет миллионы россиян, пользующихся и другими языками. Свободное владение русским языком является одним из условий формирования общероссийской гражданской идентичности. Поддержка русского языка является приоритетной задачей в таком многонациональном регионе, каким является Северо-Кавказский федеральный округ, причем, поддержка, как на федеральном уровне, так и на уровне местных властей. Так, в Кабардино-Балкарии владеют русским языком среди кабардинцев – 93,6%,

среди балкарцев – 96,07%³. Такой высокий процент владения русским языком в КБР не случаен. В ведущем учебном заведении республики, в КБГУ функционирует Русский культурный центр, регулярно устраиваются фестивали русского языка и культуры «Мы – россияне». В рамках программы этого фестиваля проводятся республиканские олимпиады школьников по русскому языку, конкурсы сочинений «Мой русский учитель»⁴. В то же время, конечно, понятие «российский (русский) народ» никоим образом не отменяет и не умаляет идентичности всех народов нашего государства – здесь видится форма двойной, не взаимоисключающей и внутренне не противоречивой идентификации россиян.

Как известно, одним из ключевых признаков национальной идентичности является язык. Для каждого народа вопрос сохранения родного языка – это вопрос сохранения идентичности, самобытности и традиций, поэтому большое внимание необходимо уделять школьному образованию. В учреждениях общего образования задействованы 89 языков, из которых 30 в качестве языка обучения, а 59 – как предмет изучения⁵. Комплексная, всесторонняя работа по изучению, поддержке языков народов России остается в центре внимания образовательных учреждений и средств массовой информации Кабардино-Балкарии. Большую целенаправленную работу по поддержке родных языков, кабардинского и балкарского, являющихся государственными языками проводит КБГУ. В КБГУ работают культурные центры кабардинского и балкарского языков. Теоретические проблемы обучения родным языкам обсуждаются на научно-практических конференциях. Изучение кабардинского и балкарского языков осуществляется на сайте telestudio.pro, где можно найти видеозаписи телевизионных уроков на кабардинском и балкарском языках, учебные материалы и программы. Проект реализуется при содействии специалистов Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН⁶.

Большим подспорьем в реализации задач, указанных в Стратегии, явилось принятие Правительством РФ Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» и «План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»⁷.

Во исполнение указанных документов органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации приняты региональные планы мероприятий по реализации Стратегии. Так, План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии в Кабардино-Балкарской Республике предусматривал: разработку и принятие муниципальных целевых программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и укрепление единства российской нации; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, работающих в сфере межэтнических отношений; проведение социологических исследований состояния межнациональных отношений в республике; реализация республиканского и межрегионального молодежного проекта «Куначество»⁸.

В рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» Кабардино-Балкарской Республике на 2015 год из федерального бюджета выделено 4 миллиона 155 тысяч руб. Это позволило реализовать комплекс мероприятий, включенных в подпрограммы «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности», «Взаимодействие с религиозными организациями», а также «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике на 2013–2017 годы». Целью проводимых мероприятий является формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, а также этнокультурное развитие народов России и поддержка языкового многообразия на территории Российской Федерации»⁹.

Важное место в работе по формированию национальной, российской идентичности занимает художественно-эстетическое воспитание человека, ибо только духовно богатый человек способен обладать высокой нравственной культурой. В Кабардино-Балкарии активно пропагандируются произведения русских, кабардинских и балкарских поэтов и писателей, получивших широкое признание в республике, в России. Воспитание уважения к родной и иноязычным культурам начинается уже с названия улиц городов и сел КБР. Так, в Нальчике есть улицы А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и др. Интересно с позиций российской идентичности признание участницы Международной научной конференции, состоявшейся в Нальчике в 2014 году О. Гавриловой, которой коллеги не рекомендовали ехать на Кавказ. «Я открыла в интернете карту Нальчика, увидела улицы Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Толстого, Горького, и поняла, что это родной для меня город». С ними соседствуют улицы К.Б. Мечиева, Б.М. Пачева, К.Ш. Кулиева, А.П. Кешокова и других¹⁰.

В издательстве «Эльбрус» печатаются произведения Б. Пачева, К. Мечиева, А. Шогенцукова, А. Кешокова, К. Кулиева, Б. Куашева, К. Отарова, Ад. Шогенцукова, З. Тхагазитова, Т. Зумакуловой, А. Теппеева, З. Толгурова, А. Созаева и др. Интерес читателей вызывает творчество местных русских писателей и поэтов Кабардино-Балкарии – В. Кузьмина, А. Кайданова, К. Елевтерова, а также русскоязычных местных авторов, кабардинцев и балкарцев – Р. Семенова, Б. Чипчикова и др.

В республике плодотворно работают Кабардинский драматический театр им. А. Шогенцукова, Балкарский драматический театр им. К. Кулиева, Русский драматический театр им. М. Горького и Республиканский музыкальный театр. В репертуаре театров пьесы местных драматургов – З. Кардангушева, З. Аксирова, А. Шортанова, И. Боташева, Х. Шекихачева, И. Маммеева, Б. Утижева и др. На сценах республиканских театров осуществляются постановки пьес, опер и балетов зарубежных, российских и местных авторов. Функционируют Государственный ансамбль танца «Кабардинка», Государственный этнографический танцевальный ансамбль «Балкария», Государственный ансамбль песни и пляски Терских казаков, ансамбль камерной музыки «Камерата».

Сохранением и пропагандой народной музыкальной культуры занимаются творческие коллективы: адыгские – «Бжамий», «Хатти», «Черкесский круг», балкарские – «Асса», «Жашлык», «Иман» и др. Значительно возрос интерес к международному фестивальному движению.

Представители музыкального искусства Кабардино-Балкарии успешно выступают на международных конкурсах и фестивалях.

В последние десятилетия в республике активно развиваются связи и диалог культур в области изобразительного искусства. Широкую известность приобрело творчество художников КБР: В.Абаева, Г. Паштова, Я. Аккизова, З. Бгажнокова, И. Занкишиева, З. Индрисова, М. Кипова и др. На стыке национальных и мировых традиций изобразительного искусства в конце 80-х годов в республике возникло явление так называемого «второго авангарда». Выставки молодых художников «новой волны» начинают экспонироваться в России и за ее пределами. На зарубежных выставках (США, Италия, Испания, Англия, Германия, Турция и др.) широко представляются произведения В. Захохова, Х. Атабиевой, А. Пашт-Хана, А. Занибекова, З. Индрисова, М. Кишева, Х. Савкуева, А. Кулиева, Р. Тураева, М. Горлова, В. Марченко, Б. Гуданаева, Муаеда и Михаила Аксировых, Х. Теппеева, Р. Цримова и др.¹¹.

Заслуживает внимания и распространения опыт работы Кабардино-Балкарского фонда культуры по сохранению и возрождению традиций народов, проживающих в республике. Здесь функционируют 16 культурно-национальных центров и объединений. Обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащает личность, воспитывает дух толерантности.

Взаимодействие культур происходит и на уровне межличностного общения, так как в общении реализуются общезначимые ценности культур. Межличностное общение, расширяя источники социальной и культурной информации, тем самым может выступить важным фактором в преодолении стереотипного мышления и этим способствует взаимообогащению духовного облика людей. Межнациональный диалог культур является важным фактором в регулировании межэтнических отношений. Проводимые Фондом культуры КБР мероприятия играют важную роль в укреплении взаимопонимания между народами. На примере Кабардино-Балкарии можно наглядно увидеть, как посредством обмена культур можно влиять на гуманизацию национальных отношений, интеграцию этнокультур¹².

Диалог культур осуществляется и через деятельность средств массовой информации. В КБР в настоящее время действует более 73 видов СМИ: печатные периодические издания, телевизионные предприятия, федеральные радиостанции. Из 59 печатных СМИ, в том числе 25 – официальных, финансируемых из республиканского бюджета. В Кабардино-Балкарии издаются литературные журналы «Литературная Кабардино-Балкария» – на русском языке, «Ошхамахо» («Эльбрус») – на кабардинском языке, «Минги Тау» («Эльбрус») – на балкарском языке, а детские журналы: «Солнышко», «Нур», «Нюр» («Свет») – на русском, кабардинском и балкарском языках, а также республиканские газеты: «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодежь» и «Горянка» – на русском языке; «Адыгэ псалъэ» (Адыгское слово) – на кабардинском языке; «Заман» (Время) – на балкарском языке и тринадцать районных государственных газет. Однако многие издания, как отметил в своем выступлении министр по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи Б. Паштов на заседании Общественно-консультативного совета при президенте КБР, «ограничиваются описательностью и мажорными репортажами, в них отсутствуют аналитические материалы»¹³.

В условиях деидеологизации российского общества произошла переоценка роли религии в культуре и истории, в духовно-нравственном развитии человека. В целях эффективности межконфессионального диалога при Министерстве по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР создан и функционирует молодежный межконфессиональный клуб «Согласие». В рамках реализации республиканской целевой программы «О взаимодействии с религиозными организациями в Кабардино-Балкарской Республике и их государственной поддержке в 2007–2015 гг.» проведены: региональная научно-практическая конференция «Национальная культура и ислам», республиканские конкурсы «Религия и толерантность», «Государство. Религия. Общество», общественные слушания по проблеме «Молодежь и радикализм», заседание дискуссионного клуба по темам: «Ислам и толерантность», «Ислам и политика», «Исламский фундаментализм и религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе». Указанные мероприятия создают условия для формирования у молодежи установок толерантного сознания, гражданских ценностей и предупреждения проявлений религиозного фундаментализма и экстремизма¹⁴.

В процессе исторического развития естественным образом осуществляется взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообогащение культур различных народов. В полиэтнических государствах, как правило, на основе доминирующей национальной культуры создается общенациональная духовная культура, уровень которой характеризует состояние общества. Сегодня важно осмыслить истоки культурной общности народов России, то есть актуальным является исследование процесса формирования общенациональных духовных ценностей многонационального российского народа, позитивные и негативные (узконациональные) проявления в формировании российской нации. Как подчеркивает Р. Абдулатипов:

«У российских народов, объединенных в единую многонациональную Российскую Федерацию, общая история, общие социально-политические традиции, взаимно адаптированная ментальность, восприятие явлений и процессов, общая экономическая база, от состояния которой зависит реализация социально-экономических прав и свобод каждого россиянина, взаимосвязанная культура и общий русский язык и многие другие общностные признаки, которые в едином государстве отражаются в общегражданских чувствах и ценностных ориентациях»¹⁵.

Представляет значительный интерес практический опыт по организации образования и воспитания в духе культуры мира, накопленный в Кабардино-Балкарском государственном университете. Особенность этого опыта заключается в том, что его традиционные формы развиваются теперь в сочетании с деятельностью Международной кафедры ЮНЕСКО «Образование и воспитание в духе культуры мира и прав человека», созданной при Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова (далее – КБГУ, г. Нальчик) на основе соглашения с ЮНЕСКО¹⁶.

Особого внимания заслуживает работа в КБГУ Центров: эстетического воспитания и художественного творчества, содействия занятости и трудоустройству выпускников, физического воспитания и спорта. В КБГУ также ведется целенаправленная работа по исследованию, сохранению и популяризации основных этнических культур народов Кабардино-Балкарии научно-образовательными центрами: русского языка и культуры, адыгской культуры, балкарской культуры. Разумеется, что культура межэтнического общения в многотысячном молодежном коллективе должна поддерживаться и развиваться, в том числе через систему воспитательных мероприятий. В Центре эстетического воспитания и художественного творчества КБГУ занимаются около 2,5 тыс. студентов, объединенных в семь больших коллективов. В этом Центре студенты знакомятся с культурой, традициями, обычаями народов, населяющих Северный Кавказ. Важным моментом является участие студентов в постоянных читательских конференциях, где они знакомятся с творчеством выдающихся поэтов, писателей, являющихся представителями различных этнокультур¹⁷.

Позитивную роль в формировании установок толерантности и сознания играет реализация Федерально-региональной программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», инициатором которой стал Пятигорский государственный лингвистический университет (далее – ПГЛУ, г. Пятигорск). Важнейшая цель Программы в том, чтобы на основе изучения гуманитарных ценностей северокавказских народов, воплощенных в языке, культуре, литературе, искусстве, наиболее полно осмыслить и освоить их духовно-нравственный потенциал, создать прочные предпосылки для укрепления мира и дружбы между народами Северного Кавказа¹⁸.

Результаты проведенных конференций и симпозиумов позволили сотрудникам лаборатории сравнительной педагогики ПГЛУ совместно с учеными РАО разработать концепцию поликультурного образования, которая может оказать помощь преподавателям вузов и учителям школ в формировании у молодежи культуры мира. Эта концепция построена с учетом как традиций интернационального воспитания, сложившихся в советский период, так и новых социокультурных и образовательных реалий.

С учетом поликультурности современного российского общества в ПГЛУ реализуется система воспитательной работы со студентами¹⁹.

Значительный опыт культурного обмена накоплен и в ряде республик, краев и областей Северного Кавказа. Так, в рамках федерально-региональной Программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» была издана «Антология литературы народов Северного Кавказа» в 2 частях. Ряд мероприятий было проведено Клубом писателей, созданный в 2008 году. Заметным явлением

стало издание печатного органа «Ассоциации» – «Литературный Кавказ». Регулярными стали совместные выпуски республиканских газет республик Северного Кавказа, телепередачи «Наш Северный Кавказ», радиопередача «Зори Кавказа» и др. Заслуживает внимания также и проведение таких мероприятий как взаимные дни, Недели и Декады культуры, литературы и искусства, обмен концертами театральных, музыкальных, хореографических коллективов. В то же время следует отметить, что перечисленные выше мероприятия в основном ограничены масштабами северокавказского региона, не выходят на общероссийский уровень. В значительной мере утрачен позитивный опыт творческих контактов художников слова региона с Центром: проведение выездных заседаний правления Союза писателей РФ в регионах, и соответственно, – творческих встреч северокавказских поэтов и писателей с читателями, собратьями по перу центральных районов. Уместно в этой связи вспомнить слова балкарского поэта К. Кулиева: «Дружба народов состоит из дружбы людей». В советское время через творчество таких поэтов как Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, К. Кулиев, А. Кешоков российский читатель знакомился с духовным миром народов, которые они представляли. Существовала профессиональная переводческая школа, достойно представлявшая на русском языке поэзию народов СССР на национальных языках. Творческий диалог национальных авторов с русской поэзией, русским читателем поддерживали такие корифеи перевода как Н. Коржавин, С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский и многие другие. К сожалению, в последние десятилетия отсутствие профессиональных переводчиков, можно сказать, «национальной» политики в литературе заметно ослабило этот процесс. С уходом из жизни этой когорты ярких переводчиков художественного слова в российском культурном пространстве практически исчезло представительство национальных литератур²⁰. Статистические данные Российской книжной палаты свидетельствуют, что в последние три года издание литературы на языках народов Российской Федерации составляет два процента от всей художественной продукции, а переводная с отдельных языков – тысячные, сотые и десятые доли процента. Необходимо подчеркнуть и то, что практически исчезла из обихода публикация книг в переводе произведений художественной литературы с языка народа одной национальности Российской Федерации на язык другой. Проявляется это отсутствием многообразно: от радиоэфира, телевизионных каналов РФ до номинированности на различные литературные премии федерального уровня. Такая ситуация создает чувство отчуждения, отдающаяся в самых разных аспектах. В этой связи В.В. Путин отметил необходимость «... предусмотреть увеличение количества бюджетных мест по специальности «литературный работник», «переводчик художественной литературы» со специализацией «перевод художественной литературы с языков народов Российской Федерации». Разработать и принять долгосрочную программу целенаправленной подготовки писательских кадров и переводчиков художественной литературы для работы в регионах»²¹. Задача формирования новой исторической общности «российский народ» немыслима без создания налаживания культурных связей на федеральном уровне, без создания единого информационного пространства. Для этого крайне необходимо, чтобы представители российской культуры и литературы не замыкались в узконациональные рамки, а возрождали исторически свойственную им соборную, духовно-просветительскую миссию.

Одной из первых попыток наладить связи и диалог культур на федеральном уровне следует считать инициативу литераторов «Центра» по налаживанию контактов с писателями и поэтами Северного Кавказа. Так, фондом С. Филатова «Социально-экономических и интеллектуальных программ» был проведен семинар с участием творческой интеллигенции, издан сборник произведений северокавказских авторов «Война длиною в жизнь». Принципиально важно продолжить эту работу, которая противостоит формированию стереотипного «образа чужого»,

открывает ценность и неповторимость культуры и литературы народов, проживающих в России.

Закономерным следствием разрушения информационного и духовного пространства на федеральном уровне является и оскудение содержания учебников по литературе России, представленного без связей и диалога с национальными литературами России. Из школьных и вузовских учебных программ и учебников исчезла глава «Литература народов России», что существенно обедняет представление о единой российской культуре и литературе.

Мощным объединяющим фактором являются контакты и сотрудничество народов Северного Кавказа в области культуры. К примеру, проведение конгрессов, «круглых столов», совместных акций средств массовой информации, изданий произведений деятелей литературы и искусства, сотрудничество различных творческих коллективов. Заслуживают в этом плане внимания «круглые столы» деятелей культуры по проблемам российско-кавказских отношений «Между Западом и Востоком. Россия и Кавказ на рубеже столетий» (Москва, 12 октября) и «Россия и Кавказ в XX веке» (Москва, 17 февраля 2006 г.) и «IX Конгресс народов России» (г. Грозный, 25 февраля 2011 г.)²².

Эффективной формой, способствующей воспитанию чувства толерантности у молодежи, является проведение творческих встреч, фестивалей, научных конференций. Кабардино-Балкарская Республика с середины 1990-х гг. стала местом проведения региональных фестивалей «Студенческая весна», «Танцы над Эльбрусом», «Кавказ – наш общий дом», «Мир – Кавказу», региональных научно-практических конференций «Мир на Северном Кавказе через диалог культур»²³. Такие мероприятия помогают молодежи ближе узнать, понять друг друга, преодолеть чувства «инаковости», разделяющие их по национально-региональным признакам. Отсюда закономерно следует, продумать при составлении «соответствующей программы», чтобы процесс установления культурных связей был взаимным. В результате естественного исторического процесса в России сложилась единая духовная общность народов, доминирующую роль в которой играет русская культура. Во взаимодействии культур она выступает и как культура межнационального общения, и как проводник к достижениям мировой культуры, и как катализатор позитивных изменений в различных сферах духовной жизни российских народов.

На сегодня в северокавказских республиках не только не имеют возможности видеть прославленные российские художественные коллективы, но и, в свою очередь, такие известные в регионе ансамбли как государственные ансамбли «Кабардинка», «Балкария» крайне редко выступают на сценах столичных залов, других крупных российских городов. Только взаимно направленное движение может дать желаемые результаты в сближении народов через культурные контакты и сотрудничество.

Исследуемый материал позволил наглядно показать потенциальные возможности системы образования и культуры в консолидации многонационального российского общества. Разумное использование его может сыграть заметную роль в укреплении стабильности, согласия и толерантности в современном обществе.

Примечания

1. Путин В.В. Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, посвященного роли русского языка и языков народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков // Стенограмма совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 26.02. 2016 г. // Электронный ресурс // www.kremlin.ru (дата обращения 15.02.2016 г.).

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Электронный ресурс: www.demoscope.ru (дата обращения 25.02.2016 г.).

3. Итоги Всероссийской переписи 2010 г. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Официальное издание. Нальчик, 2013 г. С. 10, 11.
4. *Шалова Ф.* Более тысячи школьников приняли участие в олимпиаде по русскому языку // Университетская жизнь. 2016. № 2.
5. *Путин В.В.* Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, посвященного роли русского языка и языков народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков // Стенограмма совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 26.05.2016 г. // Электронный ресурс: www.kremlin.ru (дата обращения 24.02.2016 г.).
6. Официальный сайт изучения кабардинского и балкарского языков // Электронный ресурс: www.telestudio.pro (дата обращения 24.02.2016 г.).
7. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»; План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики (утвержден распоряжением Правительства России 15.07.2013 г.). Электронный ресурс: www.government.ru (дата обращения 21.12.2015 г.).
8. План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Кабардино-Балкарской Республике (утвержден распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 18 октября 2013 года № 579-рп) // Электронный ресурс: www.docs.cntd.ru (дата обращения 21.12.2015 г.).
9. Информационные доклады руководителей подразделений Управления «Об итогах деятельности Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР» за 9 месяцев 2015 года // Электронный ресурс : www.pravitelstvokbr.ru (дата обращения 24.02.2016 г.).
10. *Гаврилова О.* Отзывы гостей Международной научной конференции «Национальные образы мира в художественной культуре», посвященной 85-летию со дня рождения Г.Д. Гачева (1929–2008) –доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН // Университетская жизнь. 2014, 17 ноября. № 29.
11. *Гутов А.М., Бозиева Г.Дж., Кешева З.М.* Состояние гуманитарной культуры: литература, искусство // История многовекового сотрудничества: 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. С. 564–581.
12. О работе Кабардино-Балкарского фонда культуры // Электронный ресурс: www.pravitelstvokbr.ru (дата обращения 07.02.2016 г.).
13. *Паитов Б.С.* Выступление министра по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР на заседании Общественно-консультативного совета при Президенте КБР // Электронный ресурс: www.kavkaz-uzel.ru (дата обращения: 09.02.2016 г.).
14. Информация Министерства по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР // Электронный ресурс: www.pravitelstvokbr.ru (дата обращения: 09.02.2016 г.).
15. *Абдулатипов Р.Г.* Создание российской нации (проект для XXI века). Российская газета. № 170. 28.08.2003 г.
16. *Карамурзов Б.С.* Образование и воспитание в духе культуры мира: опыт и перспективы работы КБГУ // Материалы научно-практической конференции «Мир на Северном Кавказе через диалог культур». Нальчик, 2000. С. 27–7.
17. *Геграев Х.К.* Доклад зам. начальника управления по воспитательной работе КБГУ на заседании Ученого совета КБГУ // Университетская жизнь. 2011. 5 марта. № 9–10.
18. *Давыдов Ю.С.* Проект федерально-региональной программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» // Вестник ПГЛУ. 1998. № 2. С. 39.
19. Шестой Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Россия–Кавказ – Мировое сообщество» 12 октября 2010 г. // Электронный ресурс: www.pglu.ru. (дата обращения: 07.07.2015).
20. *Тетугев А.И.* Межнациональный диалог культур как форма взаимодействия регионов и фактор консолидации народов России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. С. 115, 116.
21. *Путина В.В.* Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, посвященного роли русского языка и языков

народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков // Стенограмма совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 26.05.2016 г. Электронный ресурс: www.kremlin.ru (дата обращения 24.02.2016 г.).

22. *Галазов А.Х.* Пережитое. М., «Грааль» 2002. http://www.darial-online.ru/2009_4/galazov.shtml (дата обращения: 07.05.2011); X Конгресс народов России // <http://www.yaranr.ru/content/view/103/30/> (дата обращения: 11.03.2016 г.).

23. *Геграев Х.К.* Указ. доклад.

A.I. Tetuev

THE ROLE OF EDUCATION AND CULTURE IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

The article investigates the working experience of educational institutions of the region in forming of tolerant consciousness. Shows potential facilities of system of education and culture in consolidation of multinational Russian community.

Keywords: national politics, ethnic communities, consolidation, education, history, culture, upbringing.

Г.Д. Базиева

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В статье анализируется влияние культурной среды на процессы социализации и самоидентификации личности. Интерпретации и репрезентации города как культурного ландшафта в различных литературных текстах актуализируют проблемы персональной идентичности как сложного и амбивалентного феномена.

Ключевые слова: культурный ландшафт, городская среда, идентичность, Кабардино-Балкария, Нальчик.

В современный период процессы идентификации рассматриваются как механизм социализации личности, посредством которого усваиваются социокультурные нормы, традиции, ценности и др. В этом смысле идентификация предполагает категоризацию социокультурного пространства и выступает как алгоритм освоения человеком социокультурного содержания действительности (О.К. Степанова).

В структуре идентификации выделяют ряд характеристик: обусловленность конкретным социокультурным окружением (П. Бергер, Т. Лукман), концептуальность как способность удерживать информацию вокруг ключевого контекста (В.А. Ядов), отличительность как индивидуальное бытие (Р. Баумайстер) и др. Основатель исследований идентичности Э. Эриксон персонифицировал идентичность, понимая данный феномен как «длящееся внутренне равенство с собой», «непрерывность самопереживания индивида»¹.

Процессы самоидентификации на начальных этапах напрямую зависят от окружающего пространства во всем комплексе особенностей того или иного «месторазвития», т.о. процессы самоидентификации детерминированы особенностями культурного ландшафта. Пространство места и его образный смысл – наиболее емкие понятия в культурном ландшафте, так как включают в себя исторические, визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие и символику.

В современный период (ввиду превалирования городского населения над сельским) город становится основным территориальным культурно-природным комплексом, системным образованием и носителем исторических функций. Динамика процессов культурной идентификации в условиях города основана на освоении, рефлексии, интериоризации культурных значений (переходе значений культуры в личностные смыслы) и сотворении новых культурных смыслов. По М. Кастельсу, идентификация сопряжена с осмыслением человеком своих ценностных ориентиров на основе определенного культурного подхода, который задает «интерпретативные рамки»².

Городская среда, формируясь под влиянием различных, а подчас и разнонаправленных тенденций, выстраивает новые «рамки» интерпретаций, новую систему ценностей, таким образом способствуя развитию личности со сложной культурной идентичностью, которая включает в себя различные традиции, ценности, верования, присущие не только определенному этносу, но и городской полиэтничной среде в целом.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-00126.

Репрезентирование городского пространства, как и любого другого образа места, опирается на использование текстов различного происхождения – научных, художественных, публицистических, рекламных, а также изобразительных средств, интернета и т.д. Наиболее интересными в плане изучения проблем персональной идентификации в городской среде являются, на наш взгляд, литературные тексты, в которых в результате репрезентации и интерпретации городского пространства происходят процессы самоактуализации объекта. При этом образ города конструируется как изнутри (путем воссоздания отдельных фрагментов реальности), так и снаружи (путем создания целостного протообраза). По мнению М. Серто, «обычный человек не просто репрезентирован в литературе, он разыгрывает сам текст, делает это в тексте и с помощью текста...»³.

В литературе реальное/ирреальное городское пространство наделяется не только индивидуальными, но и обобщающими чертами, о чем говорят даже названия произведений: «В маленьком городе» (Г. Манн), «Город» (У. Фолкнер), «Город Градов» (А. Платонов) и др. В русской литературе небольшие города вроде города Глупова М. Салтыкова-Щедрина или городка Окурова М. Горького с их «уездной, звериной глушью» (Ф. Достоевский) ассоциировались с пошлостью, банальностью, унылым и однообразным существованием. Укрепившееся в русской литературе пренебрежительное отношение к уездным городам (Тамбов на карте генеральной кружкой означен не всегда, / Там есть три улицы прямые, / И фонари и мостовые... / Но скука, скука, боже правый, / Гостит и там, как над Невою, / Поит вас пресною отравой, / Ласкает черствою рукой» (М. Лермонтов), начинает изменяться к началу XX века. Так, И. Бунин в «Жизни Арсеньева» пишет о том, что чувство Костромы, Суздаля, Ростова Великого проснулось в нем «гораздо позже». Но и в XX в. небольшие (провинциальные) города нередко противопоставлялись двум культурным столицам – Москве и Санкт-Петербургу. В повести «Город Градов» (1927) А. Платонова дано следующее описание: «Если подъезжать к Градову не по железной дороге, а по грунту, то въедешь в город незаметно: все будут поля, потом пойдут хаты, сделанные из глины, соломы и плетня, потом предстанут храмы и уже впоследствии откроется площадь. Посреди площади стоит собор, а против него двухэтажный дом.

– А где же город? – спросит приезжий человек.

– А вот он, город, и есть! – ответит ему возчик и укажет на тот же двухэтажный дом старинной постройки»⁴.

Маленький город выступает антагонистом большого по целому ряду признаков: архитектура, быт, досуг, нравы... В маленьком городе все перечисленные признаки либо убоги, либо номинальны. Единственной прерогативой остается природа, а, вернее, любовь к природе. Так, в городке Окурове М. Горького «много садов и палисадников, – клен, рябина, сирень и акации скрывали лица домов, сквозь зелень приветливо смотрели друг на друга маленькие окна с белыми занавесками, горшками герани, фуксии, бегонии на подоконниках и птичьими клетками на косяках»⁵.

В современной «постмодернистской» литературе описание природы либо вообще отсутствует, либо ироническое, как, например, в романе «Москва–Петушки» В. Ерофеева: «В Петушках, как я уже говорил, жасмин не отцветает и птичье пение не молкнет. Вот и в этот день, ровно двенадцать недель тому назад, были птички, и был жасмин»⁶. При этом ирония касается скорее Москвы, чем Петушков, так как название предпоследней главы известного произведения «Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому» подчеркивает желание героя оказаться в Петушках, а не в Москве. А Москва, несмотря на искреннее желание героя посетить Красную площадь, ограничена Курским вокзалом.

С конца 70-х гг. провинция (деревня, село, небольшой город) становится таким же полноценным героем литературного текста как Москва В. Гиляровского,

Санкт-Петербург Н. Гоголя, Киев М. Булгакова и т.д. И даже наоборот: провинция превращается в более яркое и интересное явление для анализа, чем изученные и наскучившие картины столичных «видов».

Как пишет Н.А. Шогенцукова в предисловии к роману Н. Полошевской «Тысяча первый роман о детстве»: «Не знаю, что есть особенного в нашем Нальчике, но очевидно, он становится одним из главных, если не главным героем в ряде лучших романов последнего десятилетия, принадлежащих перу моих земляков. Константин Елевтеров, Заур Канкулов, Джамбулат Кошубаев, Дина Арма, Наталья Полошевская созидают города, в очертаниях которых проглядывает их родной город»⁷.

Нальчик К. Елевтерова – дискретен, размыт, рассредоточен. Точки или скорее линии соприкосновения – ул. Кабардинская, Университет, библиотека им. Крупской, Дом печати... «Город балансирует на линии двумя полусферами как глобус», «он курортный и круглый. О нем можно, как о людях, говорить что угодно, и все будет в свое время правдой: красивый, тусклый, тихий, скрежещущий, чистый и снежный, пыльный и слякотный, дурацкий как флаг, пластичный, как лес, простой, разный»⁸.

Отражением Духа города становится не архитектура, а та атмосфера, в которой выстраивается сложная система различных импульсов, отношений взаимопонимания и взаимонепонимания. Т. Калужная в эссе «Почти без повода» пишет: «Видите ли, взаимопонимание иллюзорно. Мой любимый современный автор, работающий в жанре нелинейной литературы, Костя Елевтеров в своем романе «Вынырывающий» хорошо сказал: «Я сам себя прекрасно понял». Ради этого действительно стоит написать роман. Надеяться, что тебя поймут другие – наивно. Если они что и поймут в твоём тексте, то – себя, и это тоже очень хороший результат. Закон иллюзорности взаимопонимания одинаков и для письменных текстов, и для устных высказываний. Говорю – значит, надеюсь что-то себе объяснить. Ты слушаешь с надеждой понять самого себя. Получается или не очень?»⁹.

Но попытки самоидентификации героя романа «Вынырывающий» приводят не к самоизоляции, а, скорее, наоборот. «Я умею благодарить... за общую волну. Когда человек хочет тебя услышать. Прилагает усилия. Для тебя самого эти усилия привычны, природны. Но без отзвука, когда эхо не слышишь, они бессмысленны. Только, когда другой, другая тебе отвечает, живая ткань этих усилий удваивается. И во тьме светит. Неизвестно зачем».

В романе точно и живописно передана атмосфера быта жителей ул. Кабардинской, сплоченных мелкими и крупными в том числе самыми обыденными деталями общего жизненного пространства. Кинотеатр «Победа», магазин «Ландыш», парк... «Улица идет прямо и ровно освещена с высоких, метров под восемь, шершавых и живых ночью телеграфных столбов...»¹⁰.

В.Х. Вороков в рассказе «Улица моего детства» пишет: «...Сегодня стала тихой-тихой моя Кабардинская. Покосилась вкривь и вкось. Приуныла. Погрустнела. Даже ласточки не выют своих гнезд над окнами ее домов.

Да неужели мы дадим умереть улице нашего детства? Неужели мы не сможем спасти наш старый город? Что надо для этого?... Не так и много. Душу надо вдохнуть в прошлое. Всего-навсего душу вдохнуть»¹¹.

В романе Н. Полошевской «Тысяча первый роман о детстве» автор также описывает исторический район г. Нальчика, находящийся между Республиканской (Шогенцукова) и Октябрьской (Нахушева), Первомайской (Ахохова) и Осетинской (переименование улиц усиливает недоумение героини, воспринимающей улицы родного города, как одухотворенные объекты). Для автора родной Город – это прежде всего Дом. «Память Дома отличалась необыкновенной ясностью, даже, когда он дожил до почтенного возраста. Он хорошо помнил, как чисто и уютно было в нем всегда, как часто собирались в нем родственники и соседи за праздничным столом, какие вкусные пироги подавались гостям, как часто звучали в нем песни...»¹².

Из детства запомнилось сидение на порожке (между Домом и Садам), сказки, выдуманные самостоятельно и вместе с мамой, прогулки по парку, в сквере около «Ударника», по вокзалу, который был «входом» в город. Дом героини, бывший равным среди равных, постепенно мимикрирует, обрастая плотным рядом высок, загораживающих вид, отказывающих ему «в праве на *память* и *душу*»¹³.

Город Н. Полошевской становится ответом на все «вызовы» и скорее мифологическим, чем реальным пространством. «У такого Города должна быть своя неповторимая судьба. Она давала это понять сразу – без обиняков, откровенно. Знак этой особенности был виден издали – величественные горы, подковой окружавшие Город»¹⁴.

Интересно, что чувство возвращения на Родину в романе Д. Дамиан (М. Тлостановой) «В вашем мире я – прохожий» (М., 2006) возникает только однажды: перед предстоящей поездкой в горы. В главе «Поездка на Кавказ», написанной как воспоминание, автор констатирует: «Я как-то вдруг услышала особенно остро пряный запах и шелест листвы, ощутила по-осеннему прохладный синий ветер. Под нами лежал безмолвно городок, мигали огни и мне почудилось, что двадцати пяти лет не было, что я стою здесь, на вершине холма и представляю свою жизнь, какой она будет, куда меня забросит судьба, с кем доведется встретиться»¹⁵.

Жанр литературного путешествия, когда первоначальная психологическая и социокультурная установка оказывается сильнее реальности и замещается цепочкой этнокультурных образов, характеризующих местность через эмоциональное состояние героя/автора достаточно распространен («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Письма русского путешественника» Н. Карамзина и др.). «Путешествия – идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ»¹⁶.

Воссоздаваемый в романе Д. Дамиан образ города Нальчика («неестественно прямая главная улица», «убогие пятиэтажки», «уродливо подстриженные липы», установленный на «уродливой» площади «кукурузный початок, неприличным жестом, устремленный в небо»¹⁷, «нелепый ресторан в форме головы местного фольклорного персонажа»¹⁸ и т.д.) отражает ярко выраженное авторское стремление к созданию негативной интерпретации и репрезентации объекта. Однако, героиня романа с чувством нескрываемой ностальгии показывает сыну свой дом: «Мы проехали мимо *моего* дома по дороге в гостиницу и я показала Тиму *мое* окно». Не отпускающее чувство детства заставляет героиню вспомнить и свою комнату: « широкая тахта, изящное чешское пианино в углу, всюду книги, абрикосовые стены»¹⁹. Ощущение абрикосового рая возникает на миг и тотчас же исчезает, чтобы возникнуть вновь: в городском парке («в парке было тихо и красиво»).

Бурная реакция республиканской публицистики и критики на роман Д. Дамиан была вызвана острой социальной сатирой, особенно в главах, посвященных «образу места» и «местечковых» нравов. Но автор не приемлет *весь мир*, обостренно осознавая собственное отчуждение, начиная с периода раннего детства. И в этом смысле роман Д. Дамиан актуализирует проблемы культурной идентичности и персональной идентификации.

В научных исследованиях М. Тлостанова также анализируют процессы, направленные «на расшатывание нашей собственной идентичности изнутри». «Этот момент можно назвать самоотчуждением, попыткой взглянуть на себя как на субъекта глазами другого. Носитель такой неустойчивой чувствительности отличается мерцательной позицией, он должен сам быть странствующим и двоящим голосом в диалоге, который авторитет стремится дисциплинировать, заставить замолчать, запретить. Проживая в реальности или в культурной памяти локальные особенности сразу нескольких позиций, пограничный интеллектуал живет в мире, а не в определенной культуре или стране»²⁰.

Коррелирует с вышеприведенной цитатой и утверждение И.А. Грибова: «В современном обществе персональная идентичность все больше воспринимается

не как твердая, раз и навсегда сформированная данность, а как незаконченный проект, который каждый волен развивать по своему усмотрению. В этой связи уместно говорить о кризисе традиционной персональной идентичности и приходе на ее место «текучей» идентичности, чертами которой являются необходимость перманентного поиска новых объектов идентификации, желание избежать устойчивой фиксации на какой-либо одной идентичности»²¹.

В 2011 г. в издательстве «Спутник» вышел второй роман М.В. Тлостановой «Залумма Агра». В развернутой аннотации автор характеризует произведение как роман-шараду, роман-мозаику, эсхатологическую фантазию с неожиданным концом, в основе которой безместность женщины-интеллектуалки в постсоветском и шире глобальном мире (не случайна апелляция к Вирджинии Вулф). «Все героини романа – женщины, жившие в разное время, в разных странах, но оказавшиеся поневоле связанными не только фантастическим, хотя и вполне исторически правдоподобным сюжетом, но и чувством принадлежности к глобальному сестринству женщин-творцов, у которых, по словам Вирджинии Вулф, не может быть родины. Они становятся мигрантками поневоле, вечными жонглерами своих многочисленных «я», неизбывными археологами и, одновременно, создателями памяти и прошлого, которых оказались лишены»²².

В современной литературе и культуре, в целом, постмодернистские тенденции строятся на изолированности личности и всех ее связей с конкретным социальным окружением. Как отмечает М. Кастельс, «так в свое время поступал и модернизм, но то было выражением исторически укорененной культуры, которая утверждала веру в прогресс, технологию и рациональность. В противоположность этому постмодернистская архитектура провозглашает конец всех систем значений. Она создает смесь элементов, пытаясь извлечь формальную гармонию из трансисторической стилистической провокации. Ирония становится наиболее предпочтительным способом выражения. Однако на самом деле постмодернизм выражает – почти напрямую – новую господствующую идеологию конца истории и вытеснения пространства мест пространством потоков... С этой точки зрения постмодернизм можно считать подлинной архитектурой пространства потоков»²³.

«Пространство потоков» формирует новый тип идентичности, не привязанной к тому или иному месту, таким образом формируется идентичность, определяемая современными исследователями как мерцающая, плавающая, маргинальная, пограничная и др., и обозначающая чрезвычайную сложность и подвижность духовного мира, в этом смысле маргинальной может являться не только личность, но и та или иная культура, в целом.

Маргинальная идентичность проявляется в амбивалентности личностных предпочтений, в том числе и по отношению к месту постоянного проживания: местечковый патриотизм и неприятие родного города, желание прожить в данном городе всю жизнь и стремление из него уехать, восхищение местными обычаями и нравами и равнодушие к ним и т.д.). П.С. Гуревич отмечает: «Маргинальность вообще становится универсальным феноменом. Многие люди оказываются как бы между культурными обозначениями...»²⁴. По мнению М. Тлостановой, «...определенное условие транскультурной субъектности – ее неприкаянность и специфическое двойное сознание, порождающее сложные отношения со временем и местом»²⁵.

Городская культура является и содержательно, и формально маргинальной, так как формируется на пересечении национальных и инациональных традиций, в сложных процессах миграции, ассимиляции и адаптации различных слоев многонационального населения. «Быстрая индустриализация приводила к размыванию городской культуры, которая к тому же не имела достаточно прочных традиций. Условия жизни горожан I-го поколения не требовали освоения городской культуры, в город чаще всего переносились нормы жизни сельской общины.

Исследователи отмечают «рурализацию» города. Типичным представителем советского города был мигрант, полугорожанин, маргинал»²⁶.

Но маргинальность может рассматриваться не только и не столько как девиантность, но и как фактор, обогащающий личность, общество и культуру. Более того, маргинальный тип личности острее ощущает принадлежность или непринадлежность к той или иной культуре, а неприкаянность позволяет острее и отчетливее почувствовать «корни».

Сюжетное пространство повести З. Канкулова «Затерявшийся в городе» многопланово. Первый план – прошлое, реализуемое в словах и поступках старших, в неспешности, терпеливости, трудолюбии и мудрости каждого прожитого дня, в размеренности сельской жизни. В рассуждениях о настоящем, когда-то обещавшим стать светлым и прекрасным будущим, у старшего поколения много горечи и разочарования. Бабушка главной героини повести, Залины, – девушки с искорверканной судьбой, размышляя о дне настоящем, рассуждает: «Будущее светло, будущее прекрасно». И где оно? Голодных нет, но этого мало. Человек испортился. Сердце его окаменело. Родные братья спиной друг к другу. Что с того?»... Нет правды на земле. Среди самих наршу хоть отбавляй готовых собрать в дырявый мешок остатки благословенных деловых заветов и бросить в горный поток. Залина говорит на чужом языке, как большинство молодых наршу. Говорят так лучше, это сокращает путь к наукам, к культурности и прочим желанным целям. Дочь так говорит. А на каком языке я буду прощаться с внучкой, когда придет мой последний час?

Кружатся люди наршу в каком-то стремительном шайтанском танце. Гармониста не видят, но танцуют, танцуют, танцуют.....»²⁷.

Настоящее не только разрушает тесные связи с языковой и культурной средой, но и ломает традиционную систему ценностей. Далеко не каждому по силам построить собственную нравственную систему, способную противостоять разрушающим и травмирующим личность агрессивным воздействиям внешней среды. Процессы самоидентификации отдельной личности, по мнению автора, осложнены признаками разложения и деградации родного этнокультурного мира: сельская молодежь старается быть похожей на городскую, родители живут в своем мире, огражденном от собственных детей высокой стеной, дети живут по принципу неограниченного доступа к развлечениям, удовольствиям и т.д.

Попав на учебу в большой город, главный герой повести, Феликс, чувствует себя маленьким ничтожным винтиком, затерянным в Городе. Процессы самоидентификации героя осложнены рефлексией и самоотчуждением, вызванными «непопаданием» героя в социокультурный контекст. Плохое знание родного языка не позволяет ему объединиться с соплеменниками в другом городе, любовь к национальным танцам и музыке, не переросла в умение и навыки, позволяющие демонстрировать красоту народных танцев в инонациональной среде, мусульманские заветы не помогают, традиционные заповеди не работают – в результате герой становится антигероем, совершающим подлый поступок по отношению к любимой девушке.

В контексте влияния городской среды как культурного ландшафта на персональную идентификацию интерес вызывает приведенное в повести описание двух памятников: одного, поставленного еще в дореволюционный период в селе, и другого, водруженного в центре города. История первого памятника, меняющего лики в зависимости от политических реалий, трагикомична – многострадальный старый пасечник на постаменте, походивший некогда на врага народа, беспомощно стоящий с протянутой чашей, становится символом уходящего в небытие прошлого, связанного с размеренной сельской жизнью, спокойным и достойным укладом старины. Второй памятник, стоящий у входа в городской парк, изображен автором как зловещий символ города, ассоциируемый с произволом сталинского режима.

Также как и в «Медном всаднике» А.С. Пушкина, в повести противопоставляется сила Власти и личность одинокого, «затерявшегося в городе» простого человека с его частными переживаниями и страданиями.

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье .
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Убегая от настигающего раскаяния, в поисках самооправдания и прощения герой мечется по городу, пытается спастись от видений (ожившего памятника или своей памяти?). «И заблудился человек в городе, заблудился в мире, перепутал черное и белое, – пишет Н. Шогенцукова в книге «Лабиринты текста», – и бредет человек по улице, не слыша ругань шофера, под машину которого чуть не попал, не понимая, где он и что с ним, не чувствуя летней жары, помня лишь леденящие ужасом видения – памятник и крысы».

Остановившись на роли и месте художника в обществе Н.А. Шогенцукова в цитируемой книге отмечает «поразительное равнодушие» к людям искусства и науки и их произведениям. «Писатели пишут – читают их книги единицы. Художники рисуют – мало кто видит их картины. Ученые создают свои труды – даже коллеги их не знают. Спектакли идут при полупустых залах. Ну а уж о том, чтобы покупали книги, картины, платили за симфонии, занимались меценатством или просто признали заслуги, поблагодарили за служение – об этом говорить не приходится»²⁸. Картина тотального равнодушия к наукам и искусству предваряется малозаметным, но важным, на мой взгляд, высказыванием: «Другие места не лучше в этом плане Нальчика».

Большинство писателей, пишущих о Нальчике, не упоминают его названия. Но подчеркнутая пластичность (К. Елевтеров), мифологичность и романтичность (Н. Полошевская), прямолинейность (Д. Дамиан), мрачность и фантастичность (З. Канкулов) города вкупе с другими реальными и ирреальными чертами становятся знаками и символами, по которым город легко узнаваем.

Анкетирование студенческой молодежи г. Нальчика, проведенное в мае 2015 года, показало, что наряду с патриотически-позитивными (столица Кабардино-Балкарии, любимый город, город, в котором я буду жить, зеленый, курортный и т.д.), молодежь дает достаточно резкие (город, в котором нет перспектив, город, в который я езжу каждый день, чтобы получить высшее образование и больше ничего, горячая точка, забытая ваххабитами, город, в котором страшно жить, город «понтон» и т.д.) и более чем резкие характеристики. Но в одной из анкет студентка написала: «Мы должны сами измениться и изменить город в лучшую сторону. Все в наших руках».

К сожалению, городская среда нередко воспринимается как пространство, нивелирующее и демаркирующее генетическое, нравственное, индивидуальное сознание, низводящее человека до винтика в сложном, неотлаженном механизме. В предисловии к сборнику «Мир дому твоему» Дж. Кошубаев отмечает: «Тема «родного очага» в северокавказских литературах имеет совершенно иное звучание, нежели в литературах крупных этносов. Культура последних сосредоточена ныне в крупных городах. Для малых народов фундаментом культуры, ее «родным очагом» были и остаются аул, село. Уехать в город – означает не просто оторваться от хозяйства, от родных корней. В городе теряется язык, нивелируется культура, забываются обычаи, нарушается традиционный уклад жизни, гарантировавший сохранение этноса»²⁹.

Противопоставление идеального коллективистского начала сельской, деревенской жизни разрушительным индивидуалистическим импульсам, исходящим из городской среды, имеет давнюю историю. Но уровень жизни и образования, возможность приобщиться к культурным ценностям и т.п. в городе выше, чем в

селе. Не случайно советская экономическая политика в числе приоритетов рассматривала проблемы стирания существенных различий между городом и деревней и предусматривала широкий круг мероприятий по социальному развитию села, дальнейшему повышению уровня благосостояния, культуры, медицинского и бытового обслуживания сельских жителей.

В современный период актуализация проблем самоидентификации связана с усложнением и ускорением темпов развития социума и личности, не только в городской, но и сельской среде. В глобальном мире сетевого внеисторического «пространства потоков» существенно меняются значение и «динамика рассеянных и сегментированных мест, все слабее связанных друг с другом, все менее и менее способных пользоваться общими культурными кодами»³⁰. Стремительный рост городского населения диктует необходимость формирования культурных кодов городской среды, направленных не на разрушение, а на созидание личности. Город, обладая собственной «мифологией», культурными символами и смыслами, вписывается в широкий круг проблем историко-философского и культурологического характера. Не случаен интерес современных исследователей к метафизике города как текста, обладающего «душой» и «судьбой», изучение города как единого целого, состоящего из кодов, знаков, символов, содержащих информацию о прошлом, настоящем и будущем культуры.

Примечания

1. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 58.
2. См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Серто М. Общее место: обыденный язык // URL: <http://nlobooks.ru> (дата обращения 8.04.2016).
4. Платонов А. Избранное. М., 1988. С. 398.
5. Горький М. Городок Окуров // Горький М. Собр. соч. В 16-ти т. М., 1979. Т. 5. С. 284.
6. Ерофеев В. Москва–Петушки. М., 2005. С. 42.
7. Шогенцукова Н. Город в его странствиях сквозь время // Полошевская Н. Тысяча первый роман о детстве. Нальчик, 2010. С. 5.
8. Елевтеров К. Вынырывающий. М., 1996. С. 18.
9. Калюжная Т. Почти без повода // Русское поле. Содружество литературных проектов. 2003. № 3 // URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2299> (дата обращения 23.03.2016).
10. Там же.
11. Вороков В. Х. Улица моего детства // Цветные сны. Нальчик, 1998. С. 201.
12. Полошевская Н. Указ. соч. С. 35.
13. Там же. С. 34.
14. Там же. С. 17.
15. Дамиан Д. В вашем мире я – прохожий. М., 2006. С. 163.
16. Замятин Д. Географические образы в культуре: методологические основы изучения // Культурная география. М., 2001. С. 137.
17. Дамиан Д. Указ. соч. С. 155–156.
18. Там же. С. 161.
19. Там же. С. 158.
20. См. Глостанова М. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М., 2004. Мадина Глостанова комментирует свою новую книгу «Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда». URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/tlostanova.html> (дата обращения 30.04.2016).
21. Грибов И.А. Персональная идентичность: понятие и пути формирования в современном обществе. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/10.html> (дата обращения 15.03.2016).
22. Глостанова М.В. Залумма Агра. М., 2011.

23. *Кастельс М.* Указ. соч. С. 351.
24. *Гуревич П.С.* Культурология. М., 2004. С. 286.
25. *Глостанова М.В.* Диаспорные идентичности и литература в постнациональном мире: к проблеме переосмысления понятий // *Личность. Культура. Общество.* Т. 13–№ 1(61–62). 2011. С. 167–180.
26. *Кантемирова Т.А.* Социокультурные особенности формирования городской среды в России URL: <http://www.unn.ru/www.chorus-nnsu.ru/pages/e-library/vestnik.../14.pdf> (дата обращения 12.03.2016).
27. *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе // *Цепи снеговых гор.* М., 2009. С. 144–145.
28. *Шогенцукова Н.А.* Лабиринты текста (приложение). Нальчик, 2002. С. 2.
29. Мир дому твоему. Нальчик, 2003. С. 3.
30. *Кастельс М.* Указ соч. С. 357.

G.D. Bazieva

CULTURAL ENVIRONMENT AND PROBLEMS OF PERSONAL IDENTIFICATION

The article analyzes the influence of the cultural environment on the processes of socialization and personality identification. Interpretations and city representations as cultural landscape in various literary texts actualize problems of personal identity as the complex and ambivalent phenomenon.

Keywords: cultural landscape, the urban environment, identity, Kabardino-Balkaria, Nalchik.

УДК 811.352.3'271.2

Б.Х. Бгажноков

О ВЕЖЛИВО-СКРОМНЫХ СЛОВАХ И ВЫРАЖЕНИЯХ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ ЧЕРКЕСОВ

Рассматриваются различные типы эвфемизмов, активно используемых в адыгском языке, а также культурные основания замены одних слов и выражений другими – вежливо-скромными, льстиво-почтительными. Показано, в какой мере практика такого рода замен обогащает язык, культуру общения и речи.

Ключевые слова: черкесы, табу, эвфемизмы, культы, традиции общения, стили языка, этикет.

1

Во всех языках есть слова и выражения, которые всегда или в какой-либо особой ситуации могут показаться грубыми, нескромными, неприличными, даже опасными. Или не вполне уместными. Вместо них обычно подбирают синонимичные вежливо-скромные, безопасные, льстиво-почтительные, иногда ласкательные слова и выражения (эвфемизмы). Применяются в том же значении и неязыковые (паралингвистические) аналоги прямого (кажущегося грубым, неэстетичным) способа выражения мыслимого содержания. Во всех случаях это более приличные, смягчающие и уместные варианты неуместного или не вполне приличного слова или высказывания.

В культуре общения адыгов общее число таких единиц очень велико, что сразу обращает на себя внимание. В основе своей это исторически сложившийся, весьма ценный и важный блок и ресурс общей культуры, который существенно обогащает язык и традиции общения народа. Эвфемизмы и разного рода эвфемистические средства, стандарты и атрибуты общения занимают особое, очень важное место в быту, в повседневном поведении черкесов.

Так, повсеместно вместо слова «родила» используют выражения *зылэпкIащ* (разрешилась), и *кьутицхьэ зэрыкIащ* (кости разошлись), *бын кьыщIэхьуащ* (ребенок явился). Избегают произнесения слов *уэндэгьу*, *лъэщыджэ* (беременная). Воспитанный человек скажет вместо этого «тяжелая», «слабая» – *хьэлъэ*, *лъэрмыхь*. Слово «умер» – *лащ* заменяют смягченными вариантами: «ушел из мира», «мир сменил», «не стало», «успокоился» – *дунейм ехьжащ*, *дунейр ихьуэжжащ*, *щыIэжкьым*, *тыншыжжащ*. О погибших воинах говорили «спешился» – *епсыхь-жжащ*, «доспехи сложил» – и *Iэцэ игьэтIыльыжжащ*. В Малой Кабарде во время оповещения о смерти человека используется куртуазное выражение *узгынIащ* с неясной внутренней формой.

Известен также особый способ оповещения родственников погибшего наездника. Явившись в родительский дом специально посланный для этого мужчина спрашивал родителей, возвратился ли их сын из похода. Это означало, что он погиб. С иносказательным (в данном случае – паралингвистическим) способом оповещения о смерти ассоциируется также поведение всадника, оповещавшего об этом жителей округи. По словам С.Х. Мафедзева, против обыкновения горевестник – *цхьэкIуэ* держал плеть в левой руке, а поводья в правой, ни с кем не

здоровался, с лошади спешивался не слева, а справа¹. По этим признакам каждый встречный безошибочно определял, какая миссия возложена на этого всадника².

Это напомнило мне услышанную от З.М. Налоева историю о том, как одному из кабардинских князей сообщили о гибели в сражении его сына. Рассказывают, что никто не решался сказать князю об этом первым, чтобы не огорчать господина, чтобы не остаться в его памяти вестником трагедии и беды. В конце концов, сообщить князю о случившемся вызвалась одна очень умная и почитаемая старушка. Она вошла к князю и закрыла за собой дверь, ухватив дверную ручку, вывернутой в обратную сторону рукой (*Іэ щІыб*). Затем поговорила с ним на мало-значашие темы и ушла. По тому, как старушка закрыла за собой дверь, князь, зная, что способ захвата предмета вывернутой рукой ассоциируется с бедой, сразу понял, что его сын, находившийся в походе, погиб. Несмотря на это, он ничем не обнаружил свои чувства. Сделать это не позволила князю не только традиционная сдержанность, присущая людям его положения, но и смягченная, иносказательная форма получения горестной вести.

Использование необычных и этикетно маркированных форм невербальной коммуникации считалось проявлением большого ума, изобретательности, вкуса и надолго оставалось в памяти народа. В ауле Ст. Хумара мне рассказывали как однажды молодой человек из рода Шибзуховых получил через мальчика послание в виде банки с ножкой курицы. Парень, не понимая, что это может означать, обратился за помощью к одному старику из рода Шибзуховых. И тот сказал ему: «Это прислала тебе твоя девушка, чтобы сказать «Шевелись», «Сделай что-нибудь» (*Зыгуэр къэульэпхъэц*), иначе меня отдадут замуж за другого. Это, судя по ее посланию, большая умница и потому я советую тебе срочно на ней жениться». Парень так и сделал. В тот же вечер с друзьями он «выкрал» девушку и привез к своим родственникам³.

2

Из уважения к старшим ограничивают употребление слов «старик», «старуха», «старый», «постарел»; предпочитают эвфемизмы типа «в хорошем, зрелом, почтенном возрасте» – *ныбжыфІ иІэц*, «далеко ушел в свой возраст» – *и ныбжъ хэкуэтац*. В качестве вежливо-скромных используются обращения: старший (*нэхъыжъ*), тамада (*тхъэмэдэ*), наш отец (ди адэ), наша мать (*ди анэ*), старший брат (*шынэхъыжъ*), сестра (*шынхъу*).

Из уважения друг к другу не произносят слова, являющиеся обозначением отдельных частей тела. В то же время стыдливые умолчания не в характере адыгов. Считается, что взрослый человек должен говорить свободно обо всем, используя эвфемизмы. Почти все органы и части тела, первичные наименования которых неприлично произносить, могут быть заменены словом *ужІытанІэ* букв. «стыдное место». Испражнения обозначаются с помощью метафор *бзаджэ* «злой», «злое», *фІей* «грязный, грязное». В случае необходимости без особого смущения говорят о половом акте, отображая его с помощью сочетания *лыгъэ фызыгъэ зэхын* «женско-мужское обхождение». В применении к животным этот же акт (акт случки) обозначался с помощью слова *техуэн* с денотативным значением «падать на кого-либо или на что-либо»⁴.

Вторичные и всегда лестные названия давали грозным болезням с целью задобрить, умиловить их. Например, рожистое воспаление кожи обозначали словами *фафІэ* «благовидный», *дахэ* «красивый», оспу называли «голубем», «красавцем», «господином», «знатным гостем». «Сладкой» – *ІэфІ* или «сладкой смесью» – *ІэфІ зэхэцІа* именовали используемую в лечебных целях желчь коровы или козы. Желудок зайца (*тхъэкІумэкІыхъ лъатэ*), применявшийся при болях в животе, обозначали сочетанием *къэзыжыхъым ей* «бегающему принадлежащий».

Считалось, что применение прямых, непочтительных и недостаточно почтительных названий подобных препаратов сведет на нет их лечебные свойства.

По всей видимости, первоначально только страх перед недугом заставлял применять иносказательные и часто весьма лестные слова и выражения по отношению ко всему, что, так или иначе было связано с болезнью и излечением от нее. По той же причине охотники объединяли всех зверей, и особенно тех, на кого они охотились под общим названием *хьэрзынэ* – «прекрасные» или *бланэ* – «сильные»⁵. Опасным в дополнении ко всему считалось произнесение обычных имен волка и змеи. Чтобы не привлечь их внимания и избежать нападения, использовались вторичные наименования. Волка, которого сначала называли лесной или степной собакой – *мэзыхьэ*, затем стали именовать «большим вором» – *дыгьужь*, а после этого, отказываясь и от этого имени, охотники называли волка уважительно *цхьуэжь* – «серое, большое (мощное) чудище». Опасаясь змеей и пытаясь ее убажить все и особенно дети называли ее почтительно «длиннохвостой и длинноногой» – *клэ клыхь*, *лъякьуэ клыхь*⁶. Возникнув из страха, из желания умиловить зверей, такие обозначения стали впоследствии составной частью почтительного, бережного, благоговейного отношения к природе, составной частью традиционной экологической культуры.

3

Склонность к иносказаниям и профилактическим заменам порождала систему особых, в том числе вторичных имен, прозвищ, ситуативных обозначений, которые давали людям. Например, чтобы уберечь детей от болезней и смерти, к ним применялись имена с элементом *хьэ* «собака»: *Хьэпаццлэ* «Собачий ус», *Хьэвагьуэ* «Собачья звезда», *Хьэлунэ* – «Собачья губа». В основе этой традиции лежит культ собаки, распространенные во всем мире представления о ее отвращающей, оберегающей силе, о способности собаки прогонять ведьм, духов, демонов. Если в семье умирал ребенок, то часто, чтобы уберечь других детей и особенно находящихся в чреве, приносили во двор щенка, который подрастал с новорожденным, оберегая его. Отсюда известное имя *Хьэмдэхуэ* – «Подрастающий вместе с собакой»⁷.

В тех же целях мальчикам давали вторичные кузнечные имена: *Клыщыкьуэ* – «Кузницы сын», *Гьуццлэ* – «Железная душа», или имя самого бога кузнечного ремесла – *Тлепш*, а также производные от этого имени *Тлепшкан* – «Воспитанник Тлепша», *Тлепшук* – «Сын Тлепша». С кузницей, с культом железа связаны также имена девочек: *Клыщхан* – «Кузницы воспитанница», *Гьуклэхьан* – «Железа воспитанница». Переименование сопровождалось соответствующим ритуалом. Больного мальчика или девочку несли в кузницу. Сначала кузнец сажал ребенка на наковальню, а затем окунал его в воду для остужения железа, приговаривая: *Гьуццлэпсэу, псэ быдэу, ялахь, мы сабийр ядэ-янэм кьыццлэгьахьуэ* – «С душой железной, с душой крепкой, о Аллах, этому ребенку дай для его родителей вырасти».

С магическими представлениями связаны распространенные среди кабардинцев имена *Мел*, *Менлы*, *Мелэ*, *Мельхан*. Обычно такие имена даются детям с большим врожденным сосудистым пятном – гемангиомой для предотвращения его разрастания. Часто этими названиями заменяют уже имеющиеся первичные имена и при этом советуют: называйте ребенка постоянно «Менлы», и родинка будет становиться все меньше и меньше, пока не исчезнет (тюркское слово *менли* используют здесь в значении «запрещающий, препятствующий, удерживающий от чего-либо»).

Нужно отметить, что этот прием был в конечном итоге рациональным: опыт современной педиатрии показал, что при гемангиомах оптимальной считается выжидательная, а не оперативная тактика. Увеличиваясь в размерах в первые

6–12 месяцев после появления, 90–95% гемангиом претерпевают затем обратное развитие.

В повседневном внутрисемейном общении вторичные имена применяются из любви, из уважения к их носителям, а первоначально – из страха привлечь внимание вредоносных сил. Подлинные имена детей заменяют вторичными ласкательными именами типа *ПытIэ, ТпытIэ, Пшоцэ, Мацэ, Моцэ*. В тех же целях девочек называют *Клуляцэ, Клуаклуэ, Клурацэ*. Обычно инициатива присвоения таких имен исходила от матери или бабушки.

Особенно ласковыми и одновременно почтительными были обращения и имена, которыми сестры называли братьев: *Дотэ, Дотэху, Дотэнэху*. Слово «дотэ» в этом случае ассоциируется с такими понятиями как «господин», «повелитель», «любимец», «божество», создавая в итоге образ светлого, приносящего удачу божественного мальчика и господина. Кстати, так же обращался аталык к своему воспитаннику, за которого в любой момент готов был отдать свою жизнь.

Большое распространение получили вторичные наименования жен, что хорошо гармонировало с практикой вежливо-почтительных или стыдливых избеганий. Чаще всего это метафорические конструкции, уместные, однако, лишь в кругу друзей и младших членов семьи, ср.: *бгы псыгъуэ* – «тонкая талия», *уэс хужь* – «белоснежная». В присутствии посторонних, старших членов семьи муж из скромности называл супругу словами и выражениями типа *ар, мор* «эта», «та», *унэм исыр* «сидящая дома». Для пожилых мужчин не исключается использование куртуазного выражения *унэ гуацэ* «княгиня дома». Называя так свою жену, муж выражает не только свое почтение к ней, но и признательность за все, что она сделала и делает для семьи.

Многое зависит в таких случаях от контекста ситуации и сложившихся традиций общения. Например, распространенная в адыгской речи формула *Шоджэнхэ я пхъур* – «Дочь Шогеновых» в устах мужчины, женатого на женщине из рода Шогеновых, воспринимается как общепринятое обозначение своей жены, имя которой из приличия он не произносит. В этих же целях используются выражения типа *дизыкъуажэ* – «некто из нашего села», *унэм цIэсыр, унэм исыр* – «сидящая в доме» или полусутливые имена типа *бгы псыгъуэ* – «тонкая Талия», *цхьэ бзу* – «птичья голова». Все они являются окказиональными терминами, которые может использовать только муж по отношению к жене, чтобы не упоминать ее имя вслух, не привлекать к ней внимания злых сил. Еще Э. Краулей, имея в виду обычай давать женам вторичные, не всегда лестные имена, счел необходимым отметить: «Тут выражается не столько презрение, сколько желание защитить личность женщины»⁸. Обычно подобные правила рассматриваются как проявление взаимного уважения, почтительности и даже любви, сакральная мотивировка постепенно забывается. Например, у индейцев племени кри мужчинам запрещалось произносить имена женщин, находившихся с ними в родстве, и они объясняли это, говоря «Я ее слишком уважаю»⁹.

Аналогичным образом вели себя женщины по отношению к мужчинам. И, в частности, жена по отношению к мужу. У черкесов в разговоре с посторонними она никогда не произносила имя и фамилии мужа, а также и термины родства для обозначения мужа. Неудобным считала сказать «мой супруг» – *си цхьэгъусэ*, «мой муж» – *силI*. Использовались вместо этого метафорические обозначения: *езыр* – «сам», *адрейм* – «другой», для близких знакомых *дыдейр* – «наш». Распространены и уместны в устах жены и другие вторичные обозначения мужа: *сабий-хэм я адэр* – «отец (наших) детей», *пыIэ зыцхьэрыгъыр* – «тот, кто носит папаху», *ди цIыхухъур* – «наш мужчина».

Запрещалось, как сказано, произнесение фамилии мужа, поэтому и здесь женщина искала какие-либо иные способы референции, переключаящиеся с исходным словом. Например, у адыгейцев говорили *Шытельхьэкъуэ* – букв. «Сын того, – что кладут на коня» вместо *Иуаныкъуэ* – «Сын седла», *Хьэкъэпч* –

«Худая собака» вместо *Хьэкъуий* – «Лысая собака, *ИэгъуцI* – «Железная рука» вместо *НэгъуцI* – «Железный глаз».

Не могло быть и речи о том, чтобы произнести имя свекра и других ближайших родственников по линии мужа. Из скромности невестка вообще не обращалась к свекру, а в разговоре с третьими лицами называла ласково *дадэ* или почтительно *дипц* «наш князь», «наш свекор». Неприличным считалось произносить не только имя, но и фамилию мужа и свекра. Известный фольклорист Зарамук Кардангушев рассказывал мне, что его мать после замужества в течение всей жизни не произносила слово *гъуцI* «железо», содержащееся в фамилии мужа, заменяя его словосочетанием *псэ быдэ* «душа прочная». Например, она говорила *псэ быдэ гуахъуэ* вместо *гъуцI гуахъуэ* (железные вилы), *псэ быдэ гъуэлъынIэ* вместо *гъуцI гъуэлъынIэ* – «железная кровать».

Обращаться по имени к свекрови тоже нескромно и неудобно. Вступают в действие ласкательные, вежливо-скромные обращения: *нанэ* (мама), *гуацэ-нанэ* (княгиня-нана), *нанэ-тIасэ* (нана милая).

Явно эгоцентричны и некоторые другие вторичные обозначения, используемые не только в референтивной, но и в вокативной подсистеме лексики родства. Функционирование личных имен (в том числе и в роли вокативов) традиционно было сильно ограничено в связи с их табуацией и системой избегания, действовавшей в семейно-родственном коллективе. К примеру, свекровь давала снохам вторичные ласкательные имена типа: *Си псэ нэху* – «Моя душа светлая», *Нысэ IэфI* – «Сноха сладкая», *Къан дыгъэ* – «Воспитанница солнечная», *Нысэ гъашу* (адыг.) – «Сноха лелеемая» и т.п. Жену младшего сына выделяли особо, давая ей имена типа: *Нысэ клас* (адыг.) – «Сноха любимая», *Къан си цIасэ* – «Воспитанница моя любимая».

Невестка, в свою очередь, называла аналогичным образом своих золовок и деверей. В Адыгее повсюду к деверям применяли вторичные имена типа: *Ти оркъ* – «Наш рыцарь», *КIалэ дышь* – «Юноша золотой», *КIалэ псыгъу* – «Юноша стройный», *Шу пагэ* «Гордый всадник», а для обращения к золовкам конструкции типа: *Напцэ дах* – «Прекраснобровая», *Си нэфын* – «Моя ясноглазая» и др. В Кабарде для обращения к золовкам, а иногда и к невесткам большое распространение получило имя *Жан* «Проворная» и другие конструкции с этим словом: *ЖанцIыкIу*, *Жанлис*, *Дарижан*, *Хурижан*.

Обычно вторичное наименование воспринималось с радостью и благодарностью как знак особого внимания, свидетельство взаимной симпатии и любви. Поэтому, к примеру, деверь, получивший от невестки ласкательное имя, дарил ей за это материал на платье, туфли или шаль. Аналогичным образом поступала золовка.

4

Как видим, первоначально вторичные обозначения людей, животных, каких-либо действий или процессов возникали чаще всего по религиозно-магическим соображениям, чтобы скрыть определенную жизненно важную информацию от злых духов, обмануть, сбить с толку невидимые силы. Но постепенно на смену такому обоснованию подобной традиции и практики приходила светская, собственно этикетная мотивировка, обогащающая культуру и язык народа. На этой основе формировались представления о стиле языка и речи. В отношениях между людьми эвфемизмы становились элементами артистичного, куртуазного общения, способствовали формированию более близких, доверительных отношений.

Многое зависело в данном случае не столько от характера вторичного обозначения, сколько от мотивировки производимой замены. К примеру, неприлично просить пожилого человека передать кому-либо привет, используя выражение

Сэлам схуехыж – «Передай салам (привет)». Вместо этого рекомендуется использовать менее обязывающее выражение: *СхуцІэупицІэж* – «От моего имени справься о нем» или *СызэрыцІэупицІар схужеІэж* – «Передай ему, что я о нем справлялся». Такая замена воспринимается как проявление внимания к старшему, освобождение его от чрезмерной ответственности, которая ляжет на него в случае необходимости передать послание, выраженное через общемусульманскую формулу приветствия.

Список подобных замен можно легко продолжить. Например, в среде адыгского рыцарства имел хождение кургуазный язык, в котором о победах над противником можно было сообщить только с помощью специальных вежливо-скромных выражений. Вместо того чтобы сказать: «Я выстрелил из ружья, и противник упал», употребляли устойчивую формулу: «Ружье, что было в моей руке, выстрелило, и человек упал» – *Си Іэм ІэцІэлъ фочыр уэри лъыр джэлац*. Если возникла необходимость сказать: «Я выхватил кинжал и его ударом ранил врага», говорили: «Кинжал, что был в моей руке, опустился и ранил человека» – *Си Іэм ІэцІэлъ къамэр ехуэхри, лъыр уІэгъэ хъуац*.

Когда речь заходит о соперниках, адыги особенно деликатны. Неприлично говорить «Я его победил», «Я оказался сильнее». «Я оказался умнее», «Я одержал верх». Вместо этого говорят: «Я оказался более удачлив» – *Си нэсын текІуац* (букв. «Мое счастье победило»). Всякий намек на превосходство перед другим человеком коробит адыгов. Общее мнение таково, что человек обязан щадить самолюбие всех, с кем он находится в прямом или косвенном общении. Господствует убеждение, что все люди равны перед Всевышним. Но из них одни более, а другие менее удачливы. Это своего рода философская база адыгской скромности и учтивости. Она дает о себе знать во всех случаях, когда человек заменяет обычные стандарты общения с другими, более мягкими и изысканными и делает это из скромности, из уважения к окружающим, из стремления создать благоприятную психологическую атмосферу взаимодействия. В рамках этикета эвфемизмы и все другие слова и выражения, заменяющие обычные средства речи, не только смягчают, но и облегчают отношения и контакты.

Необходимо сказать в этой связи, что использование эвфемистических приемов общения вызывает всегда аналогичную ответную реакцию. Если человек чувствует, что его собеседник, подыскивая особые вежливо-скромные слова и выражения, заботится о нем, о его чести и достоинстве, это всегда приятно удивляет и радует, вызывая готовность действовать в ответ таким же артистичным и нравственно аргументированным образом.

Примечания

1. *Мафедзев С.Х.* Символика в коммуникативном поведении адыгов // Национальная культура и общение. М., 1977. С. 54.

2. Спешиться с коня справа, а не слева, как это обычно делается, ассоциировалось с «перевернутым» исполнением действия, с несчастьем – *мыгъуэ*. – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 34.

3. Мещеров Али-Султан Умарович, 1927 г.р. Аул Ст. Хумара. Карачаево-Черкесия.

4. *Пушков Х.Х.* Полисемия и омонимия в кабардино-черкесском языке. Нальчик, 1982. С. 47.

5. Основное психологическое условие, порождающее словесные запреты во время охоты, это, по словам Зеленина, «верование первобытного человека, что животные слышат и понимают человеческий язык. «Имена промысловых животных, – продолжает он, – были запретны, чтобы не отпугнуть этих животных и скрыть от них намерения охотника». – *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929. Ч. 1. С. 10.

6. У адыгейцев с помощью этого оборота заменяют обычное обозначение крысы – *шъуае*. – *Тхаркахо Ю.А.* Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1982. С. 134.

7. *Бгажноков Б.Х.* Культ собаки и семантика хьэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 1. С. 7–21.
8. *Краулей А.Э.* Мистическая роза. СПб., 1905. С. 430.
9. *Блумфильд Л.* Язык. М., 1968. С. 161.

В.Н. Bgazhnokov

**ABOUT WORDS AND EXPRESSIONS OF POLITELY
IN SPEECH, LANGUAGE AND CULTURE OF THE CIRCASSIANS**

Different types of euphemisms, actively used in the Circassian language and cultural base replacement of some words expressions and in other – a polite, modest, flattering, respectful. It is showing the extent to which the practice of such substitutions enriches the language and culture of speech.

Keywords: Circassians, taboo, euphemisms, cults and traditions of communication, language styles, etiquette.

Л.Х. Сабанчиева

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На материале кабардинской поэтессы Л. Загаштоковой отслежены трансформации традиционной модели материнства. В статье исследуются способы выражения чувства любви поэтессы к собственной матери и к своему материнству, а также отношение к влиянию современной морали на традиционный эталон материнства.

Ключевые слова: поэзия, образ, мать, традиционный эталон материнства.

Занимая лидирующее положение в иерархии ценностей, образ матери остается значимым в течение всей жизни человека. Материнский образ имеет не только субъективную, но и объективную ценность. Сформировавшиеся социальные установки значительно влияют на реализацию материнских функций женщины.

Сегодня ни для кого не секрет, что многие современные этические принципы ведут к разрушению традиционных устоев семьи. Особенную тревогу вызывает низкий уровень детности семьи. Статистика свидетельствует, что малодетность становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка¹. Безусловно, подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации, т.е. нахождения инструментов влияния на общественное мнение в сторону признания ценностей многодетной семьи. В силу всего сказанного актуальность приобретает изучение особенностей отражения образа матери в различных областях культуры, как способа формирования общественного мнения о ценностях материнства. Несомненно, особо значимым инструментом влияния, формирования образа, является слово, будь то устное или печатное. Образ матери в устном народном творчестве северокавказских народов – адыгов и карачево-балкарцев – был представлен в предыдущих наших работах². Продолжая исследовать данный феномен, мы обнаружили множество свидетельств его востребованности у профессиональных поэтов и писателей.

Из всего многообразия печатного слова в рамках данной статьи будет представлено творчество современной кабардинской поэтессы Л. Загаштоковой, где значительное место занимает интересующая нас тема о материнстве.

Главной причиной, побудившей к обращению именно к творчеству Л. Загаштоковой, является, если можно так выразиться, ее многоуровневая позиция по отношению к предмету исследования. Характерной особенностью стихов поэтессы о материнстве является то, что в них в полной мере проявляется идеология автора в различных ипостасях: в стихах она предстает в одних случаях в роли дочери по отношению к матери, в других – в роли матери собственных детей, что дает возможность транслировать личный бесценный опыт, делающий ее поэзию особенно убедительной. Кроме всего прочего, представляется, что таким приемом поэтесса транслирует читателям непрерывную жизненную цепь и традиции связки «родители – дети». Кроме перечисленных особенностей в творчестве Л. Загаштоковой есть нечто оригинальное – стихосложение о матери по заказу или просьбе детей. Обратимся к некоторым наиболее характерным стихам Л. Загаштоковой, в которых в той или иной степени отразились названные позиции.

Как справедливо замечено литературоведом Л. Хавжоковой, в основе стихов о матери Л. Загаштоковой лежат мягкость материнского сердца, глубина и острота материнской любви к детям, отношения между матерью и детьми³.

В отличие от феминисток, которые, скорее всего, не поймут ее, у поэтессы сложилась своя идеология по поводу приоритетных ценностей женщины на этом свете. По ее мнению, главным предназначением женщины является материнство (стихотворение «*Анэ хъуну хуейц цыхубзыр*» – «Матерью стать хочет женщина»)⁴. При этом автор прекрасно осознает, сколь сложна эта миссия и сколь противоречивы чувства, связанные с материнством. В ее стихах на высоком художественном уровне переданы с одной стороны, трудности и тревоги, вызванные появлением детей, а с другой – радость и счастье, доставляемые теми же сравниваемые ею с солнцем («*дыгэм хуэдэ*» – «солнцу подобные») дети. Несмотря на все сложности, Л. Загаштокова утверждает нас в мысли, что все же последние чувства, затмевая страх и тревогу, доминируют в материнском сердце⁵.

В следующем, на наш взгляд, программном стихотворении – не зря одноименный сборник автора начинается с него – «*Си гъуэгуанэ гъусэхэр*» («Друзья, которые рядом»)⁶, отправляясь в дорогу, (дорогу, мы здесь склонны понимать не только как физическую величину, но как философскую – жизненную), поэтесса наряду с хлебом насущным, горстью родной земли, национальными напевами берет с собой и напутствия мудрой матери и мужество отца:

*Сытоувэ гъуэгуанэ,
Отправляюсь в дорогу,
Анэ Гуцым и псалъэр
Мудрой матери слова
Сымыгытуцэу гум ильу.
Храня в своем сердце.
Сытоувэ гъуэгуанэ,
Отправляюсь в дорогу,
Адэ хъыжгэм и лыггэр
Отца хорошего мужество
Гум и лынтхуэм пыцлауа⁷.
К сердцу (фибрам души) привязанные [беру].*

Своеобразно проявляется любовь дочери к матери: ее любовь бесконечна, поскольку она по своей сути не эгоистичная, а бережная и щадящая. Например, из содержания стихотворения «*Сыдоуэршэр си анэм*» («Беседую с матерью») видно, что, несмотря на то, что у дочери близкие и доверительные отношения с матерью, дочь не готова быть до конца откровенной в беседе: ее сдерживает желание не причинить ненароком матери боль из-за плохих вестей. Поэтесса признается:

*Итлани схумэм сфлэфлицу и гур анэм,
Еще беречь хочу сердце матери,
Гуэху мыфэмыцхэр къохъур цыцызбзыцл⁸,
Нехорошие дела, бывает, утаиваю.*

Мать в творчестве Л. Загаштоковой предстает эталоном всего человеческого и человеческого, эталоном эстетического и этического восприятия: если ей в жизни встречается либо красивая (*цыхубз дахэ*), либо приятная (*цыхубз гуанэ*) женщина или просто добрый человек (*цыху гумацлэ*), то они непременно ассоциируются с матерью, и к таким людям у автора непроизвольно возникают особенно теплые и доверительные чувства. Зрелая взрослая поэтесса сетует, что ей постоянно недостает матери⁹.

У Л. Загаштоковой еще много произведений личного характера о матери и материнстве, но сегодня в рамках данной статьи хотелось обратить внимание на

одну интересную деталь, которая имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования. У поэтессы можно встретить стихи-мемораты об умерших (или условно «умерших») матерях, написанные – как это бывало раньше в традиционной культуре *джэгуаклуэ* (мистраля) – по заказу их детей, в данном случае – дочерей¹⁰. Таковы, например, «Мамэ» («Мама») и «Анэ» («Мать»)¹¹.

В стихотворении «Мамэ» изображен живой образ матери с богатым спектром эмоций и обязанностей в зависимости от различных жизненных ситуаций. Мать то, как добрая сказочница убаюкивает сказками своего маленького ребенка по ночам, то, как заботливая, мудрая и строгая воспитательница, но непременно с добрыми глазами, передает подрастающей дочери не только умения, но, что особенно ценно теплоту своей души и любовь. Заказавшая стихи дочь, вероятно, как это часто бывает у людей в жизни, чувствует свою вину перед навсегда ушедшей матерью, более всего сожалеет о том, что не смогла вовремя сообщить матери о своей ответной любви. Теперь дочь пытается компенсировать своевременно не проявленные чувства нежности, благодарности и уважения к матери заказным стихотворением. Воистину – надо спешить любить!

Напротив, героиня стихотворения «Анэ», родив дочь, оставляет ее на попечение бабушки и уходит: традиционная модель материнства утрачена, ее заменила эгоистическая стратегия родительского поведения. Здесь в полной мере проявляет себя кризис родительства, образ явно не соответствует эталону материнства. Такое нехарактерное для этнической культуры поведение мы бы объяснили неготовностью многих взрослых к выполнению материнских обязанностей.

В этих двух стихотворениях вырисовываются во многом антагонистичные образы матерей – традиционной и современной матери-кукушки. Несмотря на это складывается впечатление, что оба стихотворения сложены по одному и тому же поводу – потери матери. Но, если в «Мамэ» мать умирает в биологическом смысле, в «Анэ» мать-кукушка умирает в социальном смысле. Несмотря на это обе эти потери вызывают у дочерей одинаковые чувства – глубочайшую, правда, с различными оттенками, пожизненную печаль. Поэтому они и обратились к поэтессе за психотерапевтической помощью. И здесь сложно угадать, кто из этих дочерей больше страдает. Мы, читатели, утешимся тем, что бабушка, заменившая мать кинутой дочери, передаст эстафету материнства внучке, и на этом прервется линия матери-кукушки. В данном случае мы не знаем, по какой причине бросила мать своего ребенка. Может, из-за материальной нищеты, а может из-за нищеты духовной. В любом случае отвергнутой дочери можно задуматься о прощении матери, которую она, как видно из текста ждет постоянно. Возможно, она сама в будущем станет матерью. А матери, как правило, всепрощающи. Дочери необходимо найти ключ к сердцу матери, ведь «плохая» мать в культуре выступает как исключение, а оно, как известно, подтверждает правило.

В последних двух проанализированных стихотворениях явственно не слышен голос и отношение Л. Загаштоковой к описанным событиям. Такой задачи здесь и не было. Традиционно жанр стихосложения по просьбе должен отражать позицию и эмоции заказчика. Заслуга автора проявилась в том, что она «прочла» эти чувства и нашла подходящие средства выразительности для адекватного отображения эмоций детей, вызванных физической и социальной смертью матери, т.е. в любом случае ухода, потери матери – прямо противоположных по этическому содержанию явлений.

Иное дело стихи, написанные поэтессой, в которых заметно автобиографическое отношение к матери. Похоже, мать для нее – самый близкий друг, с которым она делится сокровенными мыслями. Но и такое общение-откровение имеет свои пределы. Любовь к матери такова, что иногда в целях сбережения ее сердца приходится утаивать слишком горькую правду.

В заключение отметим, что поэзия Л. Загаштоковой о материнстве побуждает обратиться к сложившимся веками традиционным идеалам материнского поведения,

которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала и преобразования духовно-нравственных ориентиров. Наряду с положительным, социально одобряемым образом материнства, в стихах Л. Загаштоковой находят отражение и дисгармония современных детско-родительских отношений. Л. Загаштоковой они кажутся уродливыми на фоне традиционной морали, исповедуемой поэтессой.

Примечания

1. Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru (дата обращения: 20.01.2015).
2. *Сабанчиева Л.Х.* Образы матери и отца в устной народной традиции народов Северного Кавказа: сказочный текст как источник этнолого-антропологических исследований // Вопросы кавказской филологии. Нальчик, 2014. № 10. С. 124–131; *Ее же.* Символы материнства, воплощенные в фольклорно-обрядовых сюжетах народов Северо-Западного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 227–232; *Ее же.* Реализация концепта «материнство» в мифах и ритуалах адыгов и карачаево-балкарцев // XI Конгресс антропологов и этнологов России Сборник материалов. 2015. С. 324–325; *Ее же.* Архетип материнства в эпосе «Нарты» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1 (66). С. 154–158.
3. *Хьэвжьокъуэ Людмилэ.* Пшыналъэ гуапэ // Гуашхьэмахуэ. 2015. № 2. Н. 56.
4. *Зэгъэцтокъуэ Людэ.* Си гъуэгуанэ гъусэхэр. Друзья, которые рядом: Стихи, эссе, пьеса. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. Н. 244.
5. *Хьэвжьокъуэ Людмилэ.* Указ. соч. Н. 56.
6. Исходя из содержания, такой перевод названия книги и стихотворения нам представляется не совсем удачным. Мы перевели бы как «Мои попутчики».
7. *Зэгъэцтокъуэ Людэ.* Си гъуэгуанэ ... С. 4.
8. *Зэгъэцтокъуэ Людэ.* Сыдоуэршэр си анэм // Гуашхьэмахуэ. № 2. 2015. Н. 59–60.
9. *Зэгъэцтокъуэ Людэ.* Си гъуэгуанэ ... С. 213.
10. Сложение песни или стихотворения народным певцом или профессиональным поэтом по заказу – характерный прием традиционной культуры народов Северного Кавказа.
11. *Зэгъэцтокъуэ Людэ.* Си гъуэгуанэ ... Н. 219–220.

L.H. Sabanchieva

THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE MODERN WOMEN LITERATURE OF ADYGEA

On a material Kabardian poet L. Zagashtokovoy tracked the transformation of the traditional model of motherhood. The article explores ways to express feelings of love poet to his mother and to her motherhood, as well as related to the impact of modern morality in the traditional model of motherhood.

Keywords: poetry, image, mother, motherhood traditional standard.

Хэвжогъуэ Л.Б.

**МЫКЪУЭЖЬ АНАТОЛЭ И УСЫГЪЭМ ЖЫЛАГЪУЭ,
ПОЛИТИКЭ ИУЭХУХЭР КЪЫЗЭРЫШЦЫГЪЭЛЪЭГЪУАР**

Статьяр зытеухуар къэбэрдей усаклуэ Мыкъуэжь Анатоле и граждан лирикэрщ. Авторым къыхегъэшхэхукI иджырей дунейм и къэхукъащIэхэр, цыыхухэм я зэхэтыкIэр, жылагъуэм и зыужыкIэр Мыкъуэжьым и усэхэм къызэрышцыгъэлъэгъуар. Къапщтэмэ, усаклуэм и IэдакъэщIэкIхэм куэдрэ ушрохьэлIэ гъащIэм и зэхэлыкIэмкIэ, цыыхухэм я щыIэкIэ-псэукIэмкIэ мыарэзыныгъэ. Апхуэдэуи, статьям гу щылыгташ Мыкъуэжь А. и щхъэзакъуэ Iэзагъым, и усэхэм я гъэпсыкIэ-ухукIэм щхъэхуэныгъэу хэлым, нэгъуэщI Iуэхугъуэхэми.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: жылагъуэ мотивхэр, зэблэхугъуэ зэман, гъэпсыкIэ-ухукIэ, дахагъэ, иджырей усыгъэ, политикэ, мыарэзыныгъэ мотив.

Мыкъуэжь А. и усыгъэм адыгэ литературэм щыпIэ хэха щеубыд. Абы и усэхэм езыр зыхэпсэукI зэманым и нэпкъыжьэр IупщIу къатош, усаклуэм гъащIэм и хьэл-щэн нэхышхьэхэр къыхеубыдыкIыф, цыыхухэм я гурыгъу-гурыщIэхэр художественнэ Iэзагъ хэлыу къетIэщIыф. Анатоле и усыгъэм и нэщэнэ нэхышхьэхуэ къыхэбгъэшхэхукI хьунуш гурыщIэ куурэ гупсысэ жанрэ зэрышцызэщIэлыр.

Зэ епллыгъуэкIэ Мыкъуэжьым и усыгъэр лирикэ шабэ зэфэзэщу зэхэлыу пфIэщIынуми, усэхэм я купщIэр жылагъуэ, политикэ Iуэхухэм шытегъэпсыхьари мащIэкъым. Блэка лIэщыгъуэм и 80–90 гъэхэм ди къэралым къышхьыуа зэхуэкIыныгъэхэр образ щIэщыгъуэкIэ къышцыгъэлъэгъуаш «Ди кхухьыр» усэм. А лъэхэнэм къэрал унафэр зыIэщIэлъахэм цыыхубэр зыхуаша насыпншагъэхэр усаклуэм зэрыдунейуэ псым и жапIэмкIэ щесыхым езым и закъуэу дэсея кхухьым и образымкIэ къыгъэлъэгъуаш. Ауэ, щхъэзакъуэ насып зэрышцымыIэм и щыхьэту, гъащIэм и толькьунхэм ди къэралым и кхухьыр зэтрагъэшахэри псыхьэлъахуэу нэпкъым къытридзэжащ. Абы игъэпIейтея усаклуэм и пашхьэ упщIэ куэд къиуващ, нобэр къыздэсым зыми жэуап иримытыжыфауэ:

*Датицэц ди дыгъэр пшэхэм къыкъуэжIыжу
А псыхьэлъахуэр цигъэгъуыцыжынуэр?
А псыхьэлъахуэм кхухь къыхэтицIыкIыжу,
Тенджызым тетхэм дащыщIыхьэжынуэр?¹*

90 гъэхэм я пэщIэдзэхэм, езым и есыкIэ иIэжу зи гугъа кхухьыр зэрызэтешэхам хуэдэу, Совет Союз къэралыгъуэшхуэр къутэжауэ шыташ. Абы къыдэжIуаш цыыхубэм я псэукIэр куэдкIэ екIэжIуэныр, лэжъапIэ IэнатIэхэр яфIэжIуэдыныр, зи унагъуэ зыхуэмыпIыж цыыхухьухэр фадафэу уэрамым къыдэнэныр. А псом пэщIэтыфар «тахьтэм ису, зи Iэнэхэр зэтету зи дунейр жэнэтхэмрэ» зи напэр мылькукIэ зыщэжахэмрэщ. Андрейхэм къатепсыха «гуауэр ирафыжурэ» фадафэ хьуаш е унагъуи быни хьымпIар ямыщIыжу сондэджэру ежэжахэщ. А Iуэхугъуэ гугъусыгъухэр Мыкъуэжь А. и усэхэм езым и епллыкIэрэ бгъэдыхьэкIэ хэхахэрэ хуиIэжу къышигъэлъэгъуэжаш.

Фадафэм и образыр гуемыIуу, гурымышьу гъащIэм къыдокIуэкI, литературэми, хабзэ зэрышхьыуауэ, персонаж мыхьумыщIэу, ауанылыуэ, авторым дыхьэшх е дыхьэгъ ирихьэлIэу къыхош. И дуней тетыкIэрэ и IуэхушIафэкIэ мыгурыхь цыихум и гушIэм шыхьэхэр зыми фIэIуэху хабзэкъым, дэхуэхам зыщIэзыгъэкъуэфхэри мащIэ дыдэщ. Ауэ усаклуэм и псэ пIащIэм гъащIэм и дурэшплIэрэш псори

кьетIэшIыф, цIыху зэхуэмидэхэм я гушIэлъапсэм йоплъэф. «Фадафэ» зыфIища усэм Мыкьюэжьым кыщеггэлъагъуэ а щхьухьыр нэрыгъ зыхуэхъуа цIыхум и гум щыщIэхэр, «щыхупIэм» хуэзыша щхьэусыгъуэхэр. Ар зэгъуэрым «IэщIаггэлIу», «лэжьакIуэшхуэу», «и шапхьэм щIэблэр щIапIыкIыу», «и лэпкыи лъахи иригушхуэу», «щыхузэфIэкI-щыхьэмтетыгъуэм ныбжьэгъу куэдыкIей иIэу», «гуп псо и уасэу кьекIуэктат». АрщхьэкIэ:

*ЗэхуэжIыныггэм и псы уэрыр
Пэмыплъэххауэ кыщIэуащ.
ИггэлъэпIари щIэпсэуари
IэщIухри – щIиггэмбрыуащ.*

*Зэхуэну ихийр кыхуэмыгъуэту
Бэлыху мащIэ ишэчар?!
И бампIэр фадэм ныхуиIуатэу
Кыдэнэжакъэ – зэфIэктат².*

АдэкIэ усэм кьелуатэ фадафэм гъуэгу пхыдзамкIэ дидзыхын хуей щIэхъуа щхьэусыгъуэхэр – «хуеякыым хьуну хьэкIэпыч», «хьэрычэтыщIи хуофакыым», «зи гупкIэ исым и уэрэдым дежьюофакыым», «зыхуеггэкIуакыым зэманьщIэу зи напэр сомкIэ зыщэжам», «ггэпIаггэм зыхуеггэсакыым». Ауэ, нэхьыщхьэращи, ар «мыбзаджащIэ», «мыдыгъуакIуэ», «мыIужажэ», «мыахьмакъ», и зэран зыми емыкIыу шхапIэм хуэзышэ лъагъуэ закъуэм тетщ. Пэжымрэ захуаггэмрэ и телъхьэ усакIуэр блэпIыкIыфыркыым апхуэдэ мыхьумыщIаггэм икIи кьэралыр зыхуэкIуа псэукIэр зи Iэужьхэм зэлухауэ, нехьэкI-кьэхьэкI хэмылбу мыпхуэдэ псалъэхэмкIэ захуеггэзэ: «... Фэ, кьэрал жытыр зыунэщIахэ, / Фыхуиткыым фщIыну ар ауан. / Фэрац цIыхубэр гугъапIэниэу / Уэрамым дзэутIытихьэжар. / Фэрац кьэралыр зыггэпIаггэуэ / ЩыхупIэ нэзым Iузышар»³, – етх абы. Мыкьюэжьым и усэм дызыщрихьэлIэ фадафэр – кызыщIэзыкъуэ образщ, езы усакIуэми кызырыхиггэщщи, «апхуэдэ дэсщ ди кьалэ кьэскIэ, ди кьуажэ кьэскIи кыдэпшынщ». Нэхь шынагъуэжращи, апхуэдэ щIэпхьаджаггэмкIэ жэуаптакIуэу зы цIыхуи кьэувыфакыым, икIэм-икIэжым, абы кьрикIуаращи: «Нэмысу игъуэ псэ хей минхэр, / КIакъу цIамаычауэ, яукIащ»⁴.

УсакIуэ нэсым и IэдакъэщIэктIэхэм езыр зыхэпсэукI лъэхьэнэм и сурэт наIуэ кьахэщ хабзэщ, ар абы бггэдэлъ зэчийм и зы нэщэнэу, и фIагъуу, кьоув. Мыкьюэжьыми хузэфIэктIащ езым и лъэхьэнэм – «щысхьыншэу хейхэр хэзыутэ», «нэжэсхэм я IупэфIэгъу», «цIыху уасэр мылкъукIэ кьэзылгытэ», «лыд псори дыщэу зылагъу» зэманым – и сурэтгыр и усэ сатырхэм «щиггэжын», абы щыгъуэми, и псэр кьабзэу ихьумэу, «фIыр и плъапIэу кьэнэжын».

ИщхьэкIэ зи гугъу тшIа усэхэм кыщыIэта Iуэхугъуэхэр нэхь куужу, зы кьэралымрэ цIыху щхьэхуэмрэ я щыIэктIэ-псэукIэм емыхьэлIауэ, атIэ гьащIэм и философиуеу кыщыггэлъэгъуащ «Шэрхь гудзэншэу дунеижь абрагъуэр...», «Дунеижь» (1994), «ГьащIэ-мафIэгужь», «ГьащIэ-хьшхуэ, хэт хьэфэ ггэпшакIэ...» (1983), «Къысхубохь гуфIэгъуи...» (1982), «АкыылкIэ сэ...», «ГьащIэм», «Ди зэманьыр зэрыакылыфIэ...» (1990), «Дунеижьым дыщэм зыхуеггэщхь...» усэхэм, нэгъуэщIэхэми.

«Дунеижь» зыфIища усэм кыхош Мыкьюэжьым гьащIэм хуиIэ гужьггэжыыр, мыарэзыныггэр. Абы псэктIэ кьищтэркыым «щхьэзыфIэфIыр зи жьантIэдэс», «цIыхуггэ нэсыр зи бжэкьуаггэуэ», «акылыфIаггэр зыфIэделаггэ», «нэмукIытаггэр зи жьэгъу шыпэкIу», «бохьшэ домбейхэм кьадеуджэктI», «шатащхьэ IувкIэ шыкIар зыггашхэ», «здэармырамкIэ еджэрэзэктIыурэ гурыгъ мелуанхэр изыггэжа» дунеижьыр. Абы кыхьэкIи, нэгъуэщI усэм – «Шэрхь гудзэншэу дунеижь абрагъуэр...» жыхуиIэм – и кIэхуым деж усакIуэм езы дунейр зи IэмыщIэ ильым лъэлукIэ зыхуеггэзэ:

*Ди ирхээцигум дыгээр кызылыгъэу,
Зи ЛэмыркIэ илIыр кьекIэрэхуэки,
Пэлэцауэ е-бзаджейм цIыхугъэр
ШIы хурейр зэгурьм нэху кьегъэкI.*

Мыкьюэжыым и IэдакьэщIэки зыбжанэм кыхоощ шIыр, гьащIэр, дунейр «здэармырамкIэ» еджэрээкIыу, абы сыт шыгъуи хабзэ пхэнж куэд кыдектIуэкIыу: «ГьащIэ-мафIэгужьым гужьу дызредзэ, / ГьащIэ-мафIэгужьым гуцIэр зэрегъэшх, / ТфIэфI-тфIэмыфI жыхуэпIэр цайуэ къримыдзэу, / ШхьэрутIыпцу макIуэ, **пхэнжурэ егъэи**»⁶; «Шэрхь гудзэнишэу дунеижь абрагъуэр / Зи Лэмырым кыдектIэрэхуэки, / **Хабзэ пхэнжэу** мы ди гьащIэр мыгъуэ / КьытыцызыщIхэр цIыым цытхуэхуэки»⁷; «**И хабзэ пхэнжэу** мы гьащIэм / Уи нэ дахитIыр дэп-лэыт...»⁸; «Дунеижьу фIыр зыхудитIалъэр / **МэкIэрахуэ пхэнжэу** – кьэпльэ-нэфцI...»⁹. УсакIуэр апхуэдэ гупсысэхэм хуэкIуэныр нэхьыбэу кызыхэкIыр ихурейгъкIэ и нэгү шыщIэки жылагъуэ зэхуэмыдэныгъэрщ – «изрэ ныкьюэрэ зэрызэрымыщIэрщ» е «щхьэ кьуйым и лажьэр щхьэ псом зэримыщIэрщ». «ГьащIэ-мафIэгужь» зыфIища усэми Мыкьюэжыым кышигъэлыгъуаш дунейм, цIыхубэм къадектIуэкI хабзэ мыхьумыщIэхэр, псори зэуэ кызэщIэкъуарэ мафIэгум и образым ешэлIэжауэ. УсакIуэм гьащIэм, цIыхум и шыIэныгъэ-псэуныгъэм ехьэлIауэ кыIуатэ гупсысэхэр нэхьри щIэгъэхуэбжъа, гум ежалIэ, гукьинэж мэхьу кьэгъэп-сэуныгъэ Iэмалыр кыгъэсэбэпу гьащIэ-мафIэгум зыщыхуигъазэкIэ:

*ГьащIэ-мафIэгужьу хейхэм я цIыунэ,
Удэфа-сэхуахэм я дуней жэнэт,
Ди зэхуэдэ унэу, уей, емьнэ унэ,
Ди унэки хьунум и жэуап кьыдэт!*¹⁰

Кьэтхьа едзыгъуэми, езы усэр зэрыщыту къапщтэми, укышеджэ кьудейкIэ абы и гьэпсыкIэ телъыджэр, и ритмикэ шэщIар макъамэу тхьэкIумэм кьолуэ. Сатырхэр макъ зэщIэжыуэхэмкIэ кьулейщ, абыхэм IуэрыIуатэм и рифмэмрэ кIэух рифмэ зэблэдзамрэ IэкиуэлякIуэу цызэхуэунащ. Едзыгъуэм и ещанэ сатырым деж «унэ» псалъэм омониму кызыэрытригъэзэжым усэм щIэль гупсысэр ешэщI, егъэшэрыуэ, ар тхыльеджэм нэхь зыхищIэн-зэхищIыкIынымкIэ кьалэн пыухыкIа егъэзащIэ «уей» жыхуиIэ междометиэми.

ГьащIэ-мафIэгум и образым КIыщокъуэ Алим и усыгъэми ущрохьэлIэ, ауэ усакIуитIым я тхыгъэхэм щIалъхьа гупсысэр зэтэхуэркъым. Туми гьащIэр мафIэгум ирагъапщэ, абы и образымкIэ дунейм и зэхэлыкIэр кьагъэлыгъуэ, арщхьэкIэ КIыщокъуэм гьащIэ-мафIэгум ису кIуэ цIыхухэм я хьэл-щэнкIэ зэрызэхуэмыдэр ди нэгү кыщIигъэувэмэ, Мыкьюэжыым зи гугъу ищIыр «гьащIэ-мафIэгужьым» цызекIуэ хабзэ мыхьумыщIэхэрщ. УсакIуэм кызыэрилыгъэмкIэ, абы «ер шыжъантIэрыкIуэщ», «щиIутIыжщ нэфI-нейм», «щогурым тхьэмыщкIэр», «зыщатIыжыр бейм», «Iэщэ цызэрахьэ», «Iушыр цызэрахуэ», «напэ цызэIуащэ», «псэр цызэхаутэ», «мылькум елытауэ шащIыр зэхэгъэж», уитIысхьэн хуей хьуами, «уигу зрегъэбгъэж». Мыкьюэжыым и IэдакьэщIэкIэхэм куэдрэ уащрохьэлIэ цIыхухэр мылькурэ кьулыкьукIэ зэрызэхуэмыдэм кьишэ мыхьумыщIагъэхэм. Абы шыгъуэми, усакIуэм фIы дыдэу кыгуролуэ «дыгъэмыхуэр зи натIэ» ныкьюэмрэ «дыгъафIэр Тхьэ ЛэмыркIэ зыIэрыхьа» изымрэ щIызэрымыщIэр – «тетхэщи аращ дуней зырыз». Ар кьэзыгъэуIэбжыыр нэгъуэщIц:

*ЗэрызгъэщIэгъуэнур кьысхуэмыщIэ:
Ныкьюэм ныкьюэр сыт цIызыхимыщIэр?*¹¹

Зы усакIуи шыIэу кыщIэкIынукуым Мыкьюэжэ А. хуэдэу куууэ, кызыэщIэкъуауэ икIи плыфэбэу гьащIэм хуэусэфу. Ауэ, ищхьэкIи налуэ зэрыщыхуаши, ар нэхьыбэрэ езы дунеймкIи, абы цызекIуэ хабзэхэмкIи, зыхэпсэуки зманымкIи арэзыкьым: «Iужьэуэ пхузилэнищ / СыпсэхунокIэ, / Апхуэдэу, гьащIэ, /

Сыт кыщыцызэтицар: / Си гугъэр нIэту / Уафэм нэсыхункIэ, / Стемыту дамэ / Щхьэ сыкьэбгъэщIа?!»¹². УсакIуэм и еплъыкIэмкIэ, гъашIэр зи лъашIэм унэмысыф, зи щэхухэр кыпхуэмыгIэщI пцIыльгэщ, напIэдэхьейгъуэм блэлыгэтрэ зи лъэужьри кыпхуэмыубыдыж гъуэбжгъуэщц. Ар мыпсэхуу цIыхум и щыIэныггэ-псэуныггэм и мыхьэнэм лыхьуэ зэпытц, кыщыхуэмыгъуэткIи, и гугъэр хыхьжауэ желэ: «... Уи щэхухэм я щIэм / Сынэсыфкьым, гъащIэ, / Сэ содыхьэшхыр / Сымыгъыным папцIэ»¹⁴. И зэманым кыщыцхьу мыхьумыщIагъэхэр и нэгү щэкIыхукIэ усакIуэм нэхьри хьэкъ шохьу дунейр зэрынэпцIыр, абы фIыгъуэ ущыпэплъэнри зэрыщхьэгъэпцIэжыр. ИтIани цIыхупсэм сыт щыгъуи зы фIагъ кыдокIуэкI – гугъэн-хьуэпсэныр. Апхуэдэ гупсысэхэр лъабжьэ хуэхьуаш «ГъащIэм» жыхуиIэ усэм:

*ДымыщIэу псэху
ДыщIэбгъэтхьэджэр
Акьылым ещIэ –
НэкъыфIэщIц...
ИтIани гүм
Хьуэпсэн щIимычэ,
Тельыджэ щыIэу
Мэхьу и фIэщI¹⁴.*

Псыр ипщэкIэ зэрыдэмыжейр, кьэкIыгъэр зэремыкIыхьр, щIы хьурейр цIыхур здыхуей лъэныкьуэмкIэ зэремыджэрэзэкIыр, гуфIэгъуэмрэ гуауэмрэ зэрызэлъэпагъыр, емрэ фIымрэ я зэпэщIэтыныггэ мыухьыжыр дунейр кызыриу-хуэрэ абы щызекIуэ хабзэ ткIийхэм ящыщц. Ахэр усакIуэми фIыуэ кыгыроIуэ, ауэ «узыхьыну псым зыдегъэзых, сыт хуэдизрэ ухуэмыхьущIэми, гъащIэр зэрыщымыт пхуэщIынукьым» кыжезыIэхэм жэуапу яретыж: «ХущIэкъуат сищIыну ещхь езым, / Ауэ сэ дунейр кыиспэлъэщакьым. / СхуэмыщIами ар зэрыщымыт, / Сызэрыщымыти зезгъэщIакьым»¹⁵. Дунейм и зэхэлъыкIэми, цIыхум и щыIэкIэ-псэукIэми, ихьурегькIэ и нэгү щыщIэкI кэхьуггэ псоми куууэ хэплъа усакIуэр, икIэм-икIэжым, кызыхуэкIуэр гъащIэр зэрыщыгтым хуэдэу лъагъунырщ, ифIри и Iейри кьэщтэнырщ. «АфIэкIа кыискьухьынкьым мы гъащIэр...» усэм Мыкьуэжьым кыыхеггэщ гъащIэм хуэхьущIэн-хуэшхьыдэныр нэхь кIащхьэ ищIын мурад зэриIэр, итIани усакIуэр дунейм кыщекIуэкI псомкIи арэзы хьуауэ пхужыIэнукьым:

*АфIэкIа кыискьухьынкьым мы гъащIэр:
ЩыдимыIэкIэ дызыхэдэн,
И фIыр и фIу, и Iейри и Iейуэ,
Зэрыщытым хуэдабзэу кьэщтэниц.*

*ЗгъэлъэпIэниц зэрыслъэкIкIэ и екIухэр,
И емькIухэм и гугъу сымыщIын.
КыызгурьIуауэ згъэлунци и купцIэр,
КупцIэ лъэпкь зэрымьIэр збыщIыниц¹⁶.*

Мыкьуэжьыр «усакIуэ нэхьхей» цIэр зытелукIахэм ящыщц. Ауэ абы кыикIыркьым Анатола и усыггэр тхьэусыхафэ е гыбзэ зэфэзэцу зэхэлъу. Абы кыикIраши, усакIуэр куууэ, набдзэгубдзаплъэу гъащIэм хоплэф, абы и хужьыр хужьу, и фIыщIэр фIыщIэу – зэрыщыт дьдэм хуэдэу елъагъу. Зы лъэныкьуэкIэ уеплэмэ, нэггуджэ щхьуэкIэплъыкIэкIэ дунейм хэплъэну хуейхэм Мыкьуэжьым и усыггэр кьагурымылуэнри хэлъщ, ауэ, нэггуэщI лъэныкьуэкIэ, абы ггуджэу кыытощ пэжыггэр, зауаггэр, усакIуэм и гущIэлъапсэм щызэпцIу усэ сатырхэмкIэ кыпкьыркI гуащIаггэр, псэ кьабзаггэр, хьэлэлыггэр – дунейр мыкьутэжу зэтэзыIыггэ хьугъуэфIыгъуэхэр. «УсакIуэ нэхьхейхэм» зэрыхалыггэм ехьэллауи Мыкьуэжьым етх:

*«ШЦым темытыжми гуфIэггүэ
Ярейүэ цхьэ унэцхьей?» –
Къеджа цужькIэ си тхыггэм,
Ныбжьэггүэхэм кыызжаIэрейщ.
<...>*

*ГуфIэггүэщ, сэ фIыуэ соцIэ,
КъыцIиггэщIар мы дунейр...
СыгуфIэггүэну сыхуейщи,
Арац сэ сыцIэнэцхьейр¹⁷.*

Мыкьюэжь А. и усэ куэдым фIым кыхуеджэн, фIытeлyэ, тхьэлъyу мыхьэ-нэ ящIэлъщ, цIыхубэм и гьащIэр ефIэкIуэн, щIэблэм кьэкIуэну дахэ яIэн, лъэпкыым зиузэщIын гуггьэхэмкIэ псыхьащ. «Хьуапсэ и псэ кIуэдыркыым» зэрыжаIэу, усакIуэми и гуггэ хихьжыркыым дунейр зэIубз хьуным, абы цIыхуггэр, гуапаггэр, гумашIаггэр, пэжыггэр щытепщэу и нэгү щIэкIыным. Арац ар «гуфIэггүэм теухуауэ», «захауггэр шиггэлъапIэу», едаIуэм гуфIэ нэпс кыфIыщIиггэжIыу уэрэд зэхилъхьэну щIыщIэхьуэпсыр: «Узэджэр кьокIуэ» – *жилэггэащ псалъэ-жымы, / ГуфIэггүэм хуэзггэпсыни сэ зы уэрэд*¹⁸. УсакIуэр езы ажал дьдэми, гуггэр и Iэщэу, пэщIэтыфщ: «Ажал, / Уэ сэркIэ уцыIэжкыым – / Си гуггэхэмкIэ / УзукIащ»¹⁹.

ИщхьэкIи кызырэыхэдггэащы, дэтхэнэ усакIуэ нэсми хуэдэу, Мыкьюэжь А. дунейм и щытыкIэми, ихьуреггькIэ кыщекIуэкI кьэхьукьащIэхэми, зыхэпсэукI зэманми хуэнабдзэгубдзаплъэщ. А псоми кьадэкIуэу, абы псэкIэ зреггэзахауэ, зепелыт цIыхухэм щэхуу е нахуэу яхэлъ хьэл-щэнхэр, я гущIэм и кууагг-чэн-жаггыр. Абы щыггүэми, усакIуэм нэхьыбэрэ кыхеггэщхьэхукI хьэлым я нэхь мыггүэу цIыхухэм ядилъаггүхэр – пцIыупсыныр, Iужажэныр, фыггүээн-ижэныр, фэрыщIыныр, нэггүэщIхэри. Мыкьюэжьым и усэ куэдым лъабжэ яхуэхьуащ Iужажэхэмрэ цIыху пцIыIуэпцIышэхэмрэ зэрахьэ щIэпхьаджаггэхэр. УсакIуэм кызырэыхиггэщымкIэ, а Iуэхуггүэхэм «дунейм и ныбжьыр я ныбжьыщ», ахэр сыт щыггүи гьащIэм кьыдокIуэкI. ЦIыхум и пцIэр бггэдэлъ мылькумкIэ кыщалытгэ иджырей зэманым «жып щэхукIэ кьрахьэкIыу», «щыкIахэр зэкIэрызышхэу» абыхэм я шхахуэм хейхэр хэзыггэшхькI Iульхьэр щытепщэщ. Ар зезыхьэхэм яфIокIыжри, усакIуэм гьэщIэггүэну езы Iульхьэм зыхуеггэзэ: «Жэнэтым хейхэр допицIыхь – / Щытыншыжыни сэ бэмIар... / Ахьрэтми уцызэрэхьэу / КъыцIэкIэмэ, дьунэхьупащ»²⁰.

Гуапаггэр, гумашIаггэр, гулгытэр гьадэщIыдэм кыхэзынэу, мылькур, пцIыр, фэрыщIаггыр тепщэ шыхьуа зэманым усакIуэр псэкIэ гуггүэ шохь: «Дэтлъаггүэмэ цIыхум гумащIаггэ, / ДггэщIаггүэу сыт дыкьыцIэнар?!»²¹, – щIоупщIэ ар. ЦIыхум и нэм дахаггэ имыльаггужу, дунейм и телъыджаггым хуэггунэфу, гьащIэр зэрыхьзэрийуэ кызырэынари усакIуэм еггэщIаггүэ: «Бггэдэлъци МыкIуэщIыж дахаггэ, / Мы дунейшхуэр / СоггэщIаггүэ. / А псори цIыху / ЗымыггэщIаггүэ / ШЦым зэрытетыр / СоггэщIаггүэ»²², – етх абы.

Мыкьюэжь АнатоIэ и усыггэм и кыщхьэщыкIыныггэ нэхьыщхьэхэм ящыщщ зы усэми кIуэцIкIэ мыхьэнэ зэпэщIуэ кызырэыкI гурыIуэныггэхэр щызэхьэлIэныр, щызэггэпщэныр. Апхуэдэ гурыIуэныггэхэр тIурытIурэ зэдзылIауэ усэхэм кыщокIуэ: *гуфIэггүэ – гуауэ* («Сыхуейт сэ зэхэслъхьэну Iэджэ щIауэ...»), «ШЦым гуфIэггүэм...», «ЗыпщиггэнщIкыым цIыхупсэм...», «Пщэдджыжыпэм дыггэр кыкьуэжIамэ...», «ГуфIэггүэ защIэу уэрэд...»), *гьащIэ – ажал* («АкьылкIэ сэ...», «Ажалым»), «Арац и хабзэр дунейжымы...», «– Удз гьэггэхэр...», «Аушыджэр джабэм кIэрыт кхьэжымы...»), *пэж – пцIы* («Зейншэу Пэжыр кьыдэнащ уэрамым...»), *зауэ – мамырггэ* («Дунейшхуэ...», «Хуейщ дыггэр бзийкIэ гуэшэну...»), «Макьхэр», «Iуггүэ», «Сыхьэт закьуи и IитIыр мыпсэхуу...»), *зэман акьылыфIэ – зэман акьылынишэ* («Ди зэманыр зэрыакьылыфIэ...»), *цIыху – хьэкIэкхьуэкIэ* («Сэ солъаггур фIыуэ хьэкIэкхьуэкIэр...»). Иужьрей гурыIуэныггэхэр щызэпэщIэггүэуа

усэм философии гупсысэ куу щІэлъщ. УсакІуэм щІаггыбзэ гъэщІэгъуэнкІэ кьеуатэ хьэкІэххьуэкІэ хьэл зыхэлъ цыху зэрыщыІэр, апхуэдэр зэрымылгагъугъуафІэр: «Сэ солгагъур фІыуэ хьэкІэххьуэкІэр, / Цыху сурэтым ар щимытым дей!»²³.

Мыкбужэ Анатолэ зи дуней кызыгъэщІыжа, зи хьэтІрэ зыми емышхь макърэ зиІэж усакІуэщ. Аращ абы и усэхэм ярыхэзым щІитхри: «...А си дунейр емышхь адрейхэм... / Усыггэ щыгухэм ящыц зым / Си нып, тедзауэ си дамыггэ, / ЩыхэтІэжакъэ сэ езым»²⁴.

И усэхэм ярыхэзым зэрыщитхщи, Мыкбужэ Анатолэ «Дахагърэ зи Тхьэу, Пэжыр зи КъурІэн» усакІуэщ. Ар зэрыпсэум хуэдэу мэусэ, зэрыусэм хуэдэу мэпсэу. Шэч хэлъкъым а усакІуэ гумызагърэ икІи гупщІанэр и ІэдакъэщІэкІ купщІафІэ куэдхэмкІэ дяпэкІи лъэпкъ тхылъеджэм зэрыхуэупсэнум.

Егуэлапхьэхэр

1. *Мыкбужэ А.Хь.* Лъэхьэнэ. Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 2006. Н. 11.
2. Ар дьдэм. Н. 15–16.
3. Ар дьдэм. Н. 16–17.
4. Ар дьдэм. Н. 17.
5. Ар дьдэм. Н. 21.
6. Ар дьдэм. Н. 24.
7. Ар дьдэм. Н. 20.
8. Ар дьдэм. Н. 147.
9. Ар дьдэм. Н. 57.
10. Ар дьдэм. Н. 25.
11. Ар дьдэм. Н. 29.
12. Ар дьдэм. Н. 63.
13. Ар дьдэм. Н. 46.
14. Ар дьдэм. Н. 49.
15. *Мыкбужэ А.Хь.* Макъамэ лъагэм и дуней телъыджэм зыщызвггэІэжы – тІэкІу зызвггэгъэпсэху. Усэхэр // Адыгэ псалъэ, 2014, дьггэгъазэм и 3-м. Н. 3.
16. СиІэщ адэжъ Хэку, сиІэщ анэжъ жьэгъу. УсакІуэ цІэрыІуэр, журналистыр илгъэс 55-рэ ирокъу // Адыгэ псалъэ, 2011, бадзэуэгъуэм и 5-м. Н. 3.
17. *Мыкбужэ А.Хь.* Лъэхьэнэ... Н. 64–65.
18. Ар дьдэм. Н. 12.
19. Ар дьдэм. Н. 48.
20. Ар дьдэм. Н. 19.
21. Ар дьдэм. Н. 14.
22. Ар дьдэм. Н. 71–72.
23. Ар дьдэм. Н. 131.
24. *Мыкбужэ А.Хь.* Макъамэ лъагэм и дуней телъыджэм зыщызвггэІэжы – тІэкІу зызвггэгъэпсэху... Н. 3.

Л.Б. Хавжокова

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АНАТОЛИЯ МУКОЖЕВА

Статья посвящена гражданской лирике одного из современных кабардинских поэтов Анатолия Мукожева. Автором статьи акцентируется духовная связь лирического героя с внешним миром, социальными явлениями. На основе художественного анализа гражданской поэзии поэта выявляется «бунтарский дух» его поэзии, противостояние с существующим укладом жизни. В статье также выявляется творческая индивидуальность А. Мукожева, образная система его поэзии.

Ключевые слова: социальные мотивы, перестройка, поэтика, эстетика, современность, политика, мотив протеста.

L.B. Havzhokova

**REFLECTION OF SOCIAL AND POLITICAL MOTIVES
IN ANATOLY MUKOZHEV'S POETRY**

The article is devoted to the civil lyrics of one of the contemporary Kabardinian poets Anatoly Mukozhev. The author of the article emphasizes the spiritual connection lyrical with the outside world, social phenomena. On the basis of the poet's artistic analysis of civil position detected «rebellious spirit» of his poetry, the confrontation with the existing way of life. The article also reveals the creative personality of A. Mukozhev, shaped his poetry system.

Keywords: social motives, alteration, poetics, aesthetics, modernity, politics, protest motive.

УДК 395(=352.3)

Хвэггэжэй Л.С.

КЫШЦОКЪУЭ АЛИМ И ЛЬАГЪУНЫГЪЭ ЛИРИКЭМ ИГЭ ЦХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Статьяры зытеууар Кышцокъуэ Алим и льягъуныгъэ усэхэрщ. Авторым нэхьыбэу зытригъашлэр усаклуэм и тхыгъэхэм шилъхъа лъэпкъ зэхэщыкырыщ. Апхуэдэуи статьям гулътэ щыхуэщлэщ усэхэм я ухуэклэ-гъэпсыклэм.

Зрыгуэзэн псалъэхэр: лирикэ, поэтикэ, адыгагъэ, фольклор, художественнэ обрз.

Кышцокъуэ Алим и творческэ гуэгуанэм уриплъа нэужь блэкла Гуэхугъуэхэри иджырей къэхьукъашлэхэри зэхэшыпсыхьыжауэ и тхыгъэм зэрыхэтыр хьболъагъуэ. Ар тетхыхьыжкыым и нэклэ имыльэгъуа, игурэ и псэклэ зыхимыщла, зымыгъэгупсыса Гуэхугъуэ. Кышцокъуэм и усэхэм жыжбэу цылэр уэзыгъэлягъу нэрыплъэм урагъаплъэ, уи пщэдейм, къэклэунум урагъэгупсыс. Алим хуэдэ цыхуш зыхуэгъэзар Налэ Заур жила псалъэхэр: «Усаклуэм и гур антеннэу шылъэм теухуаш, ар шлэгузавэ зэпытщ, цыху гъашлэм и пщэдейм цхъэклэ». Кышцокъуэми и гур шылъэм антеннэу теухуауэ псэуаш. Араш лъэпкъ лирикэм нэсу зезыгъэшэщлар. Зауэ нэужь зэманым цыхум кылъыхуэр насыпт, гур зыщыгуфлыкын, лэпл зыщлыжын гуэрт. Иджы абы и гур зэлухат льягъуныгъэм и цэхур илуэтэн хьэзыру. Апхуэдэу усаклуэ шлалэм и гум кышыгуша гурыщлэ дахэрауэ кышлэклынщ мыпхуэдэ усэ сатырхэр къэзыгъэщлар:

Льягъуныгъэр мазэм хуэдэщ,
Кышыкыуэжыр хэт ищлэн.
Льягъуныгъэр гъатхэ дыгъэщ,
Кыптемыпсэм упыщлэнщ.

(«Льягъуныгъэр мазэм хуэдэщ...»)

Мы усэ сатырхэм усаклуэм зэгъэпщэныгъэр лэзэу кыщегъэсэбэп, пщашэ дахэ гуэрэм и сурэт ищл хуэдэ, льягъуныгъэм и образ щабэр кызэригъэнэщурэ. Икли абы папщлэ усэ ухуэклэм ирет хорей лэмалым и пычыгъуийрэ пычыгъуиблу зэбгъурыувэ сатырхэр. Рифмэ зэгъэпщар а ухуэклэм кыхохьэжри, строфар шлым кытелэткылауэ уафэм щыхуарзэу кыпщегъэхуэ, акъужь щабэу гум хохьэри, уигъэгущуэу кыхонэ.

Адэклэ «Льягъуныгъэ» усэми Кышцокъуэм кышыпешэ:

Льягъуныгъэр гъашлэ уасэщ,
Льягъуныгъэм псэр дехьэх.
Кыпщлэуамэ зыдэгъазэ,
Псы кыуауэ урехьэх.

(«Льягъуныгъэ»)

Гъэщлэгъуэныраши, а лэмал дыдэраш усаклуэм мы усэми кышцигъэсэбэпыр, ауэ ар тхылъеджэм и дежклэ гулътэншэу къонэ, сатырхэм кылуатэ мыхьэнэр гулътэ зыхуэщлын хуейхэм я нэхьышхьэу хуебыдыкыри, абы нэхь дехьэхри.

Кышцокъуэ Алим и усэщлэхэр зылягъу адыгэ усаклуэ ныбжыщлэхэр тегушхуэри, я квалэмыпэм мыпхуэдэ усэ гуэзэдэжэ куэд а зэманым кышлэклэщ. Алим хуэщлэклэщ ди цыхухэм захригъэшлэн хэкум, кыбдалъхуахэм, уи адэ-анэм хуэгъэза льягъуныгъэм имызакъуэу, цыхухуэдрэ цыхубзымрэ яку кыдэхьэу

гурыщІэ дахэр, ауэ къэлуэтэгъуейр, усыгъэм и «лъагъуныгъэ пщІантІэм» дэбгы-
хъэ хъуну зэрыщытыр, уеблэмэ къэуша гухэлъыр уи гум йомыкьузэу абы гъуэгу
хуит епт зэрыхъунур.

Кыщокъуэм апхуэдэ усэ купщІафІэ куэд иІэщ. Абыхэм ящыщ дэтхэнэми
ауэ сытми лъагъуныгъэр зищІысыр къауатэ къудейкъым, атІэ философскэ гуп-
сысэ куу япкърылъщ. Зи гугъу тщІы усэхэм Алим псэ яхельхъэ, адреи и усэхэм
къащхъэщызыгъэкІ гъэпсыкІэ ярет, ящІэль гупсысэхэр тафэм къытримыль-
хъэу, псалъэ къэс езым и гурылуэгъуэ щхъэхуэ ярегъэгъуэт усэ сатырхэм куууэ
щыгъэпщІауэ. Абы и щыхъэтщ Кыщокъуэм и усэхэм я фІэщыгъэцІэхэр. Апхуэ-
дэщ, псалъэм папщІэ, «Дыгъэр мазэм игъусамэ...» усэр. Мыбдежым усакІуэм зи
гугъу щичІ дыгъэмрэ мазэмрэ зэхъэллар зи насып зы зымыщІыф, дыгъэмрэ ма-
зэмрэ хуэдэу зэрымыхъэлІэ щІалэмрэ хъыджэбзымрэщ. Зэгъэпщэныгъэ Іэмалыр
тельыджэу къэзыгъэсэбэпыф усакІуэщ ар зыхуэфашэр.

Лъагъуныгъэ. Лъабжьэшхуэ зиІэ, къуэпс куэд къызыкьуэж псалъэщ ар.
Аращ гъащІэр гъащІэ зыщІыжыр, дунеишхуэр зыгъэдунеижыр. Ауэ сыт хуэдиз
усакІуэ абы темытхыхъами, Кыщокъуэ-лирикым хуэдэу ар къызэхъула адреи
ди усакІуэхэм къахэгъуэтэгъуейщ. Лъагъуныгъэр и Хэкум, и ІэщІагъэм, и анэм
хуэгъэзами, цІыхубзым хуищІа лъагъуныгъэрауи щрырет – Алим ар зэхуэдэу
хэлэтыкІауэ, образ зэмыфэгъухэмкІэ узэдауэ къыгъэлъэгъуэну хузэфІокІ. Зи гугъу
тщІы усэхэм Кыщокъуэм и щэхур къауатэу, и гум къипсэлъыкІыу зэрыщытым
удехъэх, уи псэм лъэужь хуабэ гуэр къранэ, уеблэмэ, уэ езым уи гум щыбгъафІэ
гухэль дыдэхэр къауатэу, ар къраджыкІыу къыпфІошІ:

Зэгур пщыхъэпІэу услъэгъуащи,
Жэщ къэскІэ жыуэ согъуэльыж,
Арщхъэ гупсысэм сыхэбдзащи,
Си щхъэнтэр гъуру къысфІошІыж.

(«Зэгур пщыхъэпІэу услъэгъуащи...»)

Мыбдеж иужьрей сатырэм когнитивнэ метафорэ хилъхъащ, усакІуэм и гукъе-
уэр наІуэ ирищІын папщІэ. Ар усыгъэм и Іэмал нэхъыщхъэхэм щыщ зыщи,
Кыщокъуэм зыубгъуауэ икІи Іэрыхуэу и тхыгъэхэм къыщегъэсэбэп. ИкІи
а зы Іэмалым и закъуэкъым Алим и усэхэр лъагъу зыІэтыр. Абы и щыхъэтщ
къыкІэлъыкІуэ шапхъэри.

Жьэгур ужьыхмэ гъунэгъур,
МафІэхъэ ежьэрт пщэдджыжьым.
Сэ сыпэрысщи жьэгур мафІэм,
СымыгъэункІыфІыу зеужьыр.

Дэным тель хъуаскІэр полъэльыр,
Іугъуэр джэрэзу докІуей.
БлэкІахэр си гум къагъэкІыу,
МафІэ бзий плъыжьыр долъей.

(«Жьэгур ужьыхмэ гъунэгъур...»)

Гу лъумытэу къанэркъым мы усэри, Кыщокъуэм зэрихабзэу, гъуээздэжэу зэгъэ-
пщэныгъэ Іэмалыр къыгъэсэбэпу тха зэрыхуам. Мыбдеж лъагъуныгъэр мафІэм
ирилъыт зэпытщ усакІуэм. Абы наІуэ тщещІ Кыщокъуэм и гурыгъу-гурыщІэхэр
утІыпщауэ, хуиту къымылуатэу, жиІэну зыхуея гуэрхэр къызэригъанэр. Ар ди
усакІуэ псоми я зэхуэдэ щытыкІэщ, уеблэмэ я творчествэр зы зыщІыж Іуэхугъуэщ.
Ар къызыхэкІыр усакІуэр зыІа лъэпкъым и нэщэнэ нэхъыщхъэу зэрыщытырщ –
гум щыщІэр тафэм къытумылъхъэу наІуэ щІыныр. НэгъуэщІу жыпІэмэ, хъуэрыб-
зэр къэзыгъэщІа лъэпкъым и Іэужь дахэщ ар. Адыгэ усакІуэхэм я лъагъуныгъэ
усэхэр нэгъуэщІхэм яйм къащхъэщызыгъэкІхэм, щІэщыгъуэ зыщІхэм ящыщ зыщ
ари. ГъэщІэгъуэнкъэ-тІэ, цІыхум и гущІэр зыкьуз бампІэм, псэхугъуэ къэзымыт

гүхэлъым «тхъэусыхафэ» кыхимыщІыкІыгу КЫШОКЪУЭМ И УСЭМ КЫЗЭРЫШЦИГЪЭ-
ЛЪЭГЪУЭФЫР:

Мазэм дыгъэр лъэщІэмыхъэ,
ЛъэщІэмыхъэ,
Зыр щыкъухъэм зыр кыкъуокІ
Уэрэ сэрэ дэщхьыркъабзэу,
Дэщхьыркъабзэу,
Зэхуэмызэу нэхуи кьокІ.

(«Дыгъэр мазэм игъусамэ...»)

Зи гугъу тшы Іуэхугъуэр ІупщІу холъагъуэ мы сатырхэм. КъищынэмыщІауэ,
усакІуэм кыигъэсэбэп художественнэ Іэмалыр апхуэдизкІэ дахэщ, лъэпкъ усэ
гъэпсыкІэм и хабзэхэм кьотІасэхэри, псэкІэ зыхуымыщІэн плъэкІыркъым. Апхуэ-
дэхэрщ гумм кынэжри.

КЫШОКЪУЭМ И УСЭХЭР НЭХЪ ГУРЫХЪ ЗЭРИЩІ ЗЫ ІЭМАЛЩ И ТХЫГЪЭМ КЫШЫГЪЭЛЪЭ-
ГЪУА ЦЫХУБЗ ЦЫКІУР АБЫ КЫХОМЫЦЫХУКІУ, УЕБЛЭМЭ ЗЭМИ АР ЦЫХУ ЕХЪЭЛІАУЭ
щыту кыпхуэмыщІэу, ар лъагэу щылыгъэм триІэтыкІыу, хуабжыу игъэлапІэу зэ-
рыщытыр. Ар усакІуэм лъагъуныгъэм и сурэт уардэр зэрищІ Іэмэпсымэщ.

Уи насыпыр езым кьэбзэужыфын, псэм и лъэлур бгъээщІэжыфыным, езы
усакІуэми зэрыжилаши, лъагъуныгъэ мафІэм зэран хуэхъун жьы кыкъуэуэм,
жьэгү мафІэр умыгъэункІыфІу пхъумэжыфын зэрыхуейм КЫШОКЪУЭМ ДЫКЪЫХУ-
РИДЖЭ ЗЭПЫТШ:

Бжыыхъэр кьоблагъэ аргуэру
Пшэ фыцІэм кьуршыр щіахъумэ.
Жьыр кыкъуэухукІэ жьэгү мафІэр
СымыгъэункІыфІу сохъумэ.

Си нэгум щІэту слъагъу дахэм
Я дей, слъэкламэ, сыкІуэнт.
Ар кыпэрызнэм, си мафІэр
МыункІыфІыххэу кьэнэнт.

(«Жьэгүр ужьыхмэ гъунэгүр...»)

КЫШОКЪУЭМ И ЛЬАГЪУНЫГЪЭ УСЭМ И ГУГЪУ ШЫПЩІКІЭ, КЪЭГЪЭЛЪЭГЪУЭН ХУЕЙЩ АР
псом япэу философскэ гупсысэ кызыпкьыркІ тхыгъэу зэрыщытыр. Уеблэмэ гуп-
сысэ куу зыщІэлъ усэр, гу лъумытэу, лъагъуныгъэ усэм «хэхуэна» мэхъу, а гупсы-
сэхэр зыр адрейм кыыхэжыкІрэ кыкІэлъыкІуэм хэткІухъыжу апхуэдэщ. Ар зэры-
пэжым и шапхъэу кьэдгъэлъэгъуэну дыхуейт «Си дыгъэ» усэр. А тхыгъэр ІыхытІу
зэхэту жыпІэ хъунуш. Япэ Іыхъэм усакІуэм щеухуэ дыгъэм и образыр, абы цыхум
хуилэ шытыкІэр кьэзыгъэлагъуэ гупсысэр хельхъэ усэм и япэ сатырийм:

Дыщэ пащІэр пшэм щІигъакъуэу
Бгы къуапэшхуэм ящхъэщохъэ,
Ич лъэбакъуэм ар хуэсакъыу,
Кьуршыжъ щыбым дыгъэр къуохъэ.

Тлъагъужынкъым дыгъэр, жиІэу
Хэт гузавэр мы дунейм?
Дэрщ а нурыр дыгъэм щІиІэр –
Щынщ аргуэру нэху пщэдей.

Зэрытлъагъуши, и дыщэ пащІэр пшэм зэрыщІигъакъуэмкІэ, хуэсакъыу-
рэ зэрыбакъуэмкІэ, усакІуэм еухуэ дыгъэм и образ лъэщыр, ар ІупщІу ди нэгү
кышщІегъыхъэ. Ауэ абыкІэ усэр зэфІигъэкІыркъым – етІуанэ строфам хельхъэ
и гупсысэ нэхыщхьэр апхуэдизу фІуэу тлъагъуу, кьухъэж дыгъэр тлъагъужын-
къым жиІэу, гузавэ цыху зэрыщымыІэр икІи етІуанэ Іыхъэм а гупсысэм шыпешэ,
усэ псом и купщІэр наІуэ къищІу:

ФЫуэ слъагъур зэ уклуэдми,
Уэ аргуэру къэбгъэзэнщ.
Узмылъагъуу дэкыр куэдми,
Сэ аргуэру сыпхуэзэнщ.

Уэ сэр пащцэ угубжьами,
Си псэр гуклэ кыболъыхъур,
Мис аракъэ, уэ уежьами,
Ныкъуэ си гур зэи щэмыхъур.

(«Си дыгъэ»)

Усаклуэм фЫуэ илъагъу пщашэр хуегъадэ дыгъэм, ауэ ар образ кІэщІхэмкІэ кыгъэлъагъуэу, занщІэу кыиуатэу зэфІигъэкыркъым, атІэ усэм и зэгъэпщэныгъэ нэхъыщхъэр еузэд дуней псом и ухуэкІэм тешІыхъа философии гупсысэкІэ икІи ар лъабжъэ хуещІыж фЫуэ зэрылъагъухэм я зэхушытыкІэ кызырэгуэкІым.

Лъагъуныгъэ, цыхугъэ, адыгагъэ зи пкъым ижыхъа усаклуэм лъэкІкъым усэ къэс псэ пкърымыхъуэу кыгъэнэн. Аращ Алим и усэхэм къапкърыкІ гупсысэр зэфэгъуу, зым зыр «хэшыпсыхъыжу» щІышытыр.

Ауэ жиІакъым Бицу АнатоІэ: «Узэрыпсэум хуэдэу тхэ, узэрытхэм хуэдэу псэу». Ар КІыщокъуэм хуэбунэтІ хъун псалъэу зэрышытым шэч хэлъкъым. Алим наІуэ кыищІащ ар зэрыпсэуам хуэдэу зэрытхар, зэрытхам хуэдэу зэрыпсэуар.

Л.С. Хагожиева

О ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ АЛИМА КЕШОКОВА

Рассматриваются контекстные строения и содержание любовных стихотворений кабардинского поэта и прозаика Алима Кешокова. Автор выделяет их соответствия и противоречия национальным обычаям адыгского народа. Так же разбираются методы и способы создания поэтом образных сравнений в своих произведениях.

Ключевые слова: лирика, поэтика, адыгство, фольклор, художественный образ.

L.S. Hagozheeva

ABOUT ALIM KESHOKOV'S LOVE LYRICS

This paper analyzes the context of the structure and content of the love poems kabardian poet and prose writer Alim Keshokov. The author identifies their compliance and contradictions national customs adygeyan people. Just understand the methods and ways of creating imaginative comparisons poet in his works.

Keywords: poetry, poetics, adyga, artistic image.

РЕЦЕНЗИИ

Х.Б. Мамсиров, Х.-М.А. Сабанчиев

НОВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ПАМЯТИ

Рецензия на издание «Книга Памяти: Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика» / Ред. коллегия: К.Ф. Дзамихов (пред.) и др.; Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев. Нальчик: Эльбрус, 2014. Т. 1. 448 с., илл.; 2015. Т. 2. 408 с.; 2015. Т. 3. 424 с.; 2016. Т. 4. 424 с.

70-летие Победы в Великой Отечественной войне усилило интерес к ее событиям в связи с попытками некоторых зарубежных политиков пересмотреть ее итоги, поставить под сомнение значение вклада народов СССР в разгром фашизма. Страна положила на алтарь Победы жизни десятков миллионов советских людей. Поисковая работа, изучение и уточнение людских потерь в этой войне не прекращается ни на один день, чтобы сохранить память о героях, не доживших до Победы, но обеспечивших мирную жизнь и процветание последующим поколениям.

Накануне 71-й годовщины Великой Победы Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований подготовил и переиздал Книгу Памяти КБР в четырех томах (главный редактор К.Ф. Дзамихов, составители О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев). Проект выполнен в соответствии с распоряжением Главы Кабардино-Балкарской Республики «По подготовке и проведению в КБР праздничных мероприятий, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» № 43-РП от 14.04.2009 г.

Новое издание Книги Памяти включает: выявленные в Центральном архиве Министерства обороны РФ документы; списки военнослужащих – уроженцев Кабардино-Балкарии, погибших в плену и похороненных в г. Цайтхайн ФРГ и г. Белая Церковь Республики Украина; потери 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии; новые сведения из электронных ресурсов. В целом это позволило выявить более 1000 новых имен погибших – уроженцев республики, уточнить их персональные данные, исключить ошибочно включенных.

В каждом томе представлены списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести в годы войны. При формировании списков погибших воинов по районам КБР учтены изменения в административно-территориальном делении Кабардино-Балкарии в соответствии с Законом КБР № 68-РЗ от 27.02.2005 г. «О статусе и границах муниципальных образований», а также ходатайства близких родственников, переехавших на постоянное жительство в Кабардино-Балкарию или из района в район внутри республики. В городских округах и муниципальных районах списки фамилии воинов помещены в алфавитном порядке, с имеющимися о них сведениями.

В первом томе приведены поименные списки погибших воинов городского округа Нальчик и Чегемского района, во втором – городского округа Баксан, Баксанского, Зольского и Эльбрусского районов, в третьем – городского округа Прохладный, Прохладненского и Терского районов, в четвертом – Лескенского, Майского, Урванского и Черекского районов КБР.

В приложении к четвертому тому имеются списки дополнительно включенных и персональные данные в новой редакции.

В Книге Памяти помещены фотографии памятников землякам и воинам Красной Армии, павшим в боях на территории республики, установленные в городах,

селениях и станицах Кабардино-Балкарии. В приложении Книги имеется карта КБР с обозначением памятников, обелисков и мест захоронений павших воинов, карты оборонительных и наступательных операций советских войск на территории республики. Всего в 4 тома Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики включены фамилии 38046 воинов – уроженцев республики, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Тем не менее, составители книги обоснованно считают, что к настоящему времени еще не выявлены полностью все имена уроженцев Кабардино-Балкарии, погибших в Великой Отечественной войне, и поисковая работа должна быть продолжена и в последующем.

Для обеспечения доступа общественности Кабардино-Балкарии и других регионов страны к Книге Памяти и получения от граждан новых сведений об именах павших воинов создан уникальный проект «Электронная Книга Памяти КБР» (в четырех томах). Он размещен на сайтах: www.knigapamyati-kbr.ru; www.kbigi.ru.

Во введении «Книги Памяти КБР» отмечается, что более 60 тыс. сынов и дочерей Кабардино-Балкарии приняли участие в Великой Отечественной войне. Более половины из них – около 40 тыс. воинов, не вернулись с полей сражений. Все они поименно названы в Книге Памяти. Именами многих из них названы улицы и школы в Кабардино-Балкарии.

Наши земляки в составе Красной Армии принимали участие в освобождении от гитлеровцев Польши и Венгрии, Австрии, Болгарии и Чехословакии, Югославии и Румынии, участвовали в штурме Берлина, в разгроме милитаристской Японии. Уроженцы Кабардино-Балкарии участвовали в партизанском движении в Белоруссии и на Украине, в движении Сопротивления в ряде стран Европы.

Мужественно сражались воины из Кабардино-Балкарии на всех фронтах Великой Отечественной войны. Более 12 тысяч наших земляков были награждены орденами и медалями. 26 присвоено звание Героя Советского Союза, пятеро стали полными кавалерами ордена Славы.

В начальный период войны решением Государственного Комитета Обороны СССР от 13 ноября 1941 г. была сформирована 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, укомплектованная личным составом, лошадьми, необходимым обмундированием и снаряжением за счет республики. Воины дивизии в июле-августе 1942 г. героически сражались с превосходящими танковыми и моторизованными силами гитлеровцев, наступавших на Сталинград, и нанесли им значительные потери в живой силе и технике. Командующий 51-й армией генерал Н.И. Труфанов высоко оценил боевые заслуги бойцов и командиров 115-й кавалерийской дивизии, входившей в состав этой армии: «Несмотря на тяжелые потери, дивизия задержала врага, не дала ему прорваться к Волге, с честью выполнила поставленную перед ней задачу».

В ходе битвы за Кавказ территория нашей республики оказалась в эпицентре военного противоборства. Гитлеровцы рвались к Баку, и за 18 дней наступления они дошли от Ростова до предгорий Кавказа. 9 августа 1942 г. захватив Пятигорск, они устремились к столице Кабардино-Балкарии – Нальчику. Но в середине августа Красная Армия остановила врага на рубежах рек Баксан, Малка и Терек и удерживала линию фронта до конца октября 1942 г.

Территорию республики мужественно защищали воины 9-й и 37-й армий. В их составе сражались представители многих народов: русские, украинцы, грузины, кабардинцы, балкарцы, азербайджанцы, армяне и др. Самые кровопролитные бои происходили на Баксанском и Курпском рубежах, где чудеса стойкости и мужества проявили воины 2-й гвардейской, 151-й, 275-й, 295-й и 317-й стрелковых дивизий.

Получив решительный отпор под Моздоком, в сентябре 1942 г. гитлеровцы решили обойти препятствие и через Нальчик, Орджоникидзе и Военно-Грузинскую

дорогу выйти в Закавказье. Создав большой перевес в живой силе и технике над обескровленными частями 37-й армии, фашисты в конце октября перешли в наступление.

Началась Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная операция, длившаяся до конца 1942 г. Ценой больших потерь врагу удалось 28 октября захватить Нальчик и к середине ноября оккупировать большую часть территории Кабардино-Балкарии. Район с. Ташлы-Тала удерживался частями 37-й армии и партизанами республики.

За короткий срок фашисты уничтожили в Кабардино-Балкарии 4241 мирный житель и советских военнопленных, разрушили промышленные предприятия, разграбили колхозы и совхозы, МТС, нанеся республике общий ущерб в сумме 2 268 361 833 рубля (в ценах 1941 г.).

Несмотря на жестокость оккупационного режима, население республики не подчинилось врагу и вело борьбу с ним всеми доступными средствами. Под угрозой смерти спасали жизнь раненым воинам, оказавшимся на оккупированной территории, собирали сведения о противнике и передавали их партизанам.

С приближением врага к предгорьям Кавказа существенную помощь частям Красной Армии оказал Объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд, который во взаимодействии с ее регулярными частями и самостоятельно наносил фашистам ощутимый урон. В ходе операций в районе селений Хабаз, Каменномостское, Жемтала, Лескен I и др. они уничтожили более 700 захватчиков. Партизаны активно участвовали в освобождении Нальчика и др. населенных пунктов республики.

Контрнаступление Красной Армии под Сталинградом в ноябре 1942 г. ускорило переход советских войск на Северном Кавказе от обороны к наступлению. 11 января 1943 г. части Северной группы войск Закавказского фронта полностью освободили Кабардино-Балкарию от врага. При этом особо отличились 2-я гвардейская, 295-я, 351-я стрелковые дивизии и другие части 9-й и 37-й армий. В октябре 1943 г. Красная Армия освободила последний плацдарм врага на Кавказе – Таманский полуостров.

В Книге Памяти КБР емко отражен вклад тыла фронту. К каждому тому Книги Памяти прилагается предисловие и введение, где приводятся обобщенные сведения о вкладе тружеников тыла в достижение победы над фашизмом. Мобилизации самых трудоспособных мужчин на фронт осложнили ситуацию в экономике республики, но ее перестройка на военный лад не замедлялась.

Заводы и фабрики Кабардино-Балкарии изготавливали боеприпасы, вели ремонт боевой техники, поставляли на фронт стратегический металл молибден, мясные и овощные консервы, пищевые концентраты, спирт, кожаную обувь, валенки, полушубки, блиндажные печи и котлы. Нальчикский мясокомбинат и кондитерская фабрика поставили фронту 18000 тонн мяса, колбас, жиров, 25 миллионов двухсотграммовых брикетов пищевых концентратов и 5600 тонн кондитерских изделий.

В годы Великой Отечественной войны жители республики внесли в Фонд обороны страны более 160 млн. рублей, значительная часть которых пошло на строительство танковых колонн «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» и «Смерть немецким захватчикам», эскадрилий самолетов и другой боевой техники для Красной Армии.

Колхозы и совхозы Кабардино-Балкарии в годы войны дали фронту 27 тыс. лошадей, 286771 т. зерна, 55275 т. картофеля, 47399 т. подсолнечника, 19512 т. овощей, 96967 ц. мяса, 164165 гекталитров молока, 9025 ц. шерсти, 252896 шт. кож.

За годы войны жители Кабардино-Балкарии отправили воинам Красной Армии 23 вагона с подарками и продовольствием, 71673 единицы теплых вещей: полушубки, шапки, свитера, носки, меховые жилеты, валенки; оказали

братскую помощь эвакуированному населению из Ленинграда и других городов и областей страны.

В период войны в г. Нальчике размещались Урюпинское военно-пехотное училище, штабы армии и соединений, 12 военных госпиталей, в которых лечились тысячи раненых советских воинов. Жители республики обеспечивали их продуктами, ухаживали за тяжелоранеными.

За стойкость и героизм населения Кабардино-Балкарии и ее столицы, проявленные в период Великой Отечественной войны, 7 мая 1985г. Указом Президиума Верховного Совета СССР г. Нальчик был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а 25 марта 2010 г. Указом Президента Российской Федерации удостоен почетного звания «Город воинской славы».

Подводя итоги следует отметить, что сотрудники КБИГИ проделали значительную работу по поиску, систематизации, обработке документов и уточнению сведений о ратном и трудовом подвиге народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне, об их вкладе в достижение Победы.

Пропустив через свои сердца боль трагических потерь 70-летней давности, ученые КБИГИ воскресили из небытия имена более 1000 наших героев – земляков, вернув память о них в родные семьи, республике, Родине. Тем не менее, они убеждены, что выявленные источники из центральных, местных и семейных архивов еще раз указывают на необходимость дальнейшего детального изучения и уточнения цены Победы.

Книга Памяти имеет научно-практическую и воспитательную значимость и будет востребован при изучении курса истории народов Кабардино-Балкарии в общеобразовательных школах, колледжах и вузах республики. Сейчас особенно важно сохранить память о героях, передать ее следующим поколениям, а не предавать забвению память павших, как это происходит в странах Балтии и Украине.

Книга Памяти станет важным подспорьем для молодых исследователей при новом прочтении и интерпретации роли народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне, их вкладе в достижение Победы. Это позволит дезавуировать ошибочные оценки в отечественной историографии, связанные с умалением роли участия северокавказских народов в Великой Отечественной войне, в партизанском движении в оккупированных национальных автономиях, и, особенно, в части выводов о якобы особом отношении оккупантов к горскому населению, о массовом коллаборационизме на Северном Кавказе.

Материалы Книги Памяти, имена дедов, прадедов, близких родственников, масса сведений о мужестве и героизме наших земляков выходят далеко за рамки просто исторических знаний. Они несут глубокий нравственный заряд, приближая к нам героическое прошлое, порождая чувство сопричастности к нему.

Книга Памяти – это призыв не забывать трагические уроки истории Великой Отечественной войны. Каждое имя, вписанное золотыми буквами в Книгу Памяти – это гордость их потомков, это связь поколений, которое воспитывает в молодежи чувства патриотизма, ответственности за прошлое, настоящее и будущее.

Х.Х. Малкондуев

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ АДЫГСКИХ СКАЗКАХ

Рецензия на монографические исследования Ж.Г. Тхамоковой «Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении)». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 222 с.; М.Ф. Бухурова «Адыгская богатырская сказка». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 160 с.

Сказочный эпос в кавказоведении остается одним из наименее изученных жанров. До настоящего времени он не стал предметом монографического исследования на материале фольклора большинства народов Северного Кавказа.

В связи с этим, уместно заметить, что выпущенные в 2014 и 2015 гг. в КБИГИ монографические исследования кандидатов филологических наук Ж.Г. Тхамоковой «Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении)»¹ и М.Ф. Бухурова «Адыгская богатырская сказка»² стали значительным явлением в северокавказской фольклористике.

Долго, упорно и весьма скрупулезно работала Ж.Г. Тхамокова над сбором и изучением бытовых сказок своего народа. Она вела свои исследования в тесном контакте с ведущими сказковедами страны (Е.В. Вирсаладзе, Э.В. Померанцевой) и под руководством выдающегося ученого, доктора филологических наук У.Б. Далгат.

Для решения поставленной проблемы, автором обработано около 700 опубликованных и архивных материалов, часть которых составляют собственные записи. Главная задача ученого состояла в том, чтобы определить сюжетный состав бытовых сказок, установить общее и особенное в сказительской традиции адыгских субэтносов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов), «...выявить международную общность и национальное своеобразие сюжетного состава адыгских бытовых сказок путем сопоставления с соответствующим разделом международного указателя Аарне-Томпсона»³, что является работой чрезвычайно сложной и кропотливой.

В качестве сравнительно-аналитического материала Ж.Г. Тхамокова приводит сказки многих народов Запада и Востока (славян, немцев, тюрков, арабов и т.д.), где четко прослеживаются элементы типологии, заимствования, бродячих сюжетов и собственно национальные мотивы, берущие начало с этнической древности адыгов.

Весьма интересны теоретические суждения автора о специфике жанра рассматриваемой разновидности сказки. Поскольку в этом вопросе в филологической науке не существует единого мнения, исходя из национального своеобразия изучаемого эмпирического материала, она предлагает свое видение проблемы, что следует оценить как весомый вклад в фольклористику. Это, прежде всего, касается вопроса внутрижанровой классификации и структурно-семантического принципа, открытого В.Я. Проппом в его известной работе «Морфология сказки»⁴.

Книга Ж.Г. Тхамоковой состоит из введения, двух глав, заключения и богатого в информативном плане научного аппарата.

В первой главе рассматриваются проблемы сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок и отмечаются их национально-эстетические особенности. Подчеркивается, что автором впервые был создан национальный указатель сюжетов по системе Аарне-Томпсона с привлечением большого количества материалов.

Результаты исследования весьма впечатляют: в национальный указатель бытовых сказок был внесен 231 тип сюжетов, выявлено, что 113 типов из них имеют

соответствия в международном указателе. Подобные результаты дают основание для суждения о том, что сказочный эпос адыгов весьма древен и включает многие оригинальные и универсальные мировые сюжеты, ставшие через определенное время глубоко национальными, адыгскими.

Здесь же ученым по типу сюжетов выделяются в отдельные параграфы «Новеллистические сказки» и «Анекдоты», где дается краткое описание многих произведений, в частности, их соответствие международному сказочному «Указателю...». Особо интересен ряд мотивов о Ходже (Насреддине), широко известном в восточном мире персонаже.

Большой научный интерес представляет вторая глава – «Роль иноэтнического окружения в формировании сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок», в которой выводы автора о том, что тот факт, «...что 89 адыгских бытовых сказок имеют соответствие в международном каталоге, красноречиво говорит об общности адыгских сказок со сказками других народов»⁵, заслуживают большого уважения, ибо моральная эволюция как победа разума прежде всего выражалась в восприятии и заимствовании культур одних народов другими, и наоборот, что доказывается ученым множествами примеров из сказочного репертуара народов Кавказа, а также Запада и Востока.

Глава состоит из трех разделов, весьма глубоких, научно-взвешенных и насыщенных примерами из литературы и эмпирических материалов. Мы бы отметили параграф «Роль Востока в формировании сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок», в котором, на основе проведенного системно-аналитического исследования основного сюжетно-повествовательного ядра, автор замечает, «... что из 231 типа адыгских бытовых сказок, включенных в указатель, 122 типа обнаружили соответствие в сказках соседних народов Кавказа»⁶.

Ж.Г. Тхамокова приводит ряд текстов, которые бытуют только у кабардинцев и балкарцев, а также таблицу сюжетных соответствий адыгских сказок с произведениями грузинских, дагестанских, абхазских, абазинских, осетинских, чеченских, ингушских, армянских народных сказок, которые в количественном отношении составляют 278 текстов. Здесь мы бы отметили чрезвычайно интересный международный мотив 981. «Почему перестали убивать стариков», получивший широкое распространение в сказительской традиции всего мира.

Книга содержит богатый научный аппарат: обширная научная литература и ссылки на источники и архивные фонды. В конце монографии дается «Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне-Томпсона [850–869].

В целом, исследование Ж.Г. Тхамоковой является одним из глубоких научно-теоретических работ за последние годы в адыговедении.

Новым веянием и своеобразием отличается и монография М.Ф. Бухурова, который впервые в адыгской фольклористике обратился к научно-аналитическому исследованию адыгской героической сказки, выделяя ее в самостоятельный жанр в системе устной словесной прозы, о чем он сам размышляет: «...фольклористы не выделяют богатырскую сказку как самостоятельную жанровую разновидность. Между тем, богатырская сказка – одна из наиболее художественно совершенных и популярных жанровых разновидностей адыгского сказочного эпоса. Она характеризуется многообразием сюжетов и персонажей, богатством изобразительно-выразительных средств, что делает ее важной составной частью духовной культуры адыгов»⁷.

Чтобы утвердить свою точку зрения, ученый проделал серьезную работу по историко-сравнительному типологическому анализу, в результате чего им успешно решаются задачи выделения богатырской сказки как самостоятельной жанровой разновидности, выявления основных критериев для отграничения богатырской сказки от других жанров адыгского фольклора, классификации

канонических, национальных особенностей адыгской богатырской сказки по типам и устойчивым традициям.

Книга состоит из трех глав, написанных в сравнительно-историческом плане и логически вытекающих одна из другой, что с научно-композиционной точки зрения вполне обосновано.

Первая глава является историографической и посвящается проблеме изученности данного жанра в адыговедении и места термина «богатырская сказка» в адыгском фольклоре, истоки которого имеют глубокие корни.

Для этого М.Ф. Бухуров дает краткий анализ трудов своих предшественников Ш.Х. Хута, А.И. Алиевой, Н.В. Новикова, С.М. Мелетинского и др., привнесших определенный вклад в изучение мотивов, сюжетов, устойчивых формул, типологии образа центрального героя адыгской сказки. Раскрытие проблемы требовало глубокого и всестороннего изучения поставленной задачи, для чего автором рассматривается ряд серьезных, устоявшихся в национальном фольклоре сюжетно-повествовательных схем, сыгравших доминирующую роль. Это такие образы, как чудеснорожденный богатырь; «низкий» герой и герой «благородного происхождения»; типология женских образов; девушка-богатырша; второстепенные персонажи адыгской богатырской сказки; помощники героя; мифологические персонажи в качестве помощника; помощники героя – животные; волшебные предметы; противники героя.

Каждой указанной теме в монографии посвящается отдельный параграф, в котором использован весь доступный ученому эмпирический материал, в результате чего каждая часть становится научно-аналитическим исследованием жанровых принципов формирования образов эпического и сказочного персонажей. Достойное место отводится также гендерному аспекту и художественно-предметному миру.

Ряд страниц монографии, посвященных мотиву «чудесного рождения», сопровождается интересными примерами из текстов национальной устной словесности и научно-теоретических изысканий из опыта мировой фольклористики, где ученый опирается на суждения Е.А. Костюхина о том, что: «Мифы о браке человека с животным восходят к тотемистическим представлениям. Первоначально брак человека с животным воспринимается, по-видимому, как неизбежное следствие реинкарнации – вечного воплощения тотемных предков в потомстве»⁸.

Пожалуй, наиболее весомым научным разделом книги является третья глава – «Композиция и традиционные формулы адыгской богатырской сказки», посвященная логической структуре и устойчивым каноническим рудиментам исследуемого материала, который анализируется в эволюции.

Рассматривая композиционные особенности героической сказки, автор акцентирует внимание на ее структурных элементах, формирующих текст как завершенное произведение: присказке, зачине, экспозиции, завязке, кульминации и развязке, состоящей из ряда морфологических элементов. Также приводится ряд текстов из адыгейского фольклора, мотивы которых представляются значительно архаичнее в системе устной культурной словесности адыгов. Как значительное явление в данном исследовании следует отметить выделение финальных формул (сообщение о завершении сказочного действия) в отдельный раздел главы, что говорит о серьезном подходе ученого к рассматриваемой проблеме.

Изучение традиционных формул в любом жанре фольклора является одним из сложнейших вопросов в науке. Для этого следует не только хорошо владеть изучаемым материалом, но и уметь выявлять и профессионально подходить к их системно-аналитическому, поэтико-стилевому анализу знаковой структуры адыгской богатырской сказки. Здесь дело осложняется еще и тем, что в последние годы ученые фольклористы в понятие художественной формулы начали включать место и время сказочного повествования, что на наш взгляд, является весьма спорным.

М.Ф. Бухуровым приводится интересная комбинированная, морфологическая таблица, составленная по структурно-аналитическому принципу румынского фольклориста Н. Рошияну. Он значительно дополняет методику румынского ученого.

Учитывая, что Н. Рошияну был последователем школы Е.М. Мелетинского, можно признать, что кабардинский исследователь своими наблюдениями развивает существующие в нашей отечественной науке традиции.

В заключении вполне обоснованы выводы ученого о том, что, в отличие от волшебных, богатырские сказки менее подвержены влиянию «чудесных мотивов», «... что позволяет нам сделать вывод: в волшебных сказках решающая роль в достижении героем цели принадлежит помощникам и чудесным предметам, тогда как в богатырских они выполняют вспомогательную функцию»⁹.

Здесь к месту приводятся суждения известного эпосоведа С.Ю. Неклюдова относительно дифференциации богатырской сказки, предшествующей классическому героическому эпосу, которую можно рассматривать как одну из завершающих ступеней его (т.е. эпоса) эволюции, т.к. сказка – жанр более древний, чем народный эпос, но его продуктивный период может быть намного более продолжительным, перекрывая «эпическое время».

Монографическое исследование М.Ф. Бухурова, написанное на современном научно-теоретическом уровне, представляется весьма положительным явлением в изучении адыгских народных сказок.

Полагаем, что оба эти издания в будущем найдут себе достойное место в отечественном сказковедении и в ряду исследований адыгского фольклора.

Примечания

1. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
2. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.
3. *Тхамокова Ж.Г.* Указ. раб. С. 6.
4. *Протт В.Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
5. *Тхамокова Ж.Г.* Указ. раб. С. 104.
6. Там же. С. 106.
7. *Бухуров М.Ф.* Указ. раб. С. 6.
8. *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М: Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 45.
9. *Бухуров М.Ф.* Указ. раб. С.141.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Алоев Тимур Хазраилович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-903-491-85-92

E-mail: kbigi@mail.ru

Жанситов Осман Асланович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-694-93-70

E-mail: kbigi@mail.ru

Гутова Ляна Адамовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-48-91

E-mail: kbigi@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н., и.о. зав. сектором новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-906-48-49-645

E-mail: kesheva10@gmail.com

Сергиенко Людмила Михайловна, аспирант Пятигорского государственного университета, старший преподаватель кафедры истории, права и общественных дисциплин Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки.

357600, г. Ессентуки, ул. Долина Роз 7

Тел. 8 (87934) 2-70-71

E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru

Тетиев Алим Инзрелович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-50-69

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна, к.филос.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел. +7-928-075-81-22

E-mail: gbaz@mail.ru

Сабанчиева Любовь Хабижевна, к.и.н, доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-48-91

E-mail: sablyu@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-21-93

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, стажер-исследователь сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8-963-393-26-15

E-mail: kbigi@mail.ru

Мамсиров Хамитби Борисович, д.и.н., профессор, директор института истории, филологии и средств массовой информации ФГБОУВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360017, г. Нальчик, ул. Кавказская, д. 50

Тел. +7-928-913-51-63

E-mail: kbigi@mail.ru

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич, д.и.н., профессор кафедры культурологии, этнологии и истории КБР ФГБОУВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Тел. 8 (8662) 40-11-28

360017 г. Нальчик, ул. Тарчокова, д. 54 «Б», кв. 173

E-mail: kbigi@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-74

E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head at department of archeology and ethnology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, senior researcher at sector of medieval and new history of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-903-491-85-92
E-mail: kbigi@mail.ru

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, senior researcher of the latest history sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-694-93-70
E-mail: kbigi@mail.ru

Gutova Layna Adamovna, Candidate of Philology, senior researcher of the adyghe folklore sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-48-91
E-mail: kbigi@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, and about head sector of the modern history of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-48-49-645
E-mail: kesheva10@gmail.com

Sergienko Ludmila Mihailovna, graduate student of Pyatigorsk State University, senior lecturer of history, law and social sciences Branch Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki.
7 st. Rose Valley
Essentuki 357600
Ph. 8 (87 934) 2-70-71
E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, leading researcher of the latest history sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-50-69
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Bazieva Gulfiya Dzhamalovna, Candidate of Philosophy, senior researcher of the ethnology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-075-81-22
E-mail: gbaz@mail.ru

Sabanchieva Lyubov Habizhevna, Candidate of History, associate professor, senior researcher of the ethnology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-48-91
E-mail: sablyu@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, scientific researcher of kabardian literature sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, intern researcher of adyghe folklore sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-963-393-26-15
E-mail: kbigi@mail.ru

Mamsirov Hamitbi Borisovich, Doctor of History, professor, director of the Institute of History, Philology and media of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

50 Caucasian Street
Nalchik 360017
Ph. + 7-928-913-51-63
E-mail: kbigi@mail.ru

Sabanchiev Hadji-Murat Alekseevich, Doctor of History, professor of cultural studies, ethnology and history of the CBD of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

54 «B» Tarchokova Street, apt. 173
Nalchik 360017
Ph. 8 (8662) 40-11-28
E-mail: kbigi@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, head of karachay-balkarian folklore sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 27.06.2016
Усл. печ. л. 9,8

Формат 70x108 ¹/₁₆
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 160

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *З.В. Черкесова*